

Pan Knut Hamsun	Пан Кнут Гамсун
<p data-bbox="268 461 284 495">1</p> <p data-bbox="225 589 823 1010">I de siste dager har jeg tænkt og tænkt på Nordlandssommerens evige dag. Jeg sitter her og tænker på den og på en hytte som jeg bodde i og på skogen bak hytten og jeg gir mig til å skrive noget ned for å forkorte tiden og for min fornøielses skyld.</p> <p data-bbox="225 1104 836 1397">Tiden er meget lang, jeg får den ikke til å gå så hastig som jeg vil skjønt jeg ikke sørger over noget og skjønt jeg lever det lystigste liv. Jeg er vel tilfreds med alt og mine tredive år er ingen alder.</p> <p data-bbox="225 1554 839 2040">For nogen dager siden fik jeg tilsendt et par fuglefjær langsveis fra, fra et menneske som ikke skyldte mig dem, men to grønne fjær i et kronet ark postpapir forseglet med oblat. Det fornøiet mig også å se to så djævelsk grønne fuglefjær. Og ellers har jeg ingen anden plage end nu og da litt gigt i min</p>	<p data-bbox="906 461 922 495">1</p> <p data-bbox="863 589 1474 1077">Последние дни мне все думается, думается о незакатном дне северного лета. Все не идут у меня из головы это лето и лесная сторожка, где я жил, и лес за сторожкой, и я решился кое-что записать, чтоб скоротать время и так просто, для собственного удовольствия.</p> <p data-bbox="863 1104 1442 1525">Время идет медленно, я никак не могу заставить его идти поскорей, хоть ничто не гнетет меня и я веду самую беззаботную жизнь. Я совершенно всем доволен, правда, мне уже тридцать лет, но не так уж это много.</p> <p data-bbox="863 1554 1481 2040">Несколько дней назад я получил по почте два птичьих пера, издалека, от человека, который вовсе не должен бы мне их присылать, но вот поди ж ты — два зеленых пера в гербовой бумаге, запечатанной облаткой. Любопытно было взглянуть на эти перья, до чего же они зеленые... А так</p>

venstre fot etter et gammelt skudsår som nu for laenge siden er lægt.

Jeg husker at for to år siden gik tiden meget hurtig, uten sammenligning meget hurtigere end nu, det var forbi med en sommer inden jeg visste av det. Det var for to år siden, i 1855, jeg vil skrive om det for min fornøielses skyld, det hændte mig noget eller jeg drømte det.

Nu har jeg glemt mange ting som hører disse oplevelser til fordi jeg næsten ikke har tænkt på dem siden; men jeg husker at nætterne var meget lyse. Mange ting forekom mig også så fordreiede, året hadde tolv måneder, men nat blev dag og aldrig var det en stjerne å se på himlen.

Og de folk jeg møtte var særegne og av en anden natur end folk jeg kjendte fra før; nu og da var en nat nok til å få dem til å springe ut fra barn av i al deres herlighet, modne og fuldt voksne. Det var ingen troldom heri, men jeg hadde ikke oplevet det før. O nei.

ничто меня не мучит, разве что иногда ломит левую ногу из-за старой раны, впрочем, давно уже залеченной.

Помню, два года назад время бежало быстро, не то что теперь, не успел я оглянуться, как промчалось лето. Это было два года назад, в 1855 году, а сейчас я для собственного удовольствия решил написать обо всем, что мне тогда выпало на долю, а может быть, и просто приснилось.

Теперь уж позабылись многие подробности тех событий, я ведь о них почти и не вспоминал; помню только, что ночи были очень светлые. И многое казалось мне странно: в году, как всегда, двенадцать месяцев, а ночь обратилась в день, и хоть бы одна звезда на небе.

И люди там тоже особенные, никогда еще мне такие не встречались; иной раз одна всего ночь — и вчерашний ребенок становится взрослым, разумным и прекрасным созданием. И не то чтобы это колдовство, просто никогда еще мне такое не встречалось. О, никогда,

I et stort, hvidmalet hjem nede ved sjøen traf jeg et menneske som for en kort tid sysselsatte mine tanker. Jeg husker hende ikke mere til stadighet, ikke nu, nei jeg har ganske glemt hende; men jeg tænker derimot på alt det andet, på sjøfuglenes skrik, på min jagt i skogene, mine nætter, alle sommerens varme timer. Det var forresten endog ved et rent tilfælde at jeg lærte å kjende hende og uten dette tilfælde vilde hun ikke ha været i mine tanker en dag.

Fra min hytte kunde jeg se et virvar av øer og holmer og skjær, litt av sjøen, nogen blånende fjældtinder, og bak hytten lå skogen, en uhyre skog.

Jeg blev fuld av glæde og tak ved duften av røtter og løv, av den fete os av furuen, som minder om lukten av marv; først i skogen kom alt indeni mig i stilhet, min sjæl blev egal og fuld av magt.

Jeg gik dag efter dag i åserne med Æsop ved min side og jeg ønsket intet heller end å få vedbli å gå der dag efter dag, skjønt det endnu lå sne og bløt sørpe over den halve mark. Min eneste kamerat var Æsop; nu har jeg Cora, men

никогда не встречалось.

В большом белом доме у самого моря судьба свела меня с человеком, на короткое время занявшим мои мысли. Теперь этот человек уже не стоит неотступно у меня в голове, так только, изредка вспомню, да нет, совсем позабыл; я вспоминаю, напротив, совсем другое: крик морских птиц, охоту в лесах, мои ночи, каждый горячий час лета. Да и свел-то нас с нею случай, и ведь не будь этого случая, я бы и дня о ней не думал.

Из сторожки я видел сумятицу островков и шхер, кусочек моря, синие вершины, а за сторожкой лежал лес, бескрайний лес.

Как я радовался запаху корней и листвы, запаху жирной сосновой смолы; только в лесу все во мне затихало, я чувствовал себя сильным, здоровым, и ничто не омрачало душу.

Всякий день я шел в горы с Эзопом, и ничего-то мне больше не надо было — только вот так ходить в горы, хоть еще не сошел снег и местами чернела слякоть.

Единственным товарищем моим был

dengang hadde jeg Æsop, min hund som jeg senere skjöt.

Ofte om aftenen når jeg kom hjem igjen til hytten efter min jagt kunde min lune hjernmeiølelse gjennemrisle mig fra øverst til nederst, ja bringe mit indre i kjære rystninger, og jeg gik og pratet med Æsop om hvor godt vi hadde det.

Så, nu gjør vi ild op og steker os en fugl her på graven, sa jeg, hvad mener du om det? Og når alt det var gjort og vi begge hadde spist krøp Æsop bort til sin plass bak graven mens jeg tændte pipen og la mig bort på briksen for en stund og lyttet til det døde sus i skogen. Det var en svak drot i luften, vinden bar ned mot hytten og jeg kunde tydelig høre årfuglens hutren langt bak i åsen. Ellers var alt stille.

Og mangen gang sovnet jeg ind der jeg lå, i fulde klær, rund, som jeg stod og gik, og vaknet ikke igjen før sjøfuglene var begyndt å skrike.

Når jeg da så ut av vinduet kunde jeg skimte handelsstedets store hvite bygninger, Sirilunds brygger, kramboden hvor jeg kjøpte mit brød, og jeg blev liggende en stund forundret over at jeg befandt mig her i en hytte i

Эзоп; теперь у меня Кора, а тогда был Эзоп, мой пес, которого я потом застрелил.

Часто вечером, когда я подходил к своей сторожке, у меня уютно замирало сердце, пробирала радостная дрожь, и я говорил с Эзопом о том, как славно нам живется.

«Ну вот, сейчас, мы разведем огонь и зажарим на очаге птицу, — говорил я ему, — что ты на это скажешь?» А когда мы отужинаем, Эзоп, бывало, забирался на свое место за очагом, а я зажигал трубку, и ложился на нары, и вслушивался в глухой шорох леса. Ветер дул в сторону нашего жилья, и я отчетливо слышал, как токуют тетерева далеко в горах. А то все было тихо.

И часто я так и засыпал, как был, во всей одежде, и просыпался лишь от утреннего крика морских птиц.

Выглянув в окно, я видел большие белые строения, лавку, где я брал хлеб, пристани Сирилунна, и потом еще лежал на нарах, дивясь, что я тут, на самом севере Норвегии, в Нурланне, в сторожке на краю леса.

Nordland, i kanten av en skog.

Så rystet Æsop sin lange smale krop borte ved graven, det klirret i dens halsbånd, den gapte og logret, og jeg sprang op efter disse tre, fire timers søvn, uthvilet og fuld av glæde over alt, alt.

Således gik mangel nat.

II

Det kan regne og storme, det er ikke derpå det kommer an, ofte kan en liten glæde bemægtige sig en på en regnveirsdag og få en til å gå avsides med sin lykke.

Man stiller sig da op og gir sig til å se ret frem, nu og da ler man tyst og ser sig omkring. Hvad tænker man på? En klar rute i et vindu, en solstråle i ruten, en utsigt til en liten bæk og kanskje til en blå rift på himlen. Det behøver ikke å være mere.

Til andre tider kan selv usædvanlige oplevelser ikke formå å rykke en ut av en jævn og fattig stemning; midt i en ballsal kan man sitte sikker, likegyldig

Но вот Эзоп потягивался узким длинным телом, звенел ошейником, зевал, вилял хвостом, и я вскакивал после трех-четырёхчасового сна, совершенно выспавшийся и всем, всем довольный.

Так прошло много ночей.

2

Бывает, и дождь-то льет, и буря-то воеет, и в такой вот ненастный день найдет беспричинная радость, и ходишь, ходишь, боишься ее расплескать.

Встанешь, бывает, смотришь прямо перед собой, потом вдруг тихонько засмеешься и оглядишься. О чем тогда думаешь? Да хоть о чистом стекле окна, о лучике на стекле, о ручье, что виден в это окно, а может, и о синей прорехе в облаках. И ничего-то больше не нужно.

А в другой раз даже и что-нибудь необычайное не выведет из тихого, угнетенного состояния духа, и в бальной зале можно сидеть уныло, не

og upåvirket. For det er ens eget indre som er sorgens eller glædens kilde.

Jeg husker en bestemt dag. Jeg var kommet ned til kysten. Regnet overrasket mig og jeg gik ind i et åbent båtnaust og satte mig så længe. Jeg nynnede lidt, men uden glæde og uten lyst, bare for å fordrive tiden.

Æsop var med, den satte sig til å lytte, jeg holder inde med å nynne og lytter også, stemmer høres utenfor, folk nærmer sig. Et tilfælde, et meget naturlig tilfælde! Et selskap på to herrer og en pike kom over hals og hode ind til mig. De ropte leende til hverandre: Hurtig! Her kan vi være i skjul så længe! Jeg reiste mig.

Den ene herre hadde et hvitt, ustivet skjortebryst, som nu atpå kjøpet var blitt opbløtt av regnet og hang i poser; i dette våte skjortebryst sat en diamantspænde. Han hadde på benene lange, spidse sko som så noget sprademæssige ut.

Jeg hilste til manden, det var hr. Mack, handelsmanden, jeg kjendte ham igjen fra kramboden hvor jeg hadde kjøpt brød. Han hadde endog inviteret mig ind

заражаясь общим весельем. Потому что источник и радостей наших, и печалей в нас же самих.

Вот помню я один день. Я спустился к берегу. Меня захватил дождь, и я спрятался в лодочном сарае. Я напевал, но без охоты, без удовольствия, так просто, чтобы убить время.

Эзоп был со мной, он сел, прислушался. Я перестаю петь и тоже слушаю, я слышу голоса, ближе, ближе. Случай, чистейший случай! Два господина и девушка влетают ко мне в сарай. Они, хохоча, кричат друг дружке:

— Скорее! Тут и переждем!

Я встал.

Один из мужчин был в белой некрахмаленой манишке, теперь она вдобавок совсем промокла и пузырилась; в этой мокрой манишке торчала брильянтовая булавка. На ногах у него были длинные, остроносые башмаки весьма щегольского вида.

Я поклонился, это был господин Мак, торговец, я узнал его, я покупал хлеб у него в лавке. Он еще приглашал меня к себе домой, да я

i familien engang uten at jeg hadde været der endnu.

Ah, kjends folk! sa han da han fik se mig. Vi var på veien ut til møllen, så måtte vi vende om. Maken til veir, hvad? Men når kommer De så til Sirilund, hr. løytnant? Han forestilte den lille sortskjæggede herre, som fulgte med, en doktor som bodde ved annekskirken.

Piken løftet sløret såvidt op på næsen og gav sig til å snakke dæmpet med Æsop. Jeg la mærke til hendes jakke, av foret og knaphullerne kunde jeg se at den var opfarvet. Hr. Mack præsenterte også hende, hun var hans datter og het Edvarda.

Edvarda gav mig et blik gjennom sløret, så hvisket hun videre med hunden og læste på dens halsbånd:

Jaså, du heter Æsop du .... Doktor, hvem var Æsop? Det eneste jeg husker er at han forfattet fabler. Var han ikke frygier? Nei jeg vet ikke.

Et barn, en skolepike. Jeg så på hende, hun var høi, men uten former, omkring femten, seksten år, med lange, mørke hænder uten hansker. Hun hadde kanskje

пока не собрался.

— А, знакомые! — сказал он, разглядев меня. — Вот, пошли было на мельницу, и пришлось воротиться. Ну и погодка, а? Так когда же вы пожалуете в Сирилунн, господин лейтенант? — Он представил мне низкорослого господина с черной бородкой, доктора, жившего в соседнем приходе.

Девушка подняла вуаль на нос и принялась тихонько беседовать с Эзопом. Я заметил ее кофту, по изнанке и петлям видно было, что она перекрашена. Господин Мак представил и ее, это его дочь, зовут ее Эдвардой.

Эдварда быстро глянула на меня через вуаль и опять стала шептаться с Эзопом и разбирать надпись у него на ошейнике.

— Тебя, оказывается, зовут Эзоп... Доктор, кто такой Эзоп? Я только и помню, что он сочинял басни. Фригиец, кажется? Нет, не знаю.

Ребенок, школьница. Я смотрел на нее. Высокая, но еще не развившаяся, лет пятнадцати-шестнадцати, длинные, темные руки без перчаток.

i denne ettermiddag slåt op i et leksikon om Æsop for å ha det på rede hånd.

Hr. Mack spurte mig ut om min jagt.

Hvad skjød jeg mest? Jeg kunde nårsomhelst få en av hans båter til min rådighet, jeg behøvet bare å si til.

Doktoren sa ikke et ord. Da selskapet gik, blev jeg opmærksom på at doktoren haltet noget og brukte stok.

Jeg vandret hjem i samme tomme stemning som før og nynnende av likegyldighet. Dette møte i båtnaustet gjorde hverken fra eller til på mit sind; hvad jeg husket bedst av det hele var hr. Macks gjennomvåte skjortebryst hvori det sat en diamantspænde, våt den også og uten større glans.

III

Der stod en sten utenfor min hytte, en høi, grå sten. Den hadde et uttryk av venligsindethet mot mig, det var som om den så mig når jeg kom gående og kjendte mig igjen. Jeg la gjerne min vei forbi denne sten når jeg gik ut om

Наверное, придя домой, она отыскала в лексиконе Эзопа, чтобы блеснуть при случае.

Господин Мак расспрашивал меня об охоте. Чего попадаете больше? Я могу свободно располагать любой из его лодок, одно мое слово — и она в моем нераздельном пользовании.

Доктор все время молчал. Когда они пошли, я заметил, что доктор прихрамывает и опирается на палку.

Я побрел домой; на душе у меня было по-прежнему пусто, я безразлично напевал. Встреча в лодочном сарае не произвела на меня ровным счетом никакого впечатления; больше всего запомнилась мокрая манишка господина Мака с брильянтовой булавкой, тоже мокрой и почти без блеска.

3

Неподалеку от моей сторожки стоял камень, высокий серый камень. У камня был такой приветливый вид, он словно смотрел на меня, когда я к нему подходил, и узнавал меня. По утрам, отправляясь на охоту, я

morgningen og det var likesom jeg efterlot en god ven der som vilde vente på mig til jeg kom tilbage.

Og oppe i skogen begyndte jagten.

Kanske skjøt jeg noget og kanskje ikke ....

Utenfor øerne lå havet i tung ro. Jeg stod og så på det mangen gang fra åserne når jeg var høit tilveirs; i stille dager kom skibene næsten ingen vei, jeg kunde se det samme seil i tre dager, lite og hvitt som en måse på våndet.

Men kanskje hvis vinden sprang om kunde fjældene i det fjærne bli næsten borte, det blev uveir, sydveststorm, et skuespil hvortil jeg var tilskuer. Alt stod i røk. Jorden og himlen blandedes sammen, havet tumlet sig i forvredne luftdanse, dannet mænd, hester og spjærrede faner.

Jeg stod i ly under en berghammer og tænkte mig mangehånde ting, min sjæl var spændt. Gud vet, taenkte jeg, hvad jeg idag er vidne til og hvorfor havet åpner sig for mine øine? Kanske skuer jeg i denne stund det indre av jordens

приноровился ходить мимо камня, и меня словно бы поджидал дома добрый друг.

А в лесу начиналась охота. Иногда я подстрелю какую-нибудь дичь, иногда и нет...

За островами тяжело и покойно лежало море. Часто я забирался далеко в горы и глядел на него с вышины; в тихие дни суда почти не двигались с места, бывало, три дня кряду я видел все тот же парус, крошечный и белый, словно чайка на воде.

Но вот налетал ветер и почти стирал горы вдалеке, поднималась буря, она налетала с юго-запада, у меня на глазах разыгрывалось интереснейшее представление. Все стояло в дыму. Земля и небо сливались, море взвихрялось в диком танце, выбрасывая из пучины всадников, коней, разодранные знамена.

Я стоял, укрывшись за выступ скалы, и о чем только я тогда не думал! Бог знает, думал я, чему я сегодня свидетель и отчего море так открывается моим глазам? Быть может, мне дано в этот час увидеть

hjerne, hvorledes der arbeides,
hvorledes alt syder!

Æsop var urolig, nu og da satte den
snuten opad og luktet, veirsyk, dirrende
ømfindtlig i benene; da jeg ikke talte til
den la den sig mellem mine føtter og
stirret likesom jeg tilhavs.

Og intet rop, intet menneskes ord hørtes
noget sted, ingenting, men bare det
tunge sus omkring mit hode. Det lå et
skjær langt ute, det lå alene; når sjøen
ravet opover dette skjær steilet den som
en vanvittig skrue, nei som en havgud
som reiste sig våt i veiret og så utover
verden, fnysende så hår og skjaeg stod
som et hjul omkring hans hode. Så
dukket han ned i brændingen igjen.
Og midt i stormen slog et lite kulsort
dampskib sig ind fra havet ....

Da jeg om ettermiddagen gik ned til
bryggen var det lille kulsorte dampskib
kommet ind på havnen; det var
postskibet. Mange mennesker var
tilstede på kaien for å iagttå den sjældne
gjæst, jeg la mærke til at allesammen
uten undtakelse hadde blå øine, hvor
forskjellige de ellers kunde være.

мозг мироздания, как кипит в нем
работа!

Эзоп нервничал, то и дело
поднимал морду и принимался, у
него тонко дрожали лапы; не
дождавшись от меня ни слова, он
жался к моим ногам и тоже смотрел
на море.

И ни голоса, ни вскрика — нигде
ничего, только тяжкий, немолчный
гул. Далеко в море лежал подводный
камень, лежал себе, тихонько
уединясь вдалеке, когда же над ним
проносились волна, он вздымался,
словно безумец, нет, словно мокрый
полубог, что поднялся из вод, и
озирает мир, и фыркает так, что
волосы и борода встают дыбом. И
тотчас снова нырял в пену.

А сквозь бурю пробивал себе путь
крошечный, черный, как сажа,
пароходик...

Когда я вечером пришел на
пристань, черный пароходик уже
стоял в гавани; оказывается, это был
почтовый пароход. Посмотреть на
редкого гостя собралось немало
народу, я заметил, что как бы ни
разнились эти люди, глаза у всех
подряд были синие.

En ung pike med et hvitt uldtørklæ om hodet stod et stykke borte; hun hadde meget mørkt hår og det hvite tørklæ ståk sært av mot håret. Hun så nysgjærrig på mig, på min skinddragt, mit gevær; da jeg talte til hende blev hun forlegen og vendte hodet bort.

Jeg sa: Du burde altid bruke det hvite tørklæ, det klær dig. I det samme sluttet en sværlemmet mand i islandsskjorte sig til hende, han kaldte hende Eva. Hun var åpenbart hans datter. Jeg kjendte den sværlemmete mand, det var smeden, stedets smed. Han hadde for nogen dager siden sat ny piston på en av mine børser ....

Og regn og vind gjorde sit arbeide og smæltet al sne væk. I nogen dager drev en ufredelig og kold stemning henover jorden, rotne grener knak og kråkerne samlet sig i flokker og skrek.

Det varte ikke længe, solen var nær, en morgen stod den op bak skogen. Det sætter en søt stripe gjennom mig fra øverst til nederst når solen står op; jeg kaster børsen på akslen under en tyst

Молодая девушка, покрытая белым шерстяным платком, стояла неподалеку; волосы у нее были очень темные, на них особенно выделялся белый платок. Она любопытно разглядывала меня, мою кожаную куртку, ружье, когда я с ней заговорил, она смутилась и потупилась.

Я сказал:

— Носи всегда белый платок, тебе он к лицу.

И тотчас к ней подошел высокий, крепкий человек в толстой вязаной куртке, он назвал ее Евой. Видно, она его дочь. Высокого, крепкого человека я узнал, это был кузнец, здешний кузнец. За несколько дней до того он приделал новый курок к одному из моих ружей...

А дождь и ветер сделали свое дело и счистили весь снег. Несколько дней было промозгло и неудобно, скрипели гнилые ветки да вороны собирались стаями и каркали.

Но длилось это недолго, солнышко затаилось совсем близко, и однажды утром оно поднялось из-за леса.

Солнце встает, и меня пронизывает восторгом; я вскидываю ружье на

<p>jubel.</p> <p>IV</p> <p>I denne tid led jeg ingen nød for vildt, jeg skjøt hvad jeg vilde, en hare, en årre, en rype, og når jeg traf til å være nede ved kysten og kom inden hold av en eller anden sjøfugl skjøt jeg også den.</p> <p>Det var gode tider, dagene blev længere og luften mere skjær, jeg rustet mig for to dager og drev tilfjælds, til fjældtinderne, jeg traf renlapper og fik ost av dem, små fete oster med en urteagtig smak.</p> <p>Jeg var der mere end en gang. Når jeg gik hjem igjen skjøt jeg altid en eller anden fugl og ståk i væsken. Jeg satte mig og koblet Æsop. En mil nedenunder mig så jeg havet; fjældsiderne var våte og sorte av vand som rislet nedover dem, dryppet og rislet under samme bittelille melodi.</p> <p>Disse små melodier langt inde i</p>	<p>плечо, замирая от радости.</p> <p>4</p> <p>В ту пору я не знал недостатка в дичи, я стрелял, что вздумается, то подстрелю зайца, то глухаря, то куропатку, а когда мне случилось спуститься к берегу и подойти на выстрел к морской птице, я, бывало, и ее подстрелю.</p> <p>Славная была пора, дни делались все длиннее, воздух чище, я запасался едой на два дня и пускался в горы, к самым вершинам, там я сходил с лопарями-оленеводами, и они давали мне сыру, небольшие жирные сыры, отдающие травой.</p> <p>Я ходил туда не раз. На возвратном пути я всегда подстреливал какую-нибудь птицу и совал в сумку. Я присаживался и брал Эзопа на поводок. В миле подо мной было море; скалы мокры и черны от воды, что журчит под ними, плещет и журчит, и все одна и та же у воды незатейливая музыка.</p> <p>Эта тихая музыка скоротала мне не</p>
---	--

fjældene kortet mig mangen stund når jeg sat og så mig om. Nu risler den lille endeløse tone her i sin ensomhet, tænkte jeg, og ingen hører den og ingen tænker på den, men allikevel risler den her for sig selv hele tiden, hele tiden!

Og jeg syntes ikke længer at fjældet var aldeles øde når jeg hørte denne rislen.

Av og til hændte noget: en torden rystet jorden, en klippeblok løsnet og styrtet nedover mot havet, etterlatende en vei av stenrøk; i samme øieblik satte Æsop snuten mot vinden og veiret forundret mot den svidde lukt som den ikke forstod.

Når snevandet hadde brutt revner i fjældet var et skudd eller endog bare et skarpt rop nok til å rive løs en stor blok og få den til å vælte ....

En time kunde gå, kanskje mere, tiden gik så hurtig. Jeg avkoblet Æsop, kastet væsken over min anden aksel og begav mig hjem. Det hældet med dagen.

Nede i skogen støtte jeg ufravikelig på min gamle kjendte sti, et smalt bånd av en sti, med de forunderligste svingninger. Jeg fulgte hver sving og gav mig god tid, det hastet ikke, det var

один час, когда я сидел в горах и смотрел вокруг. Вот журчит себе нехитрая, нескончаемая песенка, думал я, и никто-то ее не слышит, никто-то о ней не вспомнит, а она журчит себе и журчит, и так без конца, без конца!

Я слушал эту песенку, и мне уже казалось, что я не один тут в горах. Случались и происшествия: прогремит гром, сорвется и упадет в отвес обломок скалы, оставив дымящуюся осколками дорожку на круче; Эзоп тотчас же поднимал морду, принюхивался, он недоумевал, откуда это тянет гарью.

Когда потоки талого снега проточат ложбинки в горах, достаточно выстрела, даже громкого крика, чтобы большая глыба сорвалась и рухнула в море...

Проходил час, а то и больше, время бежало так быстро. Я спускал Эзоп, перебрасывал сумку на другое плечо и шагал к дому. Вечерело.

Сойдя в лес, я неизменно нападал на знакомую свою тропку, узенькую ленту, всю в удивительных изгибах. Я прилежно следовал за каждым изгибом, — спешить было некуда,

ingen som ventet på mig hjemme; fri som en hersker gik jeg der og drev i en fredelig skog, akkurat så sagte som jeg vilde. Alle fugler tidde, bare årfuglen spillet langt borte, den spillet altid.

Jeg kom ut av skogen og så to mennesker foran mig, to vandrende mennesker, jeg indhentet dem, den ene var jomfru Edvarda, jeg kjendte hende og hilste; doktoren fulgte hende. Jeg måtte vise dem min bøsse, de beså mit kompas, min væske; jeg indbydde dem til min hytte og de lovet å komme en dag.

Nu var kvælden inde. Jeg gik hjem og gjorde ild op, stekte en fugl og holdt måltid. Imorgen kom atter en dag ....

Stille og tyst allevegne. Jeg ligger utover kvælden og ser ut av vinduet. En féglans hvilte på denne tid over mark og skog, solen var gat under og farvet horisonten med et fett, rødt lys sorn stod stille som olje.

Himlen var overalt åpen og ren, jeg stirret ind i dette klare hav og det var som om jeg lå ansigt til ansigt med verdens bund og som om mit hjærte klappet inderlig imot denne bare bund og var hjemme der.

никто ведь меня не ждал; вольный, как ветер, я шел по своим владеньям, по мирному лесу, и мне не к чему было ускорять шаг. Птицы уже молчали, только тетерев токовал вдалеке, он токовал без умолку.

Я вышел из лесу и увидел перед собой двоих, они прогуливались, я нагнал их; это оказалась йомфру Эдварда, я узнал ее и поклонился; с ней был доктор. Пришлось показывать им ружье, они осмотрели мой компас, мою сумку; я пригласил их к себе в сторожку, и они пообещались как-нибудь зайти.

Ну вот и вечер. Я пришел домой, развел огонь, зажарил птицу и поужинал. Завтра снова будет день...

Повсюду тишь и покой. Я лежу и смотрю в окно. Лес в необычном уборе заката. Солнце уже зашло и оставило на горизонте густой, застывший отсвет, словно нанесенный алой краской.

Небо везде чисто и открыто, я глядел в эту ясную глубь, и мне словно обнажилось дно мира, и сердце стучало и стремилось к этому голому дну, рвалось к нему.

Gud vet, tænkte jeg ved mig selv,
hvorfor horisonten klær sig i lila og guld
i kvæld, om det ikke er en fest oppe i
verden, en fest i stor stil, med musik fra
stjærnerne og båtfarer nedover floder.
Det ser så ut! Og jeg lukket øinene og
fulgte med på denne båt fart og tanker
efter tanker seilet gjennom min
hjærne ....

Således gik mere end en dag.

Jeg streifet om og iagttok hvorledes
sneen blev til vand og hvorledes isen
løsnet. Mangen dag skjõt jeg ikke
engang min børse av når jeg allerede
hadde mat nok i min hytte, jeg drev bare
omkring i min frihet og lot tiden gå.

Hvorsomhelst jeg vendte mig hen var
det like meget å se og høre, alting
forandredes litt for hver dag, selv
vidjekrat og ener stod og ventet på
våren.

Jeg gik for eksempel ut til møllen, den
lå nediset endnu; men jorden var
trampet op omkring den i mange
Herrens år og vidnet om at mennesker
var kommet med kornsækker på ryggen
og hadde fat dem malet. Jeg gik som
blandt mennesker der, på væggene var
også mange bokstaver og årstal skåret

Ну почему, почему, думал я,
горизонт одевается по вечерам в
золото и багрянец, уж не пир ли у них
там, наверху, роскошный пир с
катаньем по небесным потокам под
музыку звезд. А ведь похоже! И я
закрываю глаза, и вот уже я с
пирующими, и мысли мои мелькают
одна за другой и путаются.

Так прошел не один день.

Я бродил и смотрел, как тает снег,
как трогается лед. Часто, когда дома
у меня хватало еды, я даже не
разряжал ружья, я просто гулял, а
время все шло и шло.

Всюду, куда ни оглянешься, было
на что поглядеть, что послушать, с
каждым днем все потихоньку
менялось, даже ивняк и
можжевельник и те затаились и
ждали весну.

Сходил я и на мельницу, она пока
была под ледяной коркой; но земля
вокруг утопталась за множество лет и
ясно показывала, что сюда приходят
люди с тяжелыми мешками зерна. И я
словно бы потолкался тут среди
людей в ожиданье помола, а на
стенах во множестве были вырезаны

<p>ind. Nuvel!</p> <p>V</p> <p>Skal jeg skrive mere? Nei, nei. Bare litt for min fornøielses skyld og fordi det korter mig tiden å fortælle om hvorledes våren kom for to år siden og hvorledes marken så ut.</p> <p>Jorden og havet begyndte å lukte litt, det luktet søtlig svovlbrint av det gamle løv som rotnet i skogen og skjorene fløi med kvister i næbbet og bygget reder. Et par dager endnu, og bækkene svulmet op og begyndte å skumme, en og anden neslesommerfugl såes og fiskerne kom hjem fra sine roryær.</p> <p>Handelsmandens to jægter kom fuldlastet med fisk og ankret utenfor sine tørkeplasser; det blev pludselig liv og røre ute på den største av øerne hvor fisken skulde tørkes på bergene. Jeg så alt fra mit vindu.</p> <p>Men til hytten nådde ingen støi, jeg var og blev alene. Nu og da kom et menneske forbi, jeg så Eva, smedens datter, hun hadde fat et par fregner over</p>	<p>буквы и даты.</p> <p>Вот так-то!</p> <p>5</p> <p>Что ж, писать и дальше? Нет, нет. Разве что немного, для собственного удовольствия, да и просто время скоротаю, рассказывая, как два года назад настала весна и как глядело все кругом.</p> <p>Земля и море чуть-чуть запахли, сладко запахло прелью от лежалой листвы, и сороки летали с прутиками в клювах и строили гнезда.</p> <p>Еще несколько дней, и ручьи вспенились, вздулись, и уже над кустами сутились крапивницы, и рыбаки вернулись с зимних промыслов.</p> <p>Две торговые баржи, доверху груженные рыбой, стали на якорь возле сушилен; на островке побольше, где распластывали рыбу для сушки, закипела жизнь. Мне все было видно из моего окна.</p> <p>Но до сторожки гвалт не доносился, и ничто не нарушало моего одиночества. Случалось, пройдет кто-нибудь мимо; мне</p>
--	--

næsen.

Hvor skal du hen? spurte jeg.

I vedskogen, svarte hun stille. Hun hadde et rep i hånden til å bære veden i og hun hadde sit hvite tørklæ på hodet.

Jeg så etter hende, men hun vendte sig ikke om.

Så gik det mange dager inden jeg så nogen igjen.

Våren trængte på og skogen lysnet; det var en stor fornøielse å iagtta trostene som sat i trøttoppene og stirret mot solen og skrek; stundom var jeg oppe allerede ved totiden om morgningen for å få del i den frydefulde stemning som utgik fra fugler og dyr når solen randt.

Våren var vel også kommet til mig og mit blod banket til sine tider likesom av fottrin. Jeg sat i hytten og tænkte på å efterse mine fiskestænger og mine dorger, men jeg rørte ikke en finger for å bestille noget, en glad og dunkel uro gik ut og ind av mit hjærte.

Så sprang Æsop pludselig op, blev stående på stive ben og gav et kort bjæf. Det kom folk til hytten, jeg fik hurtig min lue av hodet og hørte allerede jomfru Edvardas røst i døren. Venlig og

встретилась Ева, дочь кузнеца, на носу у нее выступили веснушки, совсем немного.

— Куда ты? — спросил я.

— По дрова, — ответила она тихо.

В руке у нее была веревка. На Еве опять был белый платок. Я посмотрел ей вслед, но она не оглянулась.

И снова пошли день за днем, и я никого не видел.

Весна ударила дружнее, лес повеселел; очень меня забавляли дрозды, они сидели на макушках деревьев, пялились на солнце и горланили; иной раз я вставал даже и в два, чтоб вместе со зверьем и птицами порадоваться на восход.

И ко мне подобралась весна, кровь билась в жилах так громко, будто выстукивали шаги. Я сидел у себя дома и думал о том, что надо бы осмотреть вентеря и лесы, однако же и пальцем не шевелил; смутная пугливая радость бродила в сердце.

Но вот Эзоп вдруг вскочил, замер и коротко тьякнул. К сторожке уже подходили, я поскорей стянул с головы картуз и услышал под дверью голос йомфру Эдварды. Значит, они с

fordringsløst kom hun og doktoren for å besøke mig som de hadde sagt.

Jo han er hjemme, hørte jeg hende si.

Og hun kom frem og rakte mig aldeles på pikemanér sin hånd. Vi var her igår også, men da var De ikke hjemme, forklarte hun.

Hun satte sig på min briks, ovenpå tæppet, og så sig om i hytten; doktoren satte sig ved siden av mig på den lange bänk. Vi talte sammen, vi pratet rigtig væk, jeg fortalte dem blandt andet om hvad slags dyr det var i skogen og hvilket vildt jeg ikke måtte skyte længer fordi det var fredet. Nu var årfuglen fredet.

Doktoren sa heller ikke nu mange ord; men da han fik øie på mit krudthorn hvorpå det stod en Panfigur, gav han sig til å forklare myten om Pan.

Men, sa Edvarda pludselig, hvad lever De av når nu alt vildt er fredet?

Av fisk, svarte jeg. Mest av fisk. Det blir altid noget til mat.

Men De kan jo komme og spise hos os, sa hun. Ifjor var det en englænder som hadde Deres hytte, han kom også ofte til os og spiste.

доктором, как обещались, решили запросто, без церемоний заглянуть ко мне.

— Да нет, он дома, — услышал я.

И она вошла и неловко протянула мне руку. — Мы и вчера тут были, да вас не застали, — пояснила она.

Она села на нары, поверх одеяла, и стала оглядывать мою сторожку; доктор поместился рядом со мной на скамье. Мы принялись болтать, мы говорили о всякой всячине; между прочим, я рассказал им, какой зверь водится в лесу и когда какую дичь запрещается стрелять. Теперь запрещается стрелять глухарей.

Доктор опять больше помалкивал; когда же взгляд его упал на фигурку Пана у меня на пороховнице, он пустился разьяснять миф о Пане.

— А как же вы будете жить, — вдруг сказала Эдварда, — когда всю дичь запретят?

— Рыба, — сказал я. — Выручает рыба. Еда всегда найдется.

— А почему бы вам не обедать у нас, — сказала она. — В прошлом году в этой сторожке жил один англичанин, так он часто приходил к

Edvarda så på mig og jeg så på hende. Jeg følte i dette øieblik noget røre ved mit hjærte som en liten flygtig venlighilsen. Det kom av våren og den lyse dag, jeg har tænkt over det siden. Jeg beundret desuten hendes buede øienbryn.

Hun sa nogen ord om min bolig. Jeg hadde fat væggene behængte med forskjellige skind og fuglevinger, hytten liknet indvendig et loddent hi. Det vakte hendes bifald. Ja, det er et hi, sa hun.

Jeg hadde intet å gi de fremmede som de kunde ville ha, jeg taenkte på det og vilde steke en fugl for løiers skyld; de skulde få det på jægervis, i fingrene. Det kunde være et lite tidsfordriv.

Og jeg stekte den fugl.

Edvarda fortake om englænderen. Det var en gammel og egen mand, han talte høit med sig selv. Han var katolik og hvor han stod og gik hadde han en liten bønnebok i lommen med sorte og røde bokstaver.

Han var kanske irlænder da? spurte doktoren.

Var han irlænder?

нам обедать.

Эдварда глянула на меня, и я на нее. Тут сердце мое дрогнуло, как от нежного привета. Это все весна, все яркий день, мне запомнилась та минута. И потом, у Эдварды были такие восхитительные, дугами выгнутые брови.

Она заговорила о моем жилище. Стены у меня были увешаны разными шкурами и перьями, просто логово дикаря. Эдварде это понравилось.

— Настоящее логово, — сказала она.

Подарить гостям было нечего, я подумал, как бы доставить им удовольствие, и решил зажарить птицу. Можно есть ее руками, как на охоте; это очень весело.

И я зажарил птицу.

Эдварда рассказывала про англичанина. Такой чудной старик, сам с собой разговаривал. Он был католик и всюду таскал с собой в кармане молитвенник с черными и красными буквами.

— В таком случае, полагаю, он был ирландец? — спросил доктор.

— Ирландец?

Ja ikke sandt, når han var katolik?
Edvarda rødmet, hun stammet og så bort:

Nå ja, kanskje var han irlænder.

Fra nu av mistet hun sin livlighet. Jeg syntes synd i hende og vilde gjøre det godt igjen, jeg sa:

Nei naturligvis har De ret i at han var englænder, irlændere reiser ikke i Norge.

Vi avtalte å ro ut og bese klipfiskbergene en dag ....

Da jeg hadde fulgt mine gjæster litt på vei gik jeg tilbake igjen og satte mig til å arbeide med mine fiskeredskaper. Min håv hadde hængt over en spiker ved døren og flere masker hadde lat skade av rust; jeg kvæsset nogen angler, knopet dem, efterså vadene. Hvor dårlig det gik å bestille noget idag!

Uvedkommende tanker kom og gik i mit hode, det forekom mig at jeg hadde gjort en feil ved å la jomfru Edvarda bli sittende der på briksen hele tiden istedetfor å tilby hende plass på bænken.

Jeg så pludselig for mig hendes brune ansigt og brune hals; forklædet hadde hun bundet litt ned på maven for å bli lang i livet som moten var; det kyske

— Ну да. Если уж он был католик?
Эдварда покраснела, запнулась и отвела глаза:

— Ах, наверное, он был ирландец.
И она стала скучная. Мне сделалось жаль ее, захотелось поправить дело, и я сказал:

— Ну конечно, правда ваша, он был англичанин, ведь ирландцы не ездят в Норвегию.

Мы сговорились как-нибудь поехать на лодке поглядеть, как сушат рыбу...

Я проводил их немного, вернулся и сел поправлять снасти. Сачок висел на гвозде у двери, и несколько петель прорвалось от ржавчины; я заострил крючки, загнул их, проверил невод. Как трудно было собраться и думать о делах!

В голове мелькали все ненужные мысли. Нехорошо, что я оставил йомфру Эдварду на нарах, надо бы усадить ее на скамье. Вдруг мне представилось ее смуглое лицо и смуглая шея; передник она повязывала ниже пояса, чтоб талия получалась длинная, по моде; я вспомнил, какое девическое

pikeuttryk i hendes tommelfinger virket ømt på mig og de par rynker over knoken var fulde av venlighet. Hun hadde en stor mund som blusset.

Jeg reiste mig, åpnet døren og lyttet ut. Jeg hørte ingenting og jeg hadde heller intet å lytte efter. Jeg lukket døren igjen; Æsop kom frem fra sit leie og så min uro. Det faldt mig ind at jeg kunde løpe efter jomfru Edvarda og be hende om litt silkestråd til å sætte istand min håv med; det var intet påfund, jeg kunde lægge håven frem og vise hende de rustede masker.

Jeg var allerede kommet utenfor døren da jeg husket at jeg hadde silkestråd selv, i min fluebok, mere end jeg behøvet endog. Og jeg gik sagte og motløs ind igjen da jeg hadde silkestråd selv.

Et fremmed pust slog mig imøte i hytten, da jeg trådte ind var jeg likesom ikke længer alene der.

VI

En mand spurte mig om jeg ikke skjøt

стыдливое выражение у ее большого пальца, он возбуждал во мне нежность, и складочки у суставов такие приветливые. И как горел ее большой рот.

Я встал, отворил дверь и прислушался. Я ничего не услышал, да и слушать-то было нечего. Я снова затворил дверь. Эзоп поднялся с подстилки, он почуял неладное. Мне приходит в голову догнать йомфру Эдварду и попросить у нее немного шелка починить сачок, это не выдумка, нет, я могу расстелить сачок и показать ей проржавевшие петли.

Я был уже за дверью, когда вспомнил, что шелк у меня есть, он лежит в коробке для мух, у меня его сколько угодно. И я тихо и уныло побрел обратно.

Из углов сторожки на меня дохнуло чем-то чужим, словно кто поджидал меня в моем доме.

6

Меня спрашивали, уж не бросил ли

mere; han hadde ikke hørt et skudd fra mig i åserne skjønt han hadde ligget på vågen og fisket i to dager. Nei jeg hadde intet skutt, jeg holdt meg hjemme i hytten indtil jeg ingen mat hadde mere. Den tredje dag gikk jeg på jakt. Skogen var litt grøn, det luktet av jorden og av trærne, græsløken stak allerede grøn opp av den issvidde mose. Jeg var full av tanker og satte meg flere steder.

I tre dager hadde jeg ikke sett mere enn ett menneske, denne fisker som jeg traff igår; jeg tenkte: kanskje støter jeg på noen i kveld når jeg går hjem, i kanten av skogen hvor jeg traff doktoren og jomfru Edvarda sist. Det kunne være at de spaserte der igjen, kanskje og kanskje ikke. Men hvorfor tenkte jeg nettopp på disse to? Jeg skjøt et par ryer og tilberedte straks den ene; derpå koblet jeg Æsop.

Mens jeg spiste lå jeg på den tørre mark. Det var stille utover jorden, bare et mildt sus av veiret og en og annen fuglelyd. Jeg lå og så på grenene som vailet sagte i lufttrækket, den lille vindarbeidet med sitt og bar blomsterstøv fra

я охоту; спрашивал один рыбак, он два дня провел в заливе и за все время не слышал в горах ни выстрела. Да, я не стрелял, я все сидел дома, покуда у меня не вышла еда.

На третий день я отправился на охоту. Лес зазеленел, пахло землей и деревьями. Сквозь взмокший мох пробивались зеленые стрелки дикого чеснока. О чем я только не думал... Голова шла кругом, я то и дело присаживался.

За целых три дня я видел одного человека, того, вчерашнего рыбака. Я думал: а вдруг я встречу кого-нибудь по дороге домой, на опушке, на том месте, где видел доктора и йомфру Эдварду. Они ведь снова могут там оказаться. Впрочем, кто его знает. И почему, собственно, именно они пришли мне в голову? Мало ли кого я могу встретить. Я застрелил двух куропаток, одну тотчас приготовил; потом я взял Эзопа на поводок.

Я ел, лежал на подсохшей поляне и ел. Все было тихо, лишь вскрикнет вдруг птица да ветер прошелестит листвою. Я лежал и глядел, как медленно, медленно качаются ветки; ветер делал свое дело, разносил

kvist til kvist og fylgte hvert uskyldig ar; hele skogen stod i henrykkelse.

En grøn bladorm, en målerlarve, vandrer efter enderne langsefter en gren, vandrer ustanselig, som om den ikke kan hvile.

Den ser næsten ingenting skjønt den har øine, ofte står den ret opad og føler i luften efter noget å støte mot; den ser ut som en stubb grøn tråd som syr en søm med langsomme sting bortefter grenen.

Til kvælds er den kanskje kommet dit hvor den skal hen.

Altid stille. Jeg reiser mig og går, setter mig og reiser mig igjen. Klokken er omkring fire; når klokken blir seks går jeg hjemover og ser om jeg træffer nogen. Jeg har to timer igjen og jeg er allerede litt urolig og børster lyng og mose av mine klær.

Jeg kjender de steder jeg passerer, trær og stener står der som før i ensomheten, løvet rasler under mine føtter. Det monotone sus og de kjendte trær og stener er for meget for mig, jeg blir full av en sælsom taknemmelighet, alt indlater sig med mig, blander sig med mig, jeg elsker alt.

Jeg tar op en tørkvist og holder den i

пыльцу с куста на куст, не забывал ни одного венчика; лес упоенно замер.

Зеленая гусеница, пяденица, шагает по краю ветки, шагает без передышки, словно отдышать ей нельзя. Она почти ничего не видит, хоть у нее есть глаза, то и дело встает торчком и нащупывает, куда бы ступить; будто обрывок зеленой нитки мережит ветку крупными стежками. К вечеру, надо думать, она доберется до места.

Тихо. Я встаю и иду, присаживаюсь и встаю снова. Сейчас около четырех; когда будет шесть, я пойду домой, и, может быть, я кого-нибудь встречу. У меня остается два часа, всего два, и я уже волнуюсь, я счищаю вереск и мох со своего платья.

Места мне знакомы, я узнаю все эти деревья и камни, отвыкшие от людей, листва шуршит у меня под ногами. Шелест, шелест, мои знакомые деревья и камни! И меня переполняет странной благодарностью, сердце мое открыто всему, всему, все это мое, я все люблю.

Я подбираю засохший сучок,

hånden og ser på den mens jeg sitter der og tenker på mine ting, kvisten er næsten rodden, dens fattige bark gjør indtryk på mig, en medynk vandrer gjennom mit hjerte.

Og når jeg reiser mig og går kaster jeg ikke kvisten langt bort, men legger den ned og står og synes om den; tilslut ser jeg på den en siste gang med våte øine før jeg efterlater den der.

Og klokken blir fem. Solen viser falsk tid for mig, jeg har gat vestover den hele dag og jeg er kanskje kommet en halv time foran mine solmærker ved hytten.

Alt dette er jeg opmærksom på; men allikevel har jeg en time til klokken seks, derfor reiser jeg mig atter og går et stykke. Og løvet rasler under mine føtter. Således forløper en times tid.

Jeg ser nedenunder mig den lille elv og den lille mølle sorn har ligget nediset i vinter, og jeg stanser; kværnen går, dens sus vækker mig, jeg stanser like på stedet og med ett. Jeg er forsent ute! sier jeg høit.

En lidelse rykker gjennom mig, jeg vender øieblikkelig om og begynner å

держу его в руке и смотрю на него, сидя на пне и думая о своем; сучок почти совсем сгнил, у него такая трухлявая кора, мне делается его жалко.

И, поднявшись, пустившись в путь, я не бросаю сучок, не швыряю его подальше, но осторожно кладу и гляжу на него с состраданием; и когда я смотрю на него в последний раз, перед тем как уйти, глаза у меня мокрые.

Но вот уже пять. Солнце ведь показывает неточное время, я целый день шел на запад, и, верно, теперь оно на полчаса обманывает меня. Я это уже прикинул. Но до шести все равно еще час, и я снова встаю и снова иду. И листва шуршит у меня под ногами. Так проходит час.

Вот прямо, в низине, я вижу ручей и мельницу, зимой она стояла под ледяной коркой; и я останавливаюсь; лопасти кружат, гудят, задумчивость мою как рукой снимает, я так и замираю на месте. «Я опоздал!» — кричу я.

И сердце у меня ноет. Я тотчас поворачиваю и иду к дому, но сам

gå hjemover, men imens vet jeg at jeg er forsent ute. Jeg begynner å gå hurtigere, å løpe; Æsop forstår at noget gjælder, den trækker i remmen, sliter mig med, pister og har det travlt. Det tørre løv sprutter omkring os. Men da vi kom ned i kanten av skogen var det ingen der, nei, alt var stille, det var ingen der.

Det er ingen her! sier jeg. Og det var dog ikke værre end jeg ventet det.

Jeg blev ikke længe stående, men gik, trukket av alle mine tanker, gik min hytte forbi, ned til Sirilund, med Æsop og væsken og børsen, med hele mit tilbehør med.

Hr. Mack mottok mig med den største venlighet og indbydde mig til aften.

VII

Jeg tror at jeg kan læse litt i de menneskers sjæle som omgir mig; kanskje er det ikke så. Å når jeg har mine gode dager da forekommer det mig at jeg skimter langt ind i andres sjæle, skjønt jeg ikke er noget videre godt hode.

Vi sitter i en stue nogen mænd, nogen

знаю, знаю, что опоздал. Я ускоряю шаг, я бегу; Эзоп чует неладное, тянет за поводок, прядает, скулит и рвется. Вихрем взвивается у нас изпод ног сухая листва. Но когда мы выходим на опушку, там никого, все тихо, и там никого.

— Никого! — говорю я. — Что ж, так я и знал.

Я стоял недолго, я пошел, мысли мои подгоняли меня, я прошел мимо сторожки и дальше, к Сирилунну, с Эзопом, сумкой и ружьем, со всем своим имуществом.

Господин Мак встретил меня весьма любезно и пригласил отужинать.

7

Мне кажется, я немного умею читать в душах других людей; может, это и не так. А когда я в духе, мне представляется, что я могу заглянуть глубоко в чужую душу, и вовсе не потому, что такой уж я умник.

Вот мы сидим в комнате,

kvinder og jeg, og jeg synes å se hvad som foregår i disse menneskers indre og hvad de tænker om mig. Jeg lægger noget i hvert vink som iler gennem deres øine; stundom skyter blodet op i deres kinder og gjør dem røde, til andre tider later de som om de ser til en anden kant og holder dog litt øie med mig fra siden.

Der sitter jeg og ser på alt dette og ingen aner at jeg gennemskuer hver sjæl. I flere år har jeg ment å kunne læse i alle menneskers sjæle. Kanske er det ikke så ....

Jeg blev hele kvælden i hr. Macks stue. Jeg kunde ha gat igjen straks, det interesserte mig ikke å bli sittende der; men var jeg ikke kommet netop fordi alle mine tanker trak mig dit? Og kunde jeg da gå min vei straks? Vi spilte whist og dråk toddy efter maten, jeg satte mig med ryggen vendt mot stuen og dukket mit hode ned; bakenfor mig gik Edvarda ut og ind. Doktoren var hjemreist.

Hr. Mack viste mig indretningen av sine nye lamper, de første parafinlamper som var kommet nordover, pragtstykker på svære blyfötter, og han tændte dem selv hver kvæld for å forebygge al ulykke.

несколько мужчин, несколько женщин и я, и я прямо-таки вижу все, что происходит в этих людях, знаю все, что они обо мне думают. Ничто от меня не укроется; вот кровь прилила к щекам, и они загорелись; а то прикинется кто-то, будто смотрит совсем в другую сторону, и тайком, искоса поглядывает на меня.

И вот я сижу себе, смотрю, и никому-то невдомек, что я вижу насквозь любую душу. Много лет я был убежден, что умею читать в душах людей. Может, это и не так...

Я целый вечер просидел у господина Мака. Я мог, разумеется, тотчас уйти, мне было совсем неинтересно; но ведь я и приходиться-то не собирался, меня просто что-то пригнало сюда. Как же я мог уйти? Мы играли в вист, пили после ужина тодди, я сидел лицом к окну, свесив голову; у меня за спиной двигалась Эдварда, входила и выходила из гостиной. Доктор уехал домой.

Господин Мак показал мне свои новые лампы, первую партию керосиновых ламп на севере, очень красивые лампы, на тяжелых свинцовых подставках, и он их сам

Han talte et par ganger om sin bedstefar konsulen: min bedstefar konsul Mack mottok denne spænde av Carl Johans egne hænder, sa han, og han pekte med fingeren op til sin diamantspænde. Hans kone var død, han viste mig et maleri av hende i et av sideværelserne, en fornemt utseende kone med blondeskjorte og et artig smil.

I samme værelse stod også et bokskap hvori det endog var gamle franske bøker som så ut til å være gat i arv, bindene var fine og forgyldte og mange eiermænd hadde tegnet sine navne i dem. Blandt bøkene var flere opplysningsskrifter; hr. Mack var en tænkende mand.

Hans to krambodbetjenter måtte kaldes ind til whisten; de spilte langsomt og usikkert, talte nøiagtig over og gjorde desuagtet feil. Den ene av dem fik hjælp av Edvarda.

зажигал каждый вечер, чтобы их не испортили или вдруг не наделали пожара.

Несколько раз он упомянул в разговоре своего деда, консула: эта булавка досталась моему деду, консулу Маку от самого Карла-Юхана, из собственных рук, — сказал он и ткнул пальцем в свою брильянтовую булавку. Жена у него умерла, он показал мне портрет в угловой комнате, портрет женщины с важным лицом, в блондах и с учливой улыбкой.

В той же комнате стоял шкаф с книгами, где были даже и старые французские книги, видимо, полученные в наследство, переплеты изящные, золоченые, и множество прежних хозяев начертало на них свои имена. Среди книг стояли сочинения энциклопедистов; господин Мак был человек мыслящий.

К висту позвали обоих приказчиков господина Мака; они играли медленно и осторожно, долго прикидывали каждый ход — и все равно ошибались. Одному помогала Эдварда.

Jeg væltet mit glas, jeg blev ulykkelig og reiste mig op.

Nei — jeg væltet mit glas! sa jeg.

Edvarda brast i latter og svarte:

Ja det ser vi nok.

Alle forsikret mig leende om at det gjorde ikke noget. Jeg fik et håndklæ å tørke mig med og vi fortsatte å spille.

Klokken blev elleve.

Det skjøt en dunkel følelse av misstemning gjennom mig ved Edvardas latter, jeg så på hende og fandt at hendes ansigt var blit intetsigende og lite vakkert.

Hr. Mack avbrøt endelig spillet under påskud av at de to betjenter måtte i seng, derpå lænet han sig bakover i sofaen og begyndte å tale om å sætte skilt op på sin bryggefaçade og spurte meg tilråds derom. Hvilken farve skulde han benytte? Jeg kjedet mig, jeg svarte sort farve, uten å tænke noget over det, og hr. Mack sa straks det samme:

Sort farve, akkurat hvad jeg selv har tænkt. Oplag av salt og tomtønder, med svære sorte bokstaver, det er det nobleste .... Edvarda, skal du ikke lægge dig nu?

Я опрокинул стакан, я огорчился и встал.

— Ох Господи, я опрокинул стакан! — сказал я.

Эдварда расхохоталась и ответила:

— Мы видим и сами.

Все, смеясь, принялись уверять меня, что это пустяки. Мне дали полотенце, и мы продолжали игру. Пробило одиннадцать.

Смех Эдварды покоробил меня, я взглянул на нее и нашел, что лицо ее сделалось невыразительно и почти некрасиво.

Господин Мак прервал наконец игру, объявив, что приказчикам пора спать, а потом он откинулся на спинку дивана и завел разговор о новой вывеске, которую собирался навесить на лавку со стороны пристани. Он спрашивал моего совета. Какую бы взять краску? Мне было скучно, не думая, я брякнул — черную краску, и господин Мак тотчас же подхватил:

— Черная краска! Вот именно! «Продажа соли и бочонков» большими черными буквами, так благородней всего... Эдварда, не пора

Edvarda reiste sig, gav os begge hånden til godnat og gik. Vi sat tilbake. Vi talte om jærnbanen som blev færdig ifjor, om den første telegraflinje. Gud vet når telegrafan kom her nord! Pause.

Ser de, sa hr. Mack, jeg er litt efter litt blit seks og firti år og grå i hår og skjæg. Jo jeg føler at jeg er blit gammel. De ser mig om dagen og tror mig ung; men når kvælden kommer og jeg blir alene falder jeg meget sammen. Så sitter jeg her i stuen og lægger kabbaler. De går gjerne op med et par fusk. Haha.

Går kabbalerne op med et par fusk? spurte jeg.

Ja.

Det forekom mig at jeg kunde læse i hans øine ....

Han reiste sig, gjorde et slag bortimot vinduet og så ut; han stod meget slutrygget og hans nakke og hals var lodden. Jeg reiste mig også. Han vendte

ль тебе ложиться?

Эдварда встала, протянула нам обоим руку на прощанье и вышла. Мы еще посидели в гостиной. Мы поговорили о железной дороге, которую провели прошлой весной, о первой телеграфной линии. Бог знает, когда еще телеграф дойдет сюда, на север!

Пауза.

— Понимаете, — сказал господин Мак, — оглянуться не успел, как сорок шесть стукнуло, волосы и борода уж седеют. Я чувствую, что подходит старость. Вот вы смотрите на меня днем и думаете, что я молодой; а вечерами, как останусь один, очень не по себе делается. И сижу тут да раскладываю пасьянсы. И выходят, если чуть передернуть. Ха-ха-ха.

— Пасьянсы выходят, если чуть передернуть? — спрашиваю я.

— Да.

Я смотрю ему в глаза, и мне кажется, что я читаю в его взгляде...

Он поднялся, подошел к окну и выглянул; он сильно сутулился, и вся шея у него заросла волосами. Я тоже поднялся. Он обернулся и шагнул

sig om og kom mig imøte på sine lange, spidse sko, han stak begge sine tommelfingrer i vestelomraerne og viftet litt med armene som vinger; samtidig smilte han. Så bydde han mig endnu en gang en båt til min rådighet og rakte mig hånden.

Forresten, lat mig følge Dem, sa han og blåste lamperne ut. Jo jeg vil gå mig en liten tur, det er ikke sent endnu.

Vi gik ut.

Han pekte opover veien mot smedens hus og sa:

Denne vei! Den er kortest.

Nei, svarte jeg, veien om bryggerne er kortest.

Vi vekslet nogen ord herom uten å bli enige. Jeg var overbevist om at jeg hadde ret og jeg forstod ikke hans påståelighet. Tilsist foreslog han at vi skulde gå hver vor vei; den som kom først frem skulde vente ved hytten.

Vi begav os avsted. Han forsvant snart i skogen.

Jeg gik med vanlig fart og beregnet å komme minst fem minutter foran. Men da jeg kom til hytten stod han allerede

мне навстречу в своих длинных остроносых башмаках; оба больших пальца он засунул в карманы жилета и слегка помахивал руками, словно крылышками; он улыбался. Потом он еще раз заверил меня, что я могу располагать его лодкой, и протянул мне руку.

— Хотя дайте-ка я вас провожу, — сказал он и задул лампы. —

Пройдусь немного, еще ведь не поздно.

Мы вышли.

Он показал на дорогу мимо дома кузнеца и сказал:

— Пойдемте так. Тут ближе.

— Нет, — ответил я. — Мимо пристани ближе.

Мы поспорили немного, каждый стоял на своем. Я был совершенно убежден в своей правоте и не мог понять, отчего он так упорствует. Наконец он предложил, чтоб каждый шел своей дорогой; кто придет первым, подождет возле сторожки.

Мы отправились. Скоро он скрылся за стволами.

Я шел обычным своим шагом и рассчитал, что приду по меньшей мере пятью минутами раньше. Но

der. Han ropte mig imøte:

Der ser De! Nei jeg går altid denne vei, den er virkelig den korteste.

Jeg så høist forbauset på ham, han var ikke varm og lot ikke til å ha løpet. Han hilste straks, takket for iaften og gik tilbake den samme vei som han var kommet.

Jeg stod tilbake og tænkte: Hvor dette er besynderlig! Jeg skulde ha litt skjøn på avstande og jeg har gat begge disse veier flere ganger. Kjære mand, du fusker igjen! Var det hele et påskud?

Jeg så hans ryg forsvinde i skogen igjen.

I neste øieblik gik jeg efter ham, forsigtig og ilende, jeg så ham tørke sit ansigt hele veien og jeg visste ikke længer om han ikke hadde løpet. Han gik nu ytterst langsomt og jeg holdt øie med ham, han stanset ved smedens hus. Jeg stillet mig i skjul og så at døren blev åpnet og at hr. Mack gik ind i huset.

Klokken var ett, jeg så det på sjøen og på græsset.

когда я вышел к сторожке, он уже был там. Он крикнул, завидя меня:

— Ну что? Видали? Я всегда хожу этой дорогой, здесь куда ближе.

Я смотрел на него в совершенном недоуменье, он не запыхался, и непохоже было, чтобы он бежал. Он тотчас откланялся, пригласил меня заходить и той же дорогой отправился обратно.

Я стоял и думал: до чего же удивительно! Кажется, я чувствую расстояние, и обеими дорогами ходил не раз. Да ты никак опять мошенничаешь, любезный! А ну как все это передержка?

Я увидел, как его спина снова исчезла за стволами.

В следующее мгновенье я шел за ним следом, скорым шагом, осторожно; я видел, как он беспрестанно утирает лицо, и я уже и сам не знал, бежал он только что или нет. Сейчас он шел очень медленно, и я не отрывал от него глаз. Возле дома кузнеца он остановился. Я притаился неподалеку и увидел, как отворилась дверь и господин Мак вошел в дом.

Был час ночи, я видел это по морю и по траве.

VIII

Det gik nogen dager som de bedst kunde, min eneste ven var skogen og den store ensomhet. Gode Gud, jeg hadde aldrig prøvet å være mere alene end den første av disse dager.

Det var fuld vår, jeg fandt skogstjærner og røllik på marken og både bogfinken og ryten var kommet, jeg kjendte alle fugler.

Stundom tok jeg op to ortestykker av lommen og klirret med for å avbryte ensomheten. Jeg tænkte: Hvad om Diderik og Iselin kom gående!

Det begyndte å bli ingen nat, solen dukket såvidt skiven ned i havet og kom så op igjen, rød, fornyet, som om den hadde været nede og drukket. Hvor det kunde gå mig forunderlig om nætterne; ingen mennesker tror det.

Sat Pan i et træ og så på mig hvorledes jeg vilde bære mig ad? Og var hans mave åpen, og var han således

8

Кое-как я провел еще несколько дней один на один с лесом и со своим одиночеством. Господи Боже, никогда еще не было мне так одиноко, как в тот самый первый день.

Весна хозяйничала всюду, уже попадались ромашка и тысячелистник и прилетели зяблики и коноплянки; я знал всех птиц в лесу.

Порой я вынимал два медяка из кармана и звенел ими, чтоб не было так одиноко. Я думал: вот бы пришли Дидерик с Изелиной!

Ночи совсем не стало, солнце только ныряло в море и тут же выкатывалось опять, красное, свежее, будто вдоволь напилось глубокой воды. По ночам со мною творилось небывалое. Никто бы, никто мне не поверил.

Не Пан ли сидел на дереве, выслеживал меня? И брюхо его было разверсто, и он весь скорчился, будто

sammenkrøpen at han sat som om han dråk av sin egen mave? Men alt dette gjorde han bare for å skule og holde øie med mig og hele træet rystet av hans tause latter når han så at alle mine tanker løp av med mig.

Det puslet overalt i skogen. Dyr snuste, fugler kaldte på hverandre, deres signaler fylgte luften. Og det var oldenborrens flyveår, dens svirren blandet sig med nåtsommerfuglenes, det lød som hvisken frem og hvisken tilbake rundt omkring i skogen. Hvor der var meget å høre! Jeg sov ikke i tre nætter, jeg tænkte på Diderik og Iselin.

Se, tænkte jeg, de kunde komme. Og Iselin vilde lokke Diderik bort til et træ og si:

Stå her, Diderik, pas på, hold vagt for Iselin, jeg vil la denne jæger binde mit skobånd.

Og jægeren det er mig og hun vil gi mig et vink med øinene å forstå efter. Og når hun kommer forstår mit hjærte alt og det slår ikke længer, det klemter. Og hun er naken under kjolen fra top til tå og jeg lægger min hånd på hende.

пил из собственного брюха? Но все это лишь уловка, он исподлобья косился на меня, подглядывал за мной, и дерево тряслось от его неслышного смеха, потому что он видел, какая сумятица в моих мыслях.

По лесу шел шелест. Сопело, принохивалось зверье, окликались друг друга птицы. И зовами полнился воздух. И майских жуков поналетело в этом году, и на их жужжанье отвечали шорохом крыльев ночные бабочки, и по всему лесу будто шел шепот, шепот. Чего только я не наслушался! Я не спал три ночи, я думал о Дидерике и об Изелине.

Погоди, думал я, вот они придут. Изелина заманит Дидерика в сторонку, к дереву, и скажет:

— Стой тут, Дидерик, смотри, следи за своей Изелиной, а я попрошу того охотника завязать мне башмачок.

И этот охотник я, и она подмигивает мне, чтоб я понял. И когда она подходит, мое сердце чует все, все, и оно уже не бьется, оно ударяет, как колокол. И она под платьем вся голая от головы до пят, и

Bind mit skobånd! sier hun med blussende kinder. Og litt efter hvisker hun like mot min mund, mot mine læber: Å du binder ikke mit skobånd, du min kjæreste, nei du binder ikke .... binder ikke mit ....

Men solen dukker skiven ned i havet og kommer så op igjen, rød, fornyet, som om den har været nede og drukket. Og luften er fylt av hvisken.

En time efter sier hun mot min mund: Nu må jeg forlate dig.

Og hun vifter tilbake til mig når hun går og hendes ansigt blusser endnu, hendes ansigt er ømt og henrykt. Og atter vender hun sig om mot mig og vifter. Men Diderik træder frem fra træet og sier:

Iselin, hvad gjorde du? Jeg så det.

Hun svarer:

Diderik, hvad så du? Jeg gjorde intet.

Iselin, jeg så at du gjorde det, sier han igjen. Jeg så det.

Da klinger hendes høie og glade latter gjennom skogen og hun går bort med

я дотрагиваюсь до нее рукою.

— Завяжи мне башмачок! — говорит она, и щеки у нее пылают. И немного погодя она шепчет прямо у моего рта, у моих губ: — Отчего ты не завязываешь мне башмачок, любимый мой, нет, ты не завязываешь... ты не завязываешь...

А солнце ныряет в море и тут же выкатывается опять, красное, свежее, будто вдоволь напилось глубокой воды. И повсюду шепот, шепот.

Потом она говорит у самого моего рта:

— Пора. Я должна идти.

И, уходя, она машет мне рукою, и лицо у нее еще горит, лицо у нее нежное, страстное лицо. И снова она оглядывается и машет мне рукою.

А Дидерик выходит из-под дерева и говорит:

— Изелина, что ты делала? Я все видел.

Она отвечает:

— Дидерик, что ты видел? Я ничего не делала.

— Изелина, я видел, что ты делала, — говорит он снова, — я видел.

И тогда звонкий, счастливый смех ее несется по лесу, и она идет за

ham, jublende og syndig fra top til tå.
Og hvor går hun hen? Til den næste
svend, en jæger i skogen.

Det var midnat. Æsop hadde slitt sig løs
og jaget på egen hånd, jeg hørte dens
glam oppe i åsen, og da jeg endelig fik
den tilbake var klokken ett.

En gjæterpike kom, hun bandt på en
strømpe og nynet og så sig omkring.
Men hvor var hendes buskap? Og hvad
gik hun efter i skogen ved midnatstide?
Efter ingenting, ingenting. Av uro,
kanske av glæde, hun derom. Jeg
tænkte: Hun har hørt Æsops gjøen og
visste at jeg var i skogen.

Da hun kom reiste jeg mig op og stod og
så på hende hvor hun var spinkel og
ung. Æsop stod også og så på hende.

Hvor kommer du ifra? spurte jeg hende.
Fra møllen, svarte hun.

Men hvad skulde hun vel ha gjort ved
møllen så sent på nat?

Hvor tør du gå her i skogen så sent på
nat, sa jeg, du som er så spinkel og ung?

Hun lo og svarte:

Дидериком, ликующая и грешная с
головы до пят. Куда же она? К
первому молодцу, к лесному
охотнику.

Настала полночь. Эзоп сорвался с
привязи и охотился сам по себе. Я
слышал, как он лает в горах, и когда
наконец я заманил его обратно, был
уже час.

Пришла девочка-пастушка, она
вязала чулок, тихонько мурлыкала и
озиралась. Но где же ее стадо? И за
какой надобностью пришла она в лес
в такой час? Без всякой, без всякой
надобности. Тревожится, а может
быть, радуется, полуночница. Я
подумал: она услышала, как лает
Эзоп, и поняла, что я в лесу.

Когда она подошла, я встал; я
стоял и смотрел на нее, она была
такая тоненькая, молодая. Эзоп тоже
стоял и смотрел на нее.

— Ты откуда? — спросил я ее.

— С мельницы, — отвечала она.

Но что ей было делать на мельнице
так поздно?

— А ты не боишься ходить по лесу
так поздно, — спросил я, — такая
тоненькая, молодая?

Она засмеялась и ответила:

Jeg er ikke så ung, jeg er nitten år.

Men hun kunde ikke være nitten år, jeg er overbevist om at hun løi to år og bare var sytten. Men hvorfor løi hun sig gammel?

Sæt dig, sa jeg, så fortæller du mig hvad du heter.

Og hun satte sig rødme ved siden av mig og sa at hun het Henriette.

Jeg spurte:

Har du en kjæreste, Henriette, og har han nogen gang omfavnet dig?

Ja, svarte hun forlegent leende.

Hvormange ganger allerede?

Hun tier.

Hvormange ganger? gjentar jeg.

To ganger, sa hun sngte.

Jeg trak hende til mig og spurte:

Hvorledes gjorde han det? Gjorde han det således?

Ja, hvasket hun skjælvende.

Klokken blev fire.

IX

— Вовсе не такая уж я молодая, мне девятнадцать.

Но ей не было девятнадцати, я убежден, что она набавила себе два года, ей не исполнилось и восемнадцати. Но зачем ей было набавлять себе года?

— Сядь, — сказал я. — И скажи мне, как тебя звать?

Она зарделась, села рядом и сказала, что звать ее Генриетой.

Я спросил:

— А есть у тебя жених, Генриета? Он тебя уже обнимал?

— Да, — ответила она и засмеялась смущенно.

— И сколько же раз?

Она молчит.

— Сколько раз? — повторяю я.

— Два раза, — тихо сказала она.

Я притянул ее к себе и спросил:

— А как он это делал? Вот так?

— Да, — шепчет она и дрожит.

Уже четыре часа.

9

<p>Jeg hadde en samtale med Edvarda: Det kommer snart regn, sa jeg. Hvormange er klokken? spurte hun.</p> <p>Jeg så på solen og svarte: Henved fem. Hun spurte: Kan De se det så nøiagtig på solen?</p> <p>Ja, svarte jeg, det kan jeg se.</p> <p>Pause.</p> <p>Men når De nu ikke ser solen, hvorledes vet De tiden da? Så retter jeg mig efter andre ting. Det er flod eller fjære sjø, det er græsset som legger sig til en viss tid, fuglesangen som skifter; nogen fugler begynner å synge når andre tier. Så ser jeg tiden på blomsierne som lukker sig om ettermiddagen, på løvet som snart er blankt grønt, snart dunkelt grønt; jeg har det desuten på følelsen.</p> <p>Jaså, sa hun.</p> <p>Jeg ventet regn og vilde for Edvardas skyld ikke opholde hende lenger midt på veien, jeg tok til luen. Da stanset hun mig pludselig med et nyt spørsmål og jeg blev. Hun rødmet og spurte mig</p>	<p>У нас с Эдвардой был разговор. — Скоро будет дождь, — сказал я. — Который теперь час? — спросила она.</p> <p>Я глянул на солнце и сказал: — Около пяти.</p> <p>Она спросила: — Вам это видно по солнцу, и так точно?</p> <p>— Да, — ответил я, — это видно по солнцу.</p> <p>Пауза.</p> <p>— Ну, а если солнца нет, как же вы тогда узнаете время?</p> <p>— Есть много других примет. Прилив или отлив; в свой час ложится трава, и птичьи голоса меняются; когда умолкнут одни птицы, заводят другие. Еще по цветам можно узнать время, они замыкаются к вечеру, и по листьям — они то светло-зеленые, блестящие, то темные; наконец, я просто его чувствую.</p> <p>— Правда? — сказала она.</p> <p>Я ждал дождя и не хотел держать Эдварду на дороге, я взялся за картуз. Но она вдруг задала мне еще вопрос, и я остался. Она покраснела и стала расспрашивать, зачем я, собственно,</p>
---	---

hvad jeg egentlig var her for, hvorfor jeg gik på jagt, hvorfor det ene og hvorfor det andet. Jeg skjøt jo bare det nødvendigeste til mat, jeg lot Æsop hvile?

Hun blev rød og ydmyg. Jeg forstod at nogen havde talt om mig og at hun havde hørt det, hun talte ikke av sig selv. Så vakte hun min stemning, hun så forlatt ut, det slog mig at hun var moderløs, hendes tynde armer gav hende et vanskjøttet utseende. Det kom over mig.

Vel, jeg skjøt ikke for å myrde, jeg skjøt for å leve. Jeg trængte en årre idag, derfor skjøt jeg ikke to, men skjøt den andre imorgen. Hvorfor skulde jeg skyte flere? Jeg levet i skogen, jeg var skogens søn.

Den første juni var også rype og hare fredlyst, jeg hadde næsten intet å skyte mere, godt, så fisket jeg og levet av fisk. Jeg vilde få en båt av hendes far og ro ut med. Neivisst jeg var ikke jæger bare for å skyte, men for å leve i skogen.

Det var godt for mig der, jeg lå tilbords på jorden når jeg spiste og sat ikke ret op og ned på en stol; jeg væltet ikke mit

здесь, зачем я занимаюсь охотой, зачем я то, зачем это. Я ведь стреляю, только чтобы прокормиться, не правда ли, и Эзоп у меня не очень-то устает?

Она еще больше покраснела и совсем потерялась. Я понял, что кто-то при ней говорил обо мне; она повторяла чужие слова. И меня это тронуло, я вдруг вспомнил, что у нее ведь нет матери, и она показалась мне такой беззащитной, особенно из-за этих ее сиротливых, тоненьких рук. И тут на меня что-то нашло.

Ну да, я стреляю не убийства ради, а только чтобы прожить. В день не съешь больше одного тетерева, вот я и убью сегодня одного, а другого завтра. Больше-то зачем? Я живу в лесу, я сын леса.

С первого июня запрещают охоту на куропаток и зайцев, стрелять уже почти нечего, ну и что ж, я рыбачу и ем рыбу. Вот скоро возьму лодку у ее отца и выйду в море. Разве мне охотиться только нужно? Мне нужно жить в лесу.

Мне тут хорошо; мой стол сама земля, когда я ем, и не надо садиться и вскакивать со стула; я не

glas. I skogen forbød jeg mig ingenting, jeg kunde lægge mig på ryggen og lukke øinene om jeg vilde, jeg kunde også si hvad jeg vilde der. Ofte kunde man ville si noget, tale høit og det lød som en tale fra selve hjærtet i skogen ....

Da jeg spurte hende om hun forstod dette svarte hun ja.

Jeg vedblev å si mere fordi hendes øine hvilte på mig.

De skulde bare vite alt det jeg ser ute i marken, sa jeg. Om vinteren kommer jeg gående og ser kanskje spor av ryper i sneen. Pludselig forsvinder sporene, fuglene har slått op. Men av avtrykket efter vingerne kan jeg se hvad for en retning vildtet er fløiet, og jeg søker det op inden kort tid. Dette har litt nyhet for mig hver gang.

Om høsten kan det tidt og ofte være stjærneskuddene å iagtta. Hvad, tænker jeg da i min ensomhet, var det en verden som var kommet i krampe? en verden som gik istykker like for mine øine? Og jeg — jeg blev forundt å se et stjærneskudd i mit liv!

Men når sommeren kommer da er det kanskje et lite levende dyr på hvert løvblad, jeg kan se at nogen er

опрокидываю стаканов. В лесу я волен делать все, что хочу, могу лечь навзничь и закрыть глаза, если захочется; и говорю я все, что хочу. Часто ведь хочется что-то сказать, сказать вслух, громко, а в лесу слова идут прямо из сердца...

Когда я спросил, понятно ли ей это, она ответила — да.

И я говорил еще, потому что глаза ее не отрывались от моего лица.

— Знали бы вы, чего я только не перевидал! Вот выйдешь зимой и заметишь на снегу следы куропаток. Вдруг они обрываются, значит, птицы взлетели. Но по отпечаткам крыльев мне ясно, куда полетела дичь, и я ее сразу же отыщу. Всякий раз это до того удивительно.

Осенью часто смотришь, как падают звезды. Сидишь один-одинешенек, и думаешь: неужели это разрушился целый мир? Целый мир кончился прямо у меня на глазах? И я, я сподобился увидеть, как умерла звезда!

А когда приходит лето, на каждом листочке своя жизнь; смотришь на иную тварь и видишь, что нет у нее

vingeløse, de kan ingen vei komme, de må leve og dø på det lille løvblad hvor de er kommet til verden. Tænk på det. Stundom ser jeg den blå flue. Ja alt dette høres så lite, jeg vet ikke om De forstår det.

Jo jo, jeg forstår det.

Jaja. Og stundom ser jeg på græsset og græsset ser kanskje på mig igjen, hvad vet vi? Jeg ser på et enkelt græsblad, det skjælver kanskje litt, og det synes jeg er noget. Jeg tænker ved mig selv: her står nu dette græsblad og skjælver! Og er det en furu jeg ser på så har den kanskje en gren som får mig til å tænke litt om den også. Men stundom træffer jeg også mennesker på heiene, det hænder.

Jeg så på hende, hun stod foroverbøiet og lyttet. Jeg kjendte hende ikke igjen. Hun var i den grad opmærksom at hun slet ikke tok sig i agt, men blev styg, enfoldig å se på, hendes læbe hang langt ned.

Jaså, sa hun og rettet sig op.

De første regndråper faldt.

Det regner, sa jeg så.

Ja tænk det regner, sa hun også og gik

крылышек, некуда ей деться, и до самой-то смерти жить ей на этом самом листочке, где она родилась. Вы только подумайте! Или, бывает, увидишь синюю муху. Да нет, разве словами такое выскажешь, я даже не знаю, понимаете ли вы меня?

— Да, да, я понимаю.

— Ну вот. А иной раз смотрю я на траву, и она прямо так и смотрит на меня, честное слово. Я смотрю на малую былинку, а она дрожит, и ведь неспроста же. И я тогда думаю: вот стоит былинка и дрожит! Или глянешь на сосну, и всегда выищется сучок, от которого глаз не отвести; и о нем еще подумается. А иной раз и человека встретишь в горах, бывает и такое.

Я посмотрел на нее, она вся подалась вперед и слушала. Я не узнал ее. Она до того заслушалась, что совсем забыла о своем лице, и оно сделалось просто, некрасиво, и отвисла нижняя губа.

— Я понимаю, — сказала она и распрямилась.

Упали первые капли.

— Дождь, — сказал я.

— Ах Господи, дождь, — сказала

allerede bort.

jeg fulgte hende ikke hjem, hun vandret alene sin vei, jeg skyndte mig opover til hytten. Nogen minutter gik, det begyndte å regne hæftig. Med ett hører jeg at et menneske kom løpende efter mig, jeg stanser og ser Edvarda. Hun var blit rød av anstrængelse og smilte.

Jeg glemte det, sa hun forpustet. Det var den tur til tørkeplassen, til klipfiskbergene. Doktoren kommer imorgen, har De tid da?

Imorgen? Javel. Jo jeg har tid.

Jeg glemte det, sa hun atter og smilte.

Da hun gik la jeg mærke til hendes tynde, skjønne lægger, de var våte høit op. Hendes sko var uttrådte.

X

Jeg husker endnu godt en dag. Det var den dag da min sommer kom. Solen begyndte allerede å skinne om natten og tørket den våte jord til om morgningen, luften var blit bløt og fin efter det siste regn.

Det var om eftermiddagen jeg møtte op

она и тотчас пошла.

Я не стал провожать ее, она пошла одна, я поспешил к сторожке.

Прошло несколько минут, дождь припустил сильнее. Вдруг я слышу, что за мной кто-то бежит, я оборачиваюсь и вижу Эдварду. Она покраснелась от бега и улыбалась.

— Совсем забыла, — выговорила она, запыхавшись. — Насчет этой прогулки к сушильням. Доктор будет завтра, а у вас время найдется?

— Завтра? Как же! Непременно.

— Совсем забыла, — сказала она снова и улыбнулась.

Когда она пошла, я заметил, какие у нее тонкие, красивые ноги, их забрызгало грязью. На ней были стоптанные башмаки.

10

Тот день я особенно запомнил. С него я и отсчитываю лето. Солнце светило уже с ночи и к утру просушило землю, воздух был чистый и тонкий после дождя.

Я пришел на пристань после

på bryggen. Våndet lå aldeles stille, vi hørte latter og snak ute fra øen hvor maend og piker arbeidet med fisken. Det var en glad eftermiddag.

Ja var det ikke en glad eftermiddag? Vi hadde kurver med mat og vin med, et stort selskap av mennesker fordelt i to båter, unge kvinder i lyse kjoler. Jeg var så tilfreds, jeg nynnet.

Og kommen i båten tænkte jeg på hvor alle disse unge mennesker var kommet ifra. Det var lensmandens og distriktslægens døtre, et par guvernanter, damerne fra præstegården; jeg hadde ikke set dem før, de var fremmede for mig og allikevel så tillitsfulde som om vi hadde kjendt hverandre i lang tid.

Jeg begik nogen fejl, jeg var blit uvant med å omgås mennesker og sa ofte du til de unge damer; men det blev ikke tat mig ilde op. Jeg sa engang: Kjære, eller: min kjære; men man undskyldte mig også derfor og lot som om jeg ikke hadde sagt det.

Hr. Mack hadde som sædvanlig sit ustivede skjortebryst med diamantspænden. Han lot til å være i utmærket humør og ropte over til den

полудня. Вода гладкая, тихая, к нам доносился говор и смех с островка, где работники и девушки вялили рыбу. Веселый это был день.

Да, веселый, веселый день. Мы захватили корзины с вином и едой, вся компания разместилась в двух лодках, и женщины были в светлых платьях. Я так радовался, я напевал.

В лодке я стал думать, откуда же взялось столько народу. Тут были дочки судьи и приходского доктора, две гувернантки, дамы из пасторской усадьбы; я был с ними незнаком, я впервые их видел, но они держались так просто, словно мы знаем друг друга целый век.

Разумеется, не обошлось без промахов, я совсем отвык от общества и часто обращался к барышням на «ты»; но мне это сошло. Один раз я даже сказал «милая», или «моя милая», но меня и тут простили и сделали вид, будто ничего я такого не говорил.

Господин Мак явился, как всегда, в своей некрахмаленой манишке с брильянтовой булавкой. Он был, видимо, в отличном расположении

andre båt:

Pas på kurvene med flaskerne, gale mennesker! Doktor, De indestår mig for flaskerne.

Javel, svarte doktoren tilbake. Og bare disse to rop over sjøen frå båt til båt lydde festlig og muntert for mig.

Edvarda var iført kjolen fra igår som om hun ikke hadde nogen anden kjole eller ikke vilde ta nogen anden på. Hendes sko var også de samme. Det forekom mig at hendes hænder ikke var ganske rene; men på hodet hadde hun en helt ny hat med fjær. Sin opfarvede jakke bragte hun med for å sitte på.

På hr. Macks ønske løste jeg av et skudd da vi skulde gå iland, to skudd, begge mine løp; siden blev det ropt hurra. Vi vandret op på øen, tørkefolkene hilste til os alle og hr. Mack samtalte med sine arbeidere. Vi fandt præstekraver og soløie som vi ståk i knaphullerne; nogen fandt blåklokker.

Og masser av sjøfugl snadret og skrek i luften og i fjæren.

Vi leiret os på en græsplet hvor det stod

духа и кричал другой лодке:

— Вы за бутылками смотрите, повесы! Доктор, вы мне отвечаете за бутылки!

— Согласен! — кричал доктор.

И как бодро и празднично делалось на душе от одних этих выкриков...

Эдварда была в том же платье, что и накануне, — не нашла другого или поленилась переодеться, или уж я не знаю что. И башмаки были те же. Мне даже показалось, что руки у нее немые; зато она надела новенькую шляпку с пером. Свою перекрашенную кофту она постелила на сиденье.

По просьбе господина Мака я выстрелил, когда мы сходили на берег, выстрелил дважды, из обоих стволов; и мы прокричали «ура». Мы пошли по острову, сушильщики кланялись нам, и господин Мак побеседовал со своими работниками. Мы рвали львиный зев и лютики и втыкали их в петлицы; кое-кто напал на колокольчики.

И уйма морских птиц, — они гоготали, орали в вышине и по берегу.

Мы расположились на лужайке, в

nogen forkuede bjørker med hvit bark, kurvene blev avdækket og hr. Mack trak flasker op. Lyse kjoler, blå øine, klingren av glas, havet, de hvite seil. Vi sang litt.

Og kinderne rødmet.

En time senere er min tanke fuld av jubel; også småting indvirker på mig; et slør flagrer på en hat, et hår løses op, to øine lukker sig i latter og jeg bevæges derved. Denne dag, denne dag!

Jeg har hørt at De har en liten morsom hytte, hr. løytnant?

Ja en rede, Gud hvor den er efter mit hjærte! Kom en dag og besøk mig, frøken; det er bare en slik hytte. Og bak hytten er det en stor skog.

En anden kommer til og sier venlig:

De har ikke været her nord før?

Nei, svarer jeg. Men jeg kjender allerede alt, mine damer. Om nætterne står jeg ansigt til ansigt med bergene, jorden og solen. Jeg vil forresten ikke forsøke på å være høitrvende. En sådan sommer som I har her! Den skyter frem en nat når alle sover og om morgningen

соседстве беденькой поросли белых березок, распаковали корзины, и господин Мак откупорил бутылки. Светлые платья, синие глаза, звон стаканов, море, белые парусники. Мы пели песни.

И лица разгорелись.

Скоро голова у меня кругом идет от радости; на меня действуют всякие мелочи; на шляпке колышется вуаль, выбивается прядка, два глаза сощурились от смеха, и это меня трогает. Какой день, какой день!

— Говорят, у вас премилая сторожка, господин лейтенант?

— Да, лесное гнездо, до чего же оно мне по сердцу. Заходите как-нибудь в гости, фрекен; такую сторожку поискать. А за нею лес, лес.

Подходит вторая и говорит приветливо:

— Вы прежде не бывали у нас на севере?

— Нет, — отвечаю я, — но я уже все тут знаю, сударыни. Ночами я стою лицом к лицу с горами, землей и солнцем. Но лучше я оставлю этот выпренный стиль... Ну и лето у вас! Подберется ночью, когда все спят, а утром — тут как тут. Я подсматривал

er den der. Jeg kikket ut av mit vindu og så den selv. Jeg har to små vinduer.

En tredje kommer. Hun er indtakende ved sin stemme og sine små hænder.

Hvor de alle er indtakende. Den tredje sier:

Skal vi bytte blomster? Det bringer lykke.

Ja, sa jeg og rakte hånden frem, lat os bytte blomster og jeg takker Dem for det. Hvor De er smuk, De har en bedårende stemme, jeg har hørt den hele tiden.

Men hun trækker sine blåklokker til sig og sier kort og godt:

Hvad går det av Dem? Det var ikke Dem jeg mente.

Det var ikke mig hun hadde ment! Det smærtet mig at jeg hadde feilet, jeg ønsket mig hjem igjen, langt bort til min hytte hvor bare vinden talte til mig.

Undskyld mig, sier jeg, og tilgiv mig.

De andre damer ser på hverandre og fjærner sig for ikke å ydmyge mig.

I dette øieblik kom et menneske hurtig bortimot os, alle så hende, det var Edvarda. Hun kom like imot mig, hun

из окна и все увидел. У меня в сторожке два окна.

Подходит третья. У нее маленькие ручки и какой у нее голос, она прелестна. До чего они все прелестны! Третья говорит:

— Давайте обменяемся цветами. Это приносит счастье.

— Да, — сказал я и уже протянул руку, — давайте меняться. Спасибо вам. Какая вы красивая, какой у вас милый голос, я его заслушался.

Но она прижимает к груди колокольчики и отвечает резко:

— Что это с вами? Я вовсе не к вам обращалась.

Так она обращалась не ко мне! Мне больно от моей оплошности, мне хочется домой, подальше, к моей сторожке, где мой единственный собеседник — ветер.

— Извините меня, — говорю я, — простите меня.

Остальные дамы переглядываются и отходят в сторону, чтоб не видеть моего униженья.

В эту минуту к нам кто-то подходит, — это Эдварда, все ее видят. Она идет прямо ко мне, что-то

taler litt, kaster sig om min hals, klemmer armene om min hals og kysser mig flere ganger på munden. Hun sier noget hver gang, men jeg hører ikke hvad det er. Jeg forstod ikke det hele, mit hjerte stod stille, jeg hadde bare et indtryk av hendes brændende blik.

Da hun slår mig gik hendes lille bryst op og ned. Der stod hun endnu med sit brune ansigt og brune hals, høi og smal, med spruttende øine og fuldstændig hensynsløs; allesammen så på hende. For anden gang blev jeg betat av hendes mørke øien-bryn som buet sig høit op i panden.

Men du gode Gud, mennesket hadde kysset mig i alles påsyn!

Hvad er det, jomfru Edvarda? spurte jeg, og jeg hører mit blod banke, jeg hører det likesom nede frå mit svælg, det hindrer mig i å tale tydelig.

Det er ikke noget, svarer hun. Det er bare at jeg vilde det. Det gjør ikke noget.

Jeg tar min lue av og tørker mekanisk mit hår bort mens jeg står og ser på hende. Gjør det ikke noget? tænkte jeg.

говорит, бросается ко мне на шею, притягивает к себе мою голову и несколько раз подряд целует меня в губы. Всякий раз она что-то приговаривает, но я не слышу что. Я вообще ничего не понимал, сердце у меня остановилось, я только видел, как горят у нее глаза.

Вот она меня выпустила, с трудом перевела дыханье, да так и осталась стоять, темная шеей и лицом, высокая, тонкая, и глаза у нее блестели, и она ничего не видела; все смотрели на нее. Снова поразили меня ее темные брови, они изгибались такими высокими дугами.

Ах, господи ты боже мой! Взяла и поцеловала меня на виду у всех!

— Что это вы, йомфру Эдварда? — спросил я. И я слышу, как стучит моя кровь, она стучит словно прямо у меня в горле, голос мой срывается и не слушается.

— Ничего, — отвечает она. — Просто мне захотелось. Просто так.

Я снимаю картуз, механически откидываю волосы со лба, стою и смотрю на нее. Просто так? — думаю я.

Da lyder hr. Macks stemme frå en anden kant av øen, han sier noget som vi ikke kan høre; men jeg tænker med glæde på at hr. Mack intet har set, intet har erfaret. Hvor det var godt at han netop nu var på en anden kant av øen! Dette letter mig, jeg træder bort til selskapet og sier leende idet jeg later meget likegyldig:

Må jeg be Dem allesammen undskylde min upassende opførsel for litt siden; jeg er selv fortvilet over den. Jeg har benyttet et øieblik da jomfru Edvarda vilde bytte blomster med mig til å fornærme hende; jeg ber hende og Dem om undskyldning. Sæt Dem i mit sted: jeg lever alene, jeg er ikke vant til å omgås damer; dertil kommer at jeg idag har drukket vin som jeg heller ikke er vant til. Bær over med mig.

Jeg lo og lot likegyldig over den hele bagatel for å få den glemt, men i mit indre var jeg alvorlig. Min tale gjorde heller ingen virkning på Edvarda, hun søkte ikke å skjule noget, å utslette indtrykket av sin overilelse, tværtimot, hun satte sig i nærheten av mig og så på

Тут с дальнего конца острова доносится голос господина Мака, он что-то говорит, и слов не разобрать; и я с радостью думаю о том, что господин Мак ничего не видел, ничего не знает. Как же хорошо, что он как раз оказался на дальнем конце острова! У меня отлегло от сердца, я подхожу ко всей компании, я смеюсь и говорю, прикидываясь совершенно беспечным:

— Прошу всех простить мою непристойную выходку; я и так вне себя. Я воспользовался минутой, когда йомфру Эдварда предложила мне обменяться цветами, и нанес ей оскорбление; приношу ей и вам свои извинения. Ну поставьте себя на мое место: я живу один, я не привык обращаться с дамами; и потом я пил вино, к которому у меня тоже нет привычки. Будьте же снисходительны.

Я смеялся и прикидывался беспечным, я делал вид, что все это пустяк, который надо поскорей забыть, на самом же деле мне было не до шуток. Впрочем, на Эдварду моя речь не произвела никакого впечатления, ровным счетом

mig hele tiden. Nu og da talte hun til mig. Da vi senere lekte enke sa hun høilydt:

Det er løytnant Glahn jeg vil ha. Jeg gidder ikke løpe efter nogen anden.

Så for satan, ti dog stille, menneske! hvasket jeg og stampet i marken.

En overraskelse fløi over hendes ansigt, hun gjorde en grimase med næsen av smærte og smilte forlegent. Jeg blev dypt grepet, dette forlatte uttryk i hendes blik og i hele hendes tynde skikkelse kunde jeg ikke motstå, jeg blev glad i hende og tok hendes lange smale hånd i min.

Senere! sa jeg. Ikke mere nu. Vi kan jo træffes imorgen.

XI

Om natten hørte jeg at Æsop reiste sig

никакого, она и не думала ничего скрывать, заглаживать свою опрометчивость, напротив, она села рядом со мной и не сводила с меня глаз. И время от времени ко мне обращалась. Потом, когда стали играть в горелки, она сказала во всеуслышанье:

— Мне давайте лейтенанта Глана. Чтоб я за кем-то еще бегала? Ни за что!

— О черт, да замолчите же вы наконец, — шепнул я и топнул ногой.

Недоумение отразилось на ее лице, она сморщила нос, словно от боли, и улыбнулась. И опять она показалась мне такой беззащитной, и такая потерянная была в ее взгляде и во всей ее тонкой фигуре, что я не смог этого вынести. Меня охватила нежность, и я взял ее узкую длинную руку в свою.

— Потом! — сказал я. — Не теперь. Мы ведь завтра увидимся, правда?

11

Ночью я слышал, как Эзоп

fra sin krok og knurret, jeg hørte det gjennom søvnen; men da jeg netop lå og drømte om jagt passet denne knurring ind i min drøm og jeg blev ikke fuldt vaken av den. Da jeg trådte ut av hytten ved totiden om morgningen var det spor i græsset efter et par menneskeføtter; nogen hadde været der, hadde gat først til mit ene vindu, derpå til mit andre vindu. Sporene tapte sig atter nede på veien.

Hun kom mig imøte med hete kinder, med aldeles strålende ansigt.

Har De ventet? sa hun. Jeg var rædd for at De skulde vente.

Jeg hadde ikke ventet, hun var på veien før mig.

Har De sovet godt? sa jeg. Jeg visste næsten intet å si.

Nei det har jeg ikke, jeg har våket, svarte hun. Og hun fortalte at hun ikke hadde sovet om natten, men sittet i en stol ... med lukkede øine. Hun hadde også været ute av huset en tur.

Nogen har været utenfor min hytte inat, sa jeg. Jeg så spor i græsset imorges.

Og hendes ansigt farves, hun tar min hånd der på veien og svarer ikke. Jeg ser

выходил из своего угла и рычал, я слышал это сквозь сон; но мне как раз снилась охота, рычанье как будто было во сне, и я не проснулся. Когда в два часа утра я вышел из сторожки, на траве были следы человеческих ног; кто-то побывал здесь, подходил сначала к одному окну, потом к другому. Следы терялись у дороги.

Она шагнула мне навстречу, лицо у нее горело, глаза сияли.

— Вы ждали? — сказала она. — Я боялась, как бы вам не пришлось ждать.

Я не ждал, она пришла первая.

— Вы хорошо спали? — спросил я. Я почти не знал, что говорить.

— Нет, какое там, я и не ложились, — ответила она. И рассказала, что всю ночь она не спала, так и просидела на стуле с закрытыми глазами. Она даже выходила из дому.

— Кто-то был ночью возле моей сторожки, — сказал я. — Утром я видел следы на траве.

И она краснеет, она прямо посреди дороги берет меня за руку и не

på hende og spør:

Var det Dem, kanske?

Ja, svarte hun og trykket sig opefter mig, det var mig. Jeg vækket Dem vel ikke, jeg gik så stille som jeg kunde. Jo det var mig. Jeg var Dem nær endnu en gang. Jeg er glad i Dem.

XII

Hver dag, hver dag traf jeg hende. Jeg tilstår sandheten, jeg traf hende gjerne, ja mit hjærte fløi bort. Det er iår to år siden, nu tænker jeg på det bare når jeg vil, det hele æventyr morer og adspreder mig. Og hvad de to grønne fuglefjær angår da skal jeg forklare det om litt.

Vi hadde flere steder å træffes på, ved møllen, på veien, ja endog i min hytte; hun kom hvorhen jeg vilde. Goddag! ropte hun altid først og jeg svarte goddag.

Du er glad i dag, du synger, sier hun, og

ответает. Я смотрю на нее и спрашиваю:

— Уж не вы ли?

— Да, — ответила она и прижалась ко мне, — да, это я. Я ведь не разбудила вас, я ступала тихо-тихо. Да, да, это я. Я еще разок побывала с вами рядом. Я вас люблю.

12

Всякий день, всякий день я ее видел. Не стану отпираться, я был рад, да, я совсем потерял голову. Тому минуло уже два года; теперь я думаю об этом только, когда самому захочется, все приключение просто забавляет и рассеивает меня. Что же до двух зеленых перьев, так это я еще объясню, непременно объясню чуть позже.

У нас было много условных местечек: у мельницы, на дороге, даже и у меня в сторожке; она приходила, куда я ни скажу. «Здравствуй!» — кричала она всегда первая, и я отвечал: «Здравствуй».

— Ты нынче веселый, ты поешь, —

hendes øine funkler.

Ja jeg er glad, svarer jeg. Du har en flæk der på akslen, del er støv, kanskje er det søle fra veien; jeg vil kysse den flæk, jo lat mig få lov til å kysse den. Alt hvad som er ved dig virker ømt på mig, jeg er så forstyrret efter dig. Inat sov jeg ikke.

Og det var sandt, i mere end en nat lå jeg søvnløs.

Vi spaserer side om side bortefter veien. Hvad synes du, bærer jeg mig ad således som du liker det? sier hun. Kanske snakker jeg formeget? Ikke? Ja men du skal si hvad du synes. Stundom tænker jeg ved mig selv at dette aldrig kan gå vel ....

Hvad er det som ikke skal gå vel? spør jeg.

Dette med os. At det ikke kommer til å gå vel. Enten du tror det eller ikke så går jeg her og fryser nu; det isner mig nedover ryggen bare jeg kommer indtil dig. Det er av lykke.

Ja i like måte, svarer jeg, det isner også gjennom mig bare jeg ser dig. Jo det skal nok gå vel. Forresten skal jeg klappe dig litt på ryggen for å varme

говорит она, и глаза у нее сияют.

— Да, я веселый, — отвечаю я. — У тебя на плече пятно, это пыль, видно, ты перепачкалась по дороге; как мне хочется поцеловать это пятно, ну позволь мне его поцеловать. Все твое мне так дорого, я с ума по тебе схожу. Я не спал нынче ночью.

И это правда, не одну ночь я провел без сна.

Мы бредем рядышком по дороге.

— Скажи, тебе нравится, как я себя веду? — говорит она. — Может, я чересчур много болтаю? Нет? Но ты сразу говори, если что не так. Иногда мне кажется, что это не может кончиться добром...

— Что не кончится добром? — спрашиваю я.

— Ну, у нас с тобой. Что это добром не кончается. Хочешь верь, хочешь не верь, а вот мне сейчас холодно; у меня вся спина леденеет, только я к тебе подойду. Это от счастья.

— И я тоже холодею, только тебя увижу, — отвечаю я. — Нет, все будет хорошо. А пока давай я тебя похлопаю по спине, ты и согреешься.

dig.

Hun later mig motstræbende gjøre det, jeg klapper litt hårdere, bare for spøk, jeg ler og spør om det ikke hjelper.

Å nei ikke vær så snil å dunke mig mere i ryggen, sier hun.

Disse par ord! Det lydde så hjelpeløst for mig at hun sa: ikke vær så snil.

Så gik vi videre bortover veien. Er hun misfornøiet med mig for min spøk?

spurte jeg mig selv og jeg tænkte: lat os se.

Jeg sa:

Jeg kommer til å huske noget. Engang på en kanetur var det en ung dame som tok et hvitt silketørklæ av sin egen hals og bandt det om min. Om kvælden sa jeg til damen: De skal få Deres tørklæ tilbake imorgen, jeg vil la det vaske.

Nei, svarer hun, lat mig få det nu, jeg vil opbevare det som det er, ganske som De har brukt det. Og hun fik tørklædet. Tre år efter traf jeg den unge dame igjen.

Tørklædet? sa jeg. Hun bragte tørklædet. Det lå i sit papir like uvasket, jeg så det selv.

Edvarda skottet op på mig.

Ja? Hvordan gik det så?

Она нехотя уступает, я хлопаю посильнее шутки ради, я хохочу и спрашиваю, согрелась ли она.

— Ах, смилостись, перестань колотить меня по спине, — говорит она.

Словечко-то какое! И как жалко она это сказала: смилостись.

Мы пошли дальше вдоль дороги. Уж не гnevаются ли на меня за мою шутку? — спросил я себя и подумал: поглядим.

Я сказал:

— Вот мне как раз вспомнилось. Однажды я катался на санках с одной молодой дамой, и она, сняла с себя белый шелковый платок и повязала мне на шею. Вечером я ей сказал: завтра я верну вам платок, я отдам его постирать. Нет, — отвечает она, — верните его теперь же, я так и сохраню его, в точности так. И я отдал ей платок. Через три года я снова встретил ту молодую даму. А платок? — спросил я. Она принесла платок. Он так и лежал нестираный в бумаге, я сам видел.

Эдварда быстро глянула на меня.

— Да? И что же дальше?

Nei det var ikke mere, sa jeg. Men jeg synes det var et skjønt træk.

Pause.

Hvor er den dame nu?

I utlandet.

Vi talte ikke mere derom. Men da hun skulde gå hjem sa hun:

Godnat da. Nei ikke gå og tænk mere på den dame, vel? Jeg tænker ikke på nogen anden end dig.

Jeg trodde hende, jeg så at hun mente hvad hun sa og det var mig evig nok når hun bare tænkte på mig. Jeg gik efter hende.

Tak, Edvarda, sa jeg. Senere la jeg til av ganske hjærte: Du er altfor god for mig, men jeg er taknemmelig for at du vil ha mig; Gud vil lønne dig for det. Jeg er vel ikke så herlig som mange andre du kunde få; men jeg er så ganske din, så voldsomt din, ved min udødelige sjæl. Hvad tænker du på? Du fik tårer i øinene.

Det var ikke noget, svarte hun. Det lydde så underlig at Gud vilde lønne mig for det. Du sier slikt noget som ....

— Нет, дальше ничего не было, — сказал я. — Просто это, по-моему, красивый поступок.

Пауза.

— А где она теперь?

— За границей.

Больше мы об этом не говорили.

Но уже прощаясь, она сказала:

— Ну, спокойной ночи. И не думай об этой dame, ладно? Я ни о ком не думаю, только о тебе.

Я поверил ей, я видел, что она говорит правду, и ничего-то мне больше не нужно было, раз она думает только обо мне. Я нагнал ее.

— Спасибо тебе, Эдварда, — сказал я. Сердце мое было переполнено, и я прибавил: — Ты слишком хороша для меня, но спасибо тебе за то, что ты меня не гонишь, Бог наградит тебя, Эдварда. Я сам не знаю, что ты во мне нашла, есть ведь столько других, куда достойней. Но зато я совсем твой, весь, каждой жилкой и со всей своей бессмертной душою. О чем ты? У тебя на глазах слезы.

— Нет, нет, ничего, — ответила она. — Ты говоришь так непонятно... что Бог наградит меня. Ты так

Jeg elsker dig så!

Hun fløi mig med en gang om halsen
like midt på veien og kysset mig hæftig.

Da hun var gat bøiet jeg av og ståk ind i
skogen for å skjule mig og være alene
med min glæde. Og jeg sprang bevæget
tilbake til veien igjen og så om nogen
skulde ha lagt mærke til at jeg gik ind
der. Men jeg så ingen.

XIII

Sommernætter og stille vand og
uendelig stille skoger. Intet skrik, intet
fottrin fra veiene, mit hjærte var fuldt
som av dunkel vin.

Møl og sværmere kommer lydløst
flyvende ind gjennem mit vindu,
hitlokket av skinnet fra graven og av
duften fra min stekte fugl. De støter mot
taket med en dump lyd, svirrer forbi
mine ører så det farer koldt gjennem
mig og sætter sig på mit hvite krudthorn
på væggen.

Jeg betragter dem, de sitter skjælvende
og ser på mig, det er spindere, borere og
møl. Jeg synes at nogen av dem er som

говоришь, будто... Как я тебя люблю!

Она бросилась мне на шею тут же
посреди дороги и крепко меня
поцеловала.

Когда она ушла, я свернул в
сторону и бросился в лес, чтоб
побыть один на один со своей
радостью. Потом я встревожился,
побежал обратно к дороге —
посмотреть, не видел ли меня кто. Но
там никого не было.

13

Летние ночи, и тихая вода, и
нерушимая тишь леса. Ни вскрика, ни
шагов на дороге, сердце мое словно
полно темным вином.

Мотыльки и мошкара неслышно
залетают ко мне в окно, соблазнясь
огнем в очаге и запахом жареной
птицы. Они глухо стучаются о
потолок, жужжат у меня над ухом,
так что по коже бегут мурашки, и
усаживаются на мою белую
пороховницу.

Я разглядываю их, они трепыхают
крылышками и смотрят на меня —
мотыльки, древоточицы и

flyvende stedmorsblomster.

Jeg træder utenfor hytten og lytter.

Ingenting, ingen støy, alt sover. Luften lyser av flyvende insekter, av myriader svirrende vinger. Borte i skogkanten står bregner og stormhat, melbærlyngen blomstrer og jeg elsker dens små blomster.

Tak min Gud, for hver lyngblomst jeg har set; de har været som små roser på min vei og jeg gråter av kjærlighet til dem. Et eller andet sted i nærheten er vild nellik, jeg ser den ikke, men jeg fornemmer dens duft.

Men nu i nattens timer har pludselig store, hvite blomster utfoldet sig i skogen, deres ar står åpne, de ånder. Og lodne tusmørkesværnere sænker sig ned i deres blade og bringer hele planten til å skjælve. Jeg går fra den ene til den andre blomst, de er berusede, det er kjønselig berusede blomster og jeg ser hvorledes de beruses.

Lette fottrin, et menneskes åndedrag, et glad godaften.

Jeg svarer og kaster mig ned på veien og omfavner de to knær og den fattige kjole.

шелкопряды. Иные похожи на летающие фиалки.

Я выхожу из сторожки и прислушиваюсь. Ничего, ни звука, все спит. Все светлым-светло от насекомых, мириады шуршащих крыльев. Дальше, на опушке собрались папоротники, и борец, и боярышник, я так люблю его мелкий цвет.

Слава тебе, Господи, за каждый кусточек вереска, который ты дал мне увидеть; они словно крошечные розы на обочине, и я плачу от любви к ним. Где-то близко лесная гвоздика, я не вижу ее, я узнаю ее по запаху.

А ночью вдруг распускаются большие белые цветы, венчики их открыты, они дышат. И мохнатые сумеречницы садятся на них, и они дрожат. Я хожу от цветка к цветку, они словно пьяные, цветы пьяны любовью, и я вижу, как они хмелеют.

Легкий шаг, человеческое дыхание, веселое «здравствуй».

Я отвечаю, и бросаюсь в дорожную пыль, и обнимаю эти колени и простенькую юбку.

Godaften, Edvarda! sier jeg endnu en gang, utslitt av lykke.

Hvor du er glad i mig! hvisker hun.

Hvor jeg kan være taknemmelig! svarer jeg. Du er min og mit hjærte ligger hele dagen stille i mig og tænker på dig. Du er den skjønneste pike på denne jord og jeg har kysset dig. Ofte blir jeg rød av glæde når jeg bare husker på at jeg har kysset dig.

Hvorfor er du blit så glad i mig just i kvæld? spør hun.

Og det var jeg blit av utallige grunde, jeg hadde bare behøvet å tænke på hende for å bli det. Dette blik under de buede øienbryn høit op i panden og denne mørke, hulde hud!

Skulde jeg ikke være glad i dig! sier jeg. Jeg går og takker hvert træ for at du er frisk og har din helse. Engang på et ball var det en ung dame som sat over dans efter dans og alle lot hende sitte. Jeg kjendte hende ikke, men hendes ansigt gjorde indtryk på mig og jeg bukket for hende. Nu? Nei hun rystet på hodet. Frøkenen danser ikke? sa jeg. Kan De

— Здравствуй, Эдварда! — говорю я снова, изнемогая от счастья.

— Как ты меня любишь! — шепчет она.

— Не знаю, как и благодарить тебя! — отвечаю я. — Ты моя, и я весь день не нарадуюсь, и сердце мое не натешится, я все думаю о тебе. Ты самая прекрасная девушка на этой земле, и я тебя целовал. Я, бывает, только подумаю, что я тебя целовал, и даже краснею от радости.

— Но почему ты сегодня так особенно любишь меня? — спрашивает она.

По тысяче, по тысяче причин, и мне достаточно одной только мысли о ней, одной только мысли. Этот ее взгляд из-под бровей, выгнутых высокими дугами, и эта темная, милая кожа!

— Как же мне не любить тебя! — говорю я. — Да я каждое деревце благодарю за то, что ты бодрa и здорова. Знаешь, как-то раз на бале одна юная дама все сидела и не танцевала, и никто ее не приглашал. Я был с ней незнаком, но мне понравилось ее лицо, и я пригласил ее на танец. И что же? Она покачала

begripe det, svarte hun, min far var så smuk og min mor var en fuldkommen skjønhed, og min far seiret over min mor med storm. Men jeg blev halt.

Edvarda så på mig.

Lat os sætte os, sa hun.

Vi satte os i lyngen.

Vet du hvad~ min veninde sier om dig? begyndte hun. Du har dyreblik, sier hun, og når du ser på hende gjør du hende gal. Det er som om du berører hende, sier hun.

En egen glæde flagret gjennom mig da jeg hørte dette, ikke for min skyld, men for Edvardas, og jeg tænkte: det er bare en som jeg bryr mig om, hvad sier denne ene om mit blik? Jeg spurte:

Hvad var det for en veninde?

Det fortæller jeg ikke, svarte hun; men det var en av dem som var med os på tørkeplassen.

Jaja, sa jeg.

Og vi talte om andre ting.

Min far reiser en av de første dager til Rusland, sa hun, og da vil jeg holde en fest. Har du været på Korholmerne? Vi

головой. «Фрекен не танцует?» — спросил я. «Представьте, — ответила она, — мой отец был так хорош собой и мать моя была писаная красавица, и отец любил ее без памяти. А я родилась хромая».

Эдварда посмотрела на меня.

— Сядем, — сказала она.

Мы сели посреди вереска.

— Знаешь, что про тебя говорит одна моя подруга? — начала она. — Она говорит, что у тебя взгляд зверя и когда ты на нее глядишь, она сходит с ума. Ты как будто до нее дотрагиваешься.

Сердце мое дрожит от нестерпимой радости, не за себя, а за Эдварду, и я думаю: мне нужна только одна-единственная, что-то она говорит о моем взгляде?

Я спросил:

— Что ж это за подруга?

— Этого я тебе не скажу, — ответила она. — Но она была с нами тогда, у сушилен.

— А... — сказал я.

И мы заговорили о другом.

— Отец на этих днях собирается в Россию, — сказала она, — и я отпраздную его отъезд. Ты был на

skal ha vin i to kurver, damerne frå præstegården kommer med igjen, min far har allerede git mig vinen. Ikke sandt, så må du ikke se på min veninde igjen? Nei vil du vel? For så ber jeg hende ikke med.

Og uten å si mere kastet hun sig hæftig om min hals og så på mig, stirret ind i mit ansigt mens hun pustet hørlig. Hendes blik var ganske sort.

Jeg reiste mig brat og sa i min forvirring bare:

Jaså, skal din far til Rusland?

Hvorfor reiste du dig så hurtig? spurte hun.

Fordi det er så sent, Edvarda, sa jeg. Nu lukker de hvite blomster sig igjen, solen står op, dagen kommer.

Jeg fulgte hende gjennom skogen og blev stående og se efter hende så længe jeg kunde; langt nede vendte hun sig om og ropte dæmpet godnat. Så forsvandt hun. I det samme gik smedens stuedør op, en mand med et hvitt skjortebryst kom ut, så sig omkring, satte hatten bedre ned i panden og tok veien ned til Sirilund.

Курхольмах? Мы возьмем с собой две корзины с вином, дамы с пасторской усадьбы тоже едут, отец уже распорядился насчет вина. Только ты не будешь больше глядеть на мою подругу? Ведь правда? А то я ее не позову.

И она вдруг умолкла и кинулась мне на шею, и стала смотреть на меня, не отрываясь смотреть мне в лицо, и я слышал, как она дышит. И темными, черными стали у нее глаза.

Я резко поднялся и в смятенье только и мог выговорить:

— А... твой отец едет в Россию?

— Почему ты вдруг встал? — спросила она.

— Потому что уже поздно, Эдварда, — сказал я. — Белые цветы закрываются, встает солнце, уже утро.

Я проводил ее по лесу, я стоял и смотрел на нее, пока она не скрылась из виду; далеко-далеко она обернулась, и до меня слабо донеслось «спокойной ночи!». И она исчезла. В ту же минуту отворилась дверь у кузнеца, человек в белой манишке вышел, огляделся, надвинул шляпу на лоб и зашагал в сторону

Jeg hørte endnu Edvardas godnat i mine ører.

XIV

Glæde beruser. Jeg avfyrrer min bøsse og et uforglemmelig ekko svarer frå berg til berg, svæver utover havet og lyder i en forvåken rorgjængers ører. Hvad glæder jeg mig over? En tanke jeg får, et minde, en klang i skogen, et menneske.

Jeg tænker på hende, jeg lukker mine øine og står stille på veien og tænker på hende, jeg tæller minutter.

Nu er jeg tørst og jeg drikker i bækken; nu tæller jeg hundrede skridt frem og hundrede skridt tilbage; nu er det blit sent, tænker jeg.

Er noget kommet iveien? En måned er gat og en måned er ingen lang tid; det er ingenting kommet iveien! Gud skal vite at denne måned har været kort. Men nætterne de er mangen gang lange og jeg finner på å dyppe min lue i bækken og la den tørke igjen, bare for å korte tiden mens jeg venter.

Jeg regnet min tid i nætter. Stundom

Сирилунна.

У меня в ушах еще звенел голос Эдварды — «спокойной ночи!».

14

Голова кругом идет от радости. Я разряжаю ружье, и немислимое эхо летит от горы к горе, несется над морем и ударяет в уши бессонного рулевого. Чему я так радуюсь?

Мысли, воспоминанью, лесному шуму, человеку? Я думаю о ней, я закрываю глаза и стою тихо-тихо, и думаю о ней, я считаю минуты.

Вот мне хочется пить, и я напиваюсь из ручья; вот я отсчитываю сто шагов туда и сто обратно; она что-то запаздывает.

Не случилось ли чего? Прошел всего месяц, месяц срок не долгий; нет, ничего не случилось! Бог свидетель, месяц этот пролетел так быстро. А вот ночи иной раз выпадают долгие, и я решаю намочить картуз в ручье и просушить его, чтоб как-нибудь скоротать время.

Время я считал ночами. Бывало и

kom en nat og Edvarda uteblev, engang uteblev hun i to nætter. I to nætter. Det var ingenting iveien, men jeg syntes da at min lykke kanskje hadde stat på sit høieste.

Og hadde den ikke det?

Hører du, Edvarda, hvor det er urolig i skogen inat? Det pusler ustanselig i tuverne og de store løvblade skjælver.

Noget er kanskje igjære; men det var ikke det jeg vilde si. Jeg hører en syngende fugl oppe i åsen, det er bare en meise; men den har sittet på samme sted i to nætter og lokket. Hører du en ensartet, ensartet lyd?

Ja jeg hører den. Hvorfor spør du mig om det?

For ingenting. Den har sittet der i to nætter. Jeg vilde bare si det .... Tak, tak fordi du kom i kvæld, elskede! Jeg sat her og ventet dig i kvæld eller imorgen kvæld, glædet mig til det når du kom.

Og jeg har også ventet. Jeg tænker på dig og jeg har samlet og gjæmt skårene av det glas du væltet engang; kan du huske det? Min far reiste inat, jeg var undskyldt for å komme, jeg hadde så

так, что наступала ночь, а Эдварда не приходила, однажды ее не было целых две ночи. Две ночи! Но нет, ничего, ничего не случилось, и мне подумалось, что никогда уж я не буду так счастлив.

И разве я ошибся?

— Ты слышишь, Эдварда, как беспокойно сегодня в лесу? Листы дрожат, шум и возня на кочках. Что-то они там затевают... но я не о том, я не то хотел тебе сказать. В горах поет птица, синичка просто. Она две ночи сидит на одном месте и все поет, все зовет своего дружка. Слышишь, как заладила, как заладила одно и то же!

— Да, да, я слышу. Но отчего ты спрашиваешь?

— Сам не знаю. Она две ночи тут сидит. Это я и хотел тебе сказать, больше ничего... Спасибо, спасибо, что пришла, любимая! Я ждал, ждал, может, ты сегодня придешь, а может, завтра. Я так обрадовался, когда тебя увидел.

— И я ждала. Я все думаю о тебе. Я собрала и спрятала осколки того стакана, что ты тогда разбил. Помнишь? Отец сегодня уехал, мне нельзя было прийти, надо было так

meget å pakke og å minde ham på. Jeg visste at du gik her og ventet i skogen og jeg gråt og pakket.

Men det er gat to nætter, tænkte jeg, hvad gjorde hun den første nat? Og hvorfor er der ikke så megen glæde i hendes øine nu som før?

En time gik. Meisen tidde oppe i åsen, skogen la død. Nei nei, det var ingenting iveien, alt var som før, hun gav mig sin hånd til godnat og så på mig i kjærlighet.

Imorgen? sa jeg.

Nei ikke imorgen, svarte hun.

Jeg spurte ikke hvorfor.

Imorgen skal vi jo ha vor fest, sa hun leende. Jeg vilde bare overraske dig, men du fik en så ulykkelig mine at jeg måtte si det straks. Jeg vilde ha indbudt dig skriftlig.

Og mit hjærte letnet usigelig.

Hun gik nikkende til avsked.

Endnu ett, sa jeg stående på samme plet.

Hvorlænge er det siden du samlet de glasskår og gjænte dem?

Hvorlænge det er siden?

много всего уложить, собрать его в дорогу. Я знала, что ты ходишь по лесу и ждешь, я укладывала его вещи и плакала.

Но прошло ведь две ночи, подумал я, что же она в первую-то ночь делала? И отчего в глазах ее нет уже той радости, что прежде?

Прошел час. Синица в горах умолкла, лес замер. Нет, нет, ничего не случилось; все как прежде, она протянула мне руку на прощанье и смотрела на меня с любовью.

— Завтра? — сказал я.

— Нет, завтра нет, — ответила она.

Я не спросил почему.

— Завтра ведь я устраиваю праздник, — сказала она и засмеялась. — Я просто хотела сделать тебе сюрприз, но у тебя так вытянулось лицо, что, видно, лучше уж сказать сразу. Я хотела послать тебе записку.

Как же у меня отлегло от сердца!

Она кивнула мне и пошла было.

— Еще только одно, — сказал я, не двигаясь с места. — Скажи мне, когда ты собрала и спрятала осколки стакана?

— Когда собрала?

Ja kan det være en uke siden, to uker siden?

Ja kanskje det er to uker siden. Men hvorfor spør du om det? Nei jeg skal si dig sandheten, jeg gjorde det igår.

Hun gjorde det igår, det var ikke lenger siden end igår at hun tænkte på mig! Nu var alt godt.

XV

De to båter lå på våndet og vi gik ombord. Vi sang og talte. Korholmerne lå utenfor øerne, det tok en god stund å ro dithen og imens talte vi med hverandre fra båterne. Doktoren var iført lyse klær, likesom damerne; jeg hadde aldrig set ham så fornøiet før, han-snakket med, han var ikke lenger en stille tilhører. Jeg fik det indtryk at han hadde drukket litt og var glad. Da vi kom iland la han et øieblik beslag på selskapets opmærksomhet og bød os velkommen. Jeg tænkte: Se, Edvarda har utkåret ham til vært.

Med den høieste grad av elskværdighet

— Ну да. Неделю назад, две недели?

— Может, и две недели назад. И почему ты спрашиваешь? Нет, уж скажу тебе правду, это было вчера.

Вчера, вчера, не далее как вчера она думала обо мне! Значит, все хорошо.

15

Мы разместились в двух лодках. Мы пели и перекликались. Курхольмы лежали за островами, это довольно далеко, и мы покуда перекликались с лодки на лодку. Доктор оделся во все светлое, как наши дамы; никогда еще не видывал я его таким довольным, — то он все молчал, а тут вдруг разговорился. Мне показалось даже, что он слегка подвыпил и оттого такой веселый. Когда мы сошли на берег, он на минуту потребовал нашего внимания и попросил всех чувствовать себя как дома. Я подумал: ага, стало быть, Эдварда избрала его хозяином. Дамам он выказывал высшую

underholdt han sig med damerne. Overfor Edvarda var han høflig og venlig, ofte faderlig og som så mangan gang før pedantisk belærende. Hun talte om en dato, hun sa engang: Jeg er født i otte og tredive, og han spurte: Atten hundrede og otte og tredive, mener De vel? Hvis hun så hadde svaret: Nei i nitten hundrede og otte og tredive vilde han ingen forvirring ha vist, men bare ha rettet hende igjen og sagt: Det må visst være galt. Når jeg sa noget lyttet han høflig og opmærksomt dertil og overså mig ikke.

En ung pike kom bort til mig og hilste. Jeg kjendte hende ikke igjen, jeg kunde ikke huske hende og jeg sa nogen forundrede ord hvorover hun lo. Det var den ene av provstens døtre, jeg hadde været sammen med hende på tørkeplassen, indbudt hende til min hytte. Vi talte en stund sammen.

Det går en time eller to. Jeg kjeder mig, jeg drikker av vinen som man skjænker i for mig og blander mig med alle, passiarer med alle. Atter gjør jeg mig skyldig i nogen feil, jeg er kommet på

stепень учтивости. С Эдвардой он был внимателен и приветлив, порой обращался с ней отечески и, как не раз прежде, педантически ее наставлял. Стоило ей упомянуть дату, сказать: «Я родилась в тридцать восьмом году», — как он спросил: «В тысяча восемьсот тридцать восьмом, не так ли?» И ответь она: «Нет, в тысяча девятьсот тридцать восьмом», — он бы нимало не смутился, только поправил бы ее снова, да еще объяснил бы: «Этого не может быть». Когда говорил я, он слушал вежливо и внимательно, без всякого пренебрежения.

Молодая девушка подошла ко мне и поздоровалась. Я не узнал ее, никак не мог вспомнить, где же я ее видел; я, смешавшись, пробормотал что-то, и она засмеялась. Оказалось, что это одна из дочерей пробста, мы были вместе у сушилен, я еще приглашал ее к себе в сторожку. Мы немного поболтали.

Проходит час или два. Я томлюсь, я пью все, что мне ни наливают, я накоротке со всеми, болтаю со всеми. Снова я допускаю промах за промахом, я не в своей тарелке,

usikker grund og vet ikke i øieblikket
hvorledes jeg skal besvare en venlighed,
det hænder at jeg taler
usammenhengende eller endog forblir
stum og jeg græmmer mig herover.
Borte ved den store sten som vi bruker
til bord sitter doktoren og gestikulerer.
Sjæl! Hvad var sjæl for noget? sa han.
Provstens datter hadde beskyldt ham for
å være fritænker; vel, skulde man ikke
tænke frit? Man forestilte sig helvede
som et hus nede i jorden og djævelen
som bureauchef — nei majestæt var
han. Han vilde tale om altertavlen i
annekskirken: en kristusfigur, nogen
jøder og jødinder, vand til vin; godt.
Men Kristus hadde glorie om hodet.
Hvad var en glorie? Et gult tøndebånd
som stod på tre hår.

To av damerne slog forfærdet hænderne
sammen. Men doktoren reddet sig og sa
spøkende:

Ikke sandt, det lyder frygtelig! Det
erkjender jeg. Men hvis man gjentar det

теряюсь, часто не нахожусь, что
ответить на любезность; то я говорю
невпопад, а то не могу выдать ни
слова и мучаюсь. Поодаль, у
большого камня, что служит нам
столом, сидит доктор и
жестикулирует.

— Душа! Да что такое эта ваша
душа? — говорит он. Тут вот дочь
пробста обвинила его в
свободомыслии; ну, а кто сказал, что
нельзя мыслить свободно? Скажем,
иные представляют себе ад, как
некий дом глубоко в подземелье, а
дьявола столоначальником или,
пуще, прямо-таки его величеством.
Ну так вот, ему, доктору, хочется,
кстати, рассказать о запрестольном
образе в приходской церкви:

Христос, несколько евреев и евреек,
превращение воды в вино,
превосходно. Но у Христа на голове
— нимб. А что такое этот нимб?
Золотой обруч с бочонка, и держится
на трех волосиках!

Две дамы сокрушенно всплеснули
руками. Но доктор вышел из
положения и добавил шутивно:

— Не правда ли, звучит ужасно!
Признаю, признаю. Но если

og gjentar det syv eller otte ganger for sig selv og tænker litt på det så lyder det allerede bedre .... Må jeg ha den ære å drikke med damerne!

Og han knælte ned i græsset for de to damer og tok ikke hatten av og la den foran sig, men holdt den høit tilveirs med venstre hånd og tømte glasset med tilbakebøiet strupe. Jeg blev selv begeistret over hans store sikkerhet og vilde ha drukket med ham hvis han ikke allerede hadde tømt sit glas.

Edvarda fulgte ham med øinene. Jeg stilte mig i nærheten av hende, jeg sa: Skal vi leke enke i dag?

Hun for litt sammen og reiste sig. Husk på at vi ikke sier du til hverandre nu, hvisket hun.

Jeg hadde heller ikke sagt du. Jeg fjærnet mig igjen.

Atter går en time. Dagen blev lang, jeg vilde for længe siden ha rodd hjem alene hvis jeg hadde hat en tredje båt; Æsop lå bundet i hytten, den tænkte kanskje på mig. Edvarda hadde sikkert sine tanker langt fra mig, hun talte om den lykke å få reise bort, til andre steder, hendes kinder blev hete herover og hun talte

повторять и повторять это про себя семь или восемь раз подряд и потом еще немножко подумать, то уж и не так страшно покажется. Сударыни, окажите мне честь, выпейте со мною!

И он бросился на колени перед этими двумя дамами прямо в траву, а шляпу не положил рядом, нет, но высоко поднял левой рукой и так и осушил стакан, запрокинув голову. Я даже позавидовал такой ловкости и непременно выпил бы с ним вместе, да просто не успел.

Эдварда следила за ним глазами. Я сел с нею рядом, я сказал:

— А в горелки сегодня играть будем?

Она вздрогнула и поднялась:

— Помни, нам нельзя говорить друг другу «ты», — шепнула она.

Но я и не думал говорить ей «ты». Я снова отошел.

Проходит еще час. Какой долгий день! Я бы давно уж уехал домой, будь у меня третья лодка: Эзоп в сторожке, он привязан, он, верно, думает обо мне. Мысли Эдварды витали где-то далеко от меня, это было ясно, она говорила о том, какое счастье уехать в дальние, незнакомые

endog feil:

Ingen vilde være mere lykkeligere end jeg den dag ...

Mere lykkeligere, sier doktoren.

Hvad? spør hun.

Mere lykkeligere.

Det forstår jeg ikke.

De sa mere lykkeligere, ikke andet.

Gjorde jeg det? Undskyld. Ingen vilde være mere lykkelig end jeg den dag jeg stod ombord på skibet. Stundom længes jeg til steder, som jeg ikke selv vet.

Hun længtet bort, hun husket mig ikke.

Jeg stod der og så på hendes ansigt at hun hadde glemt mig. Nå, derom var intet å si; men jeg stod selv og så det på hendes ansigt. Og minutterne gik sørgelig langsomt hen. Jeg spurte flere om vi ikke skulde ro hjem, det var sent, sa jeg, og Æsop lå bundet i hytten. Men ingen vilde hjem.

Jeg gik for tredje gang bort til provstens datter, jeg tænkte: det er hende som har talt om mit dyreblik. Vi dråk sammen;

края, щеки у нее разгорелись, и она даже сделала ошибку:

— Не будет никого более счастливее меня в тот день...

— Более счастливее, — говорит доктор.

— Что? — спрашивает она.

— Более счастливее.

— Не пойму.

— Вы сказали — более счастливее.

Только и всего.

— О, правда? Прошу прощенья. Не будет никого счастливее меня в тот день, когда я ступлю на палубу парохода. Иногда меня тянет куда-то, даже сама не знаю куда.

Ее тянет куда-то, она не помнит обо мне. Я смотрел на нее и по лицу ее видел, что ведь она меня забыла. Слов тут не надо, зачем?.. Просто я смотрел на нее — и видел все по ее лицу. И минуты тянулись томительно долго. Я всем докучал, все спрашивал, не пора ли нам домой. Уже поздно, говорил я, и мой Эзоп в сторожке, он привязан. Но домой никому не хотелось.

В третий раз я подошел к дочери пробста, я подумал: не иначе, как это она говорила о моем зверином

hun hadde skjælvende øine, de stod aldrig stille, hun så idelig på mig og så derpå bort igjen.

Si mig, sa jeg, tror De ikke, frøken, at menneskene i disse egne likner selv den korte sommer? De er flygtige og bedårende som den?

Jeg talte høit, meget høit, og jeg gjorde det med vilje. Jeg fortsatte å tale høit og bad frøkenen om atter å besøke mig og se min hytte. Gud velsigne Dem for det, sa jeg i min nød, og jeg tænkte allerede ved mig selv at jeg kunde finde noget å forære hende hvis hun vilde komme. Jeg hadde kanskje ikke noget andet end mit krudthorn, tænkte jeg.

Og frøkenen lovet å komme.

Edvarda sat med bortvendt ansigt og lot mig tale så meget jeg lystet. Hun lyttet til det som ellers blev sagt og la nu og da et ord ind. Doktoren spådde de unge damer i hænderne og lot munden løpe; han hadde selv fine små hænder og en ring på den ene finger. Jeg følte mig tilovers og satte mig en tidlang for mig seiv på en sten.

взгляде. Мы выпили с нею; у нее был какой-то боязливый взор, она ни на чем не останавливала глаз, устремит их на меня и тотчас же отводит.

— Скажите, фрекен, — начал я, — вам не кажется, что люди в здешних краях сами похожи на быстрое лето? Так же переменчивы и так же прелестны?

Я говорил громко, очень громко, я нарочно так говорил. Не понижая голоса, я снова пригласил фрекен зайти ко мне в гости, поглядеть на мою сторожку.

— Осчастливьте, сделайте такую Божескую милость, — молил я ее и уже думал, что бы такое подарить ей, если она придет. Ничего, пожалуй, не найдется, кроме пороховницы, решил я.

И фрекен обещала прийти.

Эдварда смотрела в другую сторону и никакого внимания не обращала на мои слова. Она прислушивалась к тому, что говорят другие, и время от времени вставляла слово в общую беседу. Доктор гадал дамам по руке и болтал без умолку, у самого у него руки были маленькие, изнеженные и на пальце кольцо. Я

Det begyndte å li langt ut på
eftermiddagen. Her sitter jeg nu ganske
alene på en sten, sa jeg til mig selv, og
det eneste menneske som kunde få mig
herfrå later mig sitte. Det er mig
forresten likegyldig også.

En stor følelse av forlatthet bemægtiget
sig mig. Samtalen bak mig lød i mine
øren og jeg hørte at Edvarda lo; ved
denne latter reiste jeg mig med en gang
og gik bort til selskapet. Min ophidselse
løp av med mig.

Bare et øieblik, sa jeg. Det faldt mig ind
mens jeg sat der borte at dere kunde
ville se min fluebok. Og jeg tok min
fluebok frem. Undskyld at jeg ikke har
husket det før. Vil dere ikke være så snil
å gjennemse den, dere gjør mig en
glæde, dere må se altsammen, der er
både røde og gule fluer. Og jeg holdt
min lue i hånden mens jeg talte. Jeg
mærket selv at jeg hadde tat min lue av
og at det var galt, derfor satte jeg den
straks på igjen.

Det blev en liten stund dyp taushet og
ingen tok imot boken. Endelig rakte

pocувствовал себя лишним и сел на
камень в сторонке.

День уже заметно клонился к
вечеру. Вот я сижу один-одинешенек
на камне, думал я, и единственная, к
кому бы я тотчас подошел, оклики
она меня, вовсе меня не замечает. Ну,
да все равно, мне ничего не нужно...

Я чувствовал себя так сиротливо...
Я слышал у себя за спиной разговор,
в ушах у меня зазвенел смех
Эдварды; тут я вдруг вскочил и
подошел к ним ко всем. Я уже не
владел собой.

— Минуточку, всего одну
минуточку, — сказал я. — Видите ли,
я сидел там на камне, и вдруг мне
подумалось, что вам интересно будет
взглянуть на мою коллекцию мух. —
И я вытащил коробку. — Простите
меня, что я едва не забыл про нее.
Сделайте милость, посмотрите, все
посмотрите, тут и красные мухи, и
желтые, вы посмотрите, я буду рад,
очень рад, — и пока говорил, я
держал картуз в руке. Потом я
сообразил, что я снял картуз и что это
глупо, и тотчас надел его.

На минуту воцарилось общее
молчание, и никто не прикасался к

doktoren hånden ut efter den og sa høflig:

Ja tak, lat os få se de tingester. Det har altid været mig en gåte hvorledes man sætter sammen fluer.

Jeg gjør dem selv, sa jeg fuld av taknemmelighet mot ham. Og jeg gav mig med det samme til å forklare hvorledes jeg gjorde dem. Det var så simpelt, jeg kjøpte fjærene og anglerne; det blev jo ikke godt gjort, men det var også bare til eget bruk. Det var færdige fluer å få og de var meget smukke.

Edvarda kastet et likegyldig blik på mig og boken og fortsatte så å tale med sine venmder.

Her er også materialer, sa doktoren. Se for nogen vakre fjær.

Edvarda så op.

De grønne er vakre, sa hun; lat mig se dem, doktor.

Behold dem, ropte jeg. Jo gjør det, jeg vil be Dem derom idag. Det er to grønne fuglefjær. Gjør vel imot mig, lat det være en erindring.

Hun så på dem og sa:

коробке. Наконец доктор протянул к ней руку и вежливо сказал:

— Благодарствуйте. Так, так, поглядим, что это за штуки. Для меня всегда было загадкой, как делают этих мух.

— Я сам их делаю, — сказал я, переполненный признательностью. И тотчас же пустился объяснять, как я их делаю. — О, это совсем не трудно, я покупаю перья и крючки... мухи не очень удачные, но ведь это только так, для себя. А бывают и готовые мухи, так те очень красивые.

Эдварда бросила равнодушный взгляд на меня, потом на мою коробку и снова стала болтать с подругами.

— А, тут и материалы, — сказал доктор. — Взгляните, какие красивые перья.

Эдварда посмотрела.

— Лучше всех зеленые, — сказала она. — Дайте-ка их сюда, доктор.

— Возьмите их себе, — крикнул я. — Да, да, пожалуйста, прошу вас.

Вот эти два зеленых. Сделайте одолжение, пусть это будет вам на память.

Она повертела перья в руке, потом

De er grønne og gyldne eftersom man holder dem i solen. Ja tak, når De vil gi mig dem så.

Ja jeg vil gi Dem dem, sa jeg.

Hun stak fjærene til sig.

Litt efter rakte doktoren mig boken tilbake og sa tak. Han reiste sig og spurte om vi ikke snart skulde begynde å tenke på hjemturen.

Jeg sa:

Jo, for Guds skyld. Jeg har en hund liggende derhjemme; se, jeg har nu en hund, den er min ven, den ligger og tænker på mig, og når jeg kommer står den med forpoterne i vinduet og hilser mig. Dagen har været så smuk, den er snart tilende, lat os ro hjem. Jeg takker dere allesammen.

Jeg ventet i fjæren for å se hvad for en båt Edvarda valgte og jeg bestemte mig til å gå ombord i den andre. Med ett kaldte hun på mig. Jeg så forundret på hende, hendes ansigt blusset. Da kom hun til mig, rakte mig sin hånd og sa med ømhet:

Tak for fjærene .... Hør, vi blir vel i samme båt?

sказала:

— Они зеленые, а на солнышке золотистые. Ну спасибо, если уж вам так хочется их мне подарить.

— Мне хочется их вам подарить, — сказал я.

Она прикрепила перья к платью.

Немного погодя доктор вернул мне коробку и поблагодарил. Он встал и поинтересовался, не пора ли уже нам подумывать о возвращении.

Я сказал:

— Да, да, ради Бога. У меня дома мой пес, понимаете, у меня есть пес, это мой друг, он думает обо мне, ждет меня не дождется, а когда я вернусь, он встанет передними лапами на окно и будет меня встречать. День был такой чудесный, скоро он кончится, пора домой. И спасибо вам всем.

Я встал у самой воды, чтобы посмотреть, в какую лодку сядет Эдварда, и самому сесть в другую. Вдруг она окликнула меня. Я взглянул на нее в недоумении, лицо у нее пылало. Вот она подошла ко мне, протянула руку и сказала нежно:

— Спасибо за перья... Мы ведь в одну лодку сядем, правда?

Hvis De vil det, svarte jeg.

Vi satte os i båten, hun indtok sin plass ved siden av mig på min tofte og berørte mig med sit knæ. Jeg så på hende og hun så et øieblik på mig tilbake. Hun voldte mig godt ved å berøre mig med sit ene knæ, jeg begyndte å føle mig belønnet for den bitre dag og å gjenvinde min glæde da hun pludselig skiltet stilling, vendte ryggen mot mig og begyndte å tale med doktoren som sat ved styret. I et helt kvarter var jeg ikke til for hende.

Da gjorde jeg noget jeg angrer på og endnu ikke har glemt. Hendes sko faldt av foten, jeg grep den og slængte den langt bortover våndet, av glæde over at hun var nær eller av trang til å gjøre mig gjældende og minde hende om at jeg var til, — jeg vet det ikke. Det hele gik så hurtig, jeg tænkte ikke, jeg fik bare den indskyttelse.

Damerne opløftet et skrik. Jeg blev selv som lammet over det jeg hadde gjort, men hvad nyttet det? Det var gjort.

Doktoren kom mig tilhjælp, han ropte:

— Как вам угодно, — ответил я.

Мы вошли в лодку, она села подле меня на скамеечке, и ее колено касалось моего. Я посмотрел на нее, и она в ответ быстро глянула на меня. Так сладко мне было касанье ее колена, мне показалось даже, что я вознагражден за трудный день, и я готов уже был вернуться в прежнее радостное свое состояние, как вдруг она поворотилась ко мне спиной и стала болтать с доктором, который сидел на руле.

Битых четверть часа я для нее словно не существовал. И тут я сделал то, чего до сих пор не могу себе простить и все никак не забуду. У нее с ноги свалился башмачок, и я схватил этот башмачок и швырнул далеко в воду — от радости ли, что она рядом, или желая обратить на себя внимание, напомнить ей, что я тут, — сам не знаю. Все произошло так быстро, я не успел даже подумать, просто на меня что-то нашло.

Дамы подняли крик. Я сам оторопел, но что толку? Что сделано, то сделано. Доктор пришел мне на выручку, он крикнул; «Гребите

Ro væk! og styret efter skoen; i næste øieblik hadde også rorskarn grepet den just idet den fyldtes av vand og sank under vandskorpen; manden blev våt opover armen. Så lød et flerstemmig hurra fra begge båter fordi skoen var reddet.

Jeg var dypt skamfuld og jeg følte at mit ansigt skiftet farve og fortrak sig idet jeg tørket skoen av med mit lommetørklæ.

Edvarda tok imot den stumt. Først en stund bakefter sa hun:

Jeg har aldrig set maken.

Nei har De vel? sa jeg også. Jeg smilte og stivet mig op, jeg lot som om jeg hadde gjort min strek av en eller anden grund, som om noget ståk under. Men hvad kunde stikke under? Doktoren så for første gang ringeagtende på mig.

Det gik en stund, båtene gled hjemover, selskapets misstemning forsvandt, vi sang, vi nærmet os bryggen. Edvarda sa:

Hør nu, vi har ikke drukket vinen op og det er megen vin tilbage. Vi gjør endnu en fest, en ny fest senerehen, vi skal danse, vi holder et ball i vor storstue.

сильней!» и стал править к башмачку; мгновенье спустя, когда башмачок как раз зачерпнул воды и начал погружаться, гребец подхватил его; рукав у него весь намок.

Многоголосое «ура!» грянуло с обеих лодок в честь спасения башмачка.

Я от стыда не знал, куда деваться, я чувствовал, что весь изменился в лице, пока обтирал башмачок носовым платком. Эдварда молча приняла его из моих рук. И только потом уже она сказала:

— Ну, в жизни такого не видывала.

— Правда, не видывали? —

подхватил я. Улыбался и бодрился, я прикидывался, будто выходка моя вызвана какими-то соображеньями, будто за нею что-то скрывается. Но что же могло тут скрываться?

Впервые доктор взглянул на меня с пренебреженьем.

Время шло, лодки скользили к берегу, неприятное чувство у всех сгладилось, мы пели, мы подходили к пристани. Эдварда сказала:

— Послушайте, мы же не допили вино, там еще много осталось.

Давайте соберемся опять немного погода, потанцуем, устроим

Da vi kom iland gjorde jeg Edvarda en undskyldning.

Hvor jeg længes tilbage til min hytte, sa jeg. Dette har været en pinefuld dag.

Har det været en pinefuld dag for Dem, hr. løytnant?

Jeg mener, sa jeg og bøiet av, jeg mener at jeg har gjort det så ubehagelig både for mig selv og andre. Jeg kastet Deres sko på våndet.

Ja det var et mærkelig indfald.

Tilgiv mig! sa jeg.

XVI

Hvor meget værre kunde det gå? Jeg bestemte mig til å bevare min ro hvad som end skedde. Gud er mit vidne. Var det mig som frå først av hadde trængt mig ind på hende? Nei nei aldrig; jeg stod bare på hendes vei en ukedag da hun gik forbi.

For en sommer det var her nord!

Allerede hadde oldenborren ophørt å

настоящий бал у нас в зале.

Когда мы поднялись на берег, я извинился перед Эдвардой.

— Как мне хочется поскорей в мою сторожку, — сказал я. — Я измучился сегодня.

— Вот как, оказывается, вы измучились сегодня, господин лейтенант?

— Я хочу сказать, — ответил я, — я хочу сказать, что я испортил день себе и другим. Вот, бросил в воду ваш башмачок.

— Да, это была странная мысль.

— Простите меня, — сказал я.

16

Все было так плохо, куда уж хуже? И я решился охранять свой покой. Господь мне свидетель, что бы ни стряслось, я буду охранять свой покой. Я, что ли, ей навязывался? Нет, нет и нет. Просто в один прекрасный день случился на дороге, когда она проходила мимо.

Ну и лето тут, на севере! Уж не видать майских жуков, а людей я

flyve og menneskene blev mig mere og mere uforklarlige skjønt solen belyste dem nat og dag. Hvad så deres blå øine efter og hvad tænkte de bak sine sælsomme pander? Forresten var de mig allesammen likegyldige. Jeg tok mine snører og fisket i to dager, i fire dager; men om nætterne la jeg med åpne øine i hytten ....

Jeg har ikke set Dem i fire dager, Edvarda?

Fire dager, det stemmer. Hør her, jeg har hat det travlt. Kom og se.

Hun førte mig ind i storstuen. Der var bordene tat ut. Stolene stillet langs veggene, enhver ting flyttet; lysekronen, kakkelovnen og veggene var fantastisk dekorert med lyng og sorte tøier frå kramboden. Klaveret stod i et hjørne.

Dette var hendes forberedelse til «ballet».

Hvordan f inder De det? spurte hun.

Forunderlig, svarte jeg.

Vi gik ut av stuen.

Jeg sa:

Men hør nu, Edvarda, har De ganske glemt mig?

теперь совсем не могу понять, хоть солнце день и ночь на них светит. И во что только вглядываются эти синие глаза, и что за мысли бродят за этими странными лбами? А, да не все ли равно. Мне никто не нужен. Я брал удочки и рыбачил. Два дня, четыре дня. А по ночам я лежал, не смыкая глаз, в моей сторожке...

— Я ведь четыре дня не видал вас, Эдварда?

— Да, в самом деле четыре дня. Понимаете, столько хлопот. Вот войдите, взгляните.

Она ввела меня в залу. Столы вынесли. Стулья расставили по стенам. Все передвинуто; люстра, печь и стены причудливо убраны вереском и черной материей, взятой в лавке. Фортепьяно задвинуто в угол.

Это она готовилась к «балу».

— Ну как, вам нравится? — спросила она.

— Прелестно, — ответил я.

Мы вышли из залы.

Я сказал:

— А ведь вы меня совсем позабыли, правда, Эдварда?

Jeg forstår mig ikke på Dem, svarte hun forundret. Så De ikke alt det jeg hadde gjort? Kunde jeg så komme til Dem?

Nei, sa jeg også, så kunde De kanskje ikke komme til mig. Jeg var forvåken og utmattet, min tale blev intetsigende og ubehersket, jeg hadde været ulykkelig den hele dag. — Nei så kunde De jo ikke komme til mig. Hvad jeg vilde sagt: med et ord, det er indtrådt en forandring, noget er kommet iveien. Ja. Men jeg kan ikke læse på Deres ansigt hvad det er. Hvor Deres pande er sælsom, Edvarda! Jeg ser det nu.

Men jeg har ikke glemt Dem! ropte hun rødmende og ståk med ett sin arm indunder min.

Neinei De har kanskje heller ikke glemt mig. Men så vet jeg ikke hvad jeg sier. Ett av to.

Imorgen vil De tå en indbydelse. De må danse med mig. Hvor vi skal danse!

Vil De følge mig et stykke på vei? spurte jeg.

— Я вас не понимаю, — ответила она изумленно. — Разве вы не видите, сколько я переделала дел? Когда же мне было заходить к вам?

— Ну конечно, — сказал я, — когда же вам было заходить ко мне. — Голова у меня кружилась от бессонных ночей, я еле держался на ногах, я говорил сбивчиво и неясно, весь день у меня так болело сердце. — Разумеется, вам некогда было зайти ко мне... Так о чем это я? Ах да, одним словом — вы переменялись ко мне, что-то случилось. Не спорьте. Но по вашему лицу я не могу понять, что. Какой у вас странный лоб, Эдварда! Я сейчас только это заметил.

— Но я вовсе вас не забыла! — крикнула она, залилась краской и взяла меня под руку.

— Ну да, да. Может быть, вы и не забыли меня. Но тогда я просто сам не знаю, что говорю. Уж одно из двух.

— Завтра я пошлю вам приглашение. Вы будете танцевать со мною. И потанцуем же мы!

— Вы не проводите меня немножко? — спросил я.

Nu? Nei det kan jeg ikke, svarte hun.
Om litt kommer doktoren, han skal hjelpe mig med noget, det er endnu litt å gjøre. Så De finder at stuen kan gå an således? Men tror De ikke ...

En vogn holder utenfor.

Kommer doktoren kjørende idag? spør jeg.

Ja, jeg sendte hest efter ham, jeg vilde ....

Spare hans syke fot ja. Nei lat mig se å komme avsted .... Goddag, goddag, doktor. Glæder mig å se Dem igjen. Altid sund og frisk? Håper De undskylder at jeg forsvinder.

Utenfor trappen vendte jeg mig en gang om, Edvarda stod i vinduet og så efter mig, hun holdt med begge hænder gardinerne tilside for å se, hendes uttryk var tankefuldt. En latterlig glæde gjennemiler mig, jeg fjærner mig hurtig fra huset, med lette føtter og fordunklet blik, børsen var så let som en spaserstok i min hånd.

Om jeg måtte få hende skulde jeg bli et godt menneske, tænkte jeg. Jeg nådde

— Сейчас? Нет, я не могу, — ответила она. — Скоро будет доктор, он обещался мне помочь, кое-что еще надо поделывать. Значит, вы находите, что зала убрана мило? А вам не кажется, что...

У крыльца останавливается коляска.

— О, доктор сегодня в карете? — спрашиваю я.

— Да, я послала за ним лошадь, я хотела...

— Ну да, побережь его больную ногу. Так простите меня, я отправляюсь... Добрый день, добрый день, доктор. Рад вас видеть. Как всегда, в отличном здравии? Надеюсь, вы извините, если я вас тотчас оставлю?..

Спустившись с крыльца, я оглянулся, Эдварда стояла у окна и глядела мне вслед, она обеими руками раздвинула занавеси, и лицо у нее было задумчивое. Глупая радость пронизывает меня, я спешу от дома веселыми шагами, я не чую под собою ног, в глазах туман, ружье в моей руке легко, словно тросточка.

Если б она была со мной, я бы стал хорошим человеком, думаю я. Я

skogen og tænkte videre: Om jeg måtte få hende skulde jeg tjene hende utrætteligere end nogen anden, og om hun også viste sig å være mig uværdig, om hun fandt på å forlange det umulige av mig vilde jeg gjøre alt hvad jeg kunde og glæde mig over at hun var min .... Jeg stanset, la mig på knæ og slikket av ydmyghet og håp nogen græsstrå i veikanten, hvorpå jeg reiste mig igjen.

Jeg følte mig tilslut næsten sikker.

Hendes forandrede opførsel i den siste tid var bare så hendes måte; hun stod og så efter mig når jeg gik, stod i vinduet og fulgte mig med øinene til jeg forsvandt, hvad mere kunde hun gjøre? Min henrykkelse forstyrret mig ganske, jeg var sulten og jeg følte det ikke mere.

Æsop løp i forveien, et øieblik efter begyndte den å gjø. Jeg så op, en kvinde med et hvitt tørklæ på hodet stod ved hjørnet av hytten; det var Eva, smedens datter.

Goddag, Eva! ropte jeg.

Hun stod ved den høie grå sten, rød over hele ansigtet og pattet på sin ene finger.

вхожу в лес и додумываю свои думы; если б она была со мной, как бы я служил ей, как угождал; и если б она оказалась нехороша ко мне, неблагодарна, требовала бы невозможного, я бы все, все делал для нее и не нарадовался бы, что она моя... Я остановился, упал на колени, в смиренной надежде припал губами к травинкам на обочине. Потом я встал и пошел дальше.

Под конец я почти успокоился. Ну и что же, что она ко мне переменилась! Это только так, просто такая уж она; она ведь стояла и смотрела мне вслед, стояла у окна и провожала меня глазами, пока я не исчез из виду. Чего же мне еще? Мне стало так хорошо, как никогда. Я с утра ничего не ел, но я уже не чувствовал голода.

Эзоп бежал впереди, вдруг он залаял. Я поднял глаза. Женщина в белом платке стояла возле моей сторожки; это была Ева, дочь кузнеца.

— Здравствуй, Ева! — крикнул я.

Она стояла подле большого серого камня, вся красная, и дула себе на

Er det dig, Eva? Hvad feiler dig? spurte jeg.

Æsop har bitt mig, svarte hun og slog forknytt øinene ned.

Jeg så på hendes finger. Hun hadde selv bitt sig. En anelse farer gjennom mit hode og jeg spør:

Har du stat her og ventet længe?

Nei ikke længe, svarte hun.

Og uten at nogen av os sa noget mere tok jeg hende i hånden og førte hende ind i hytten.

XVII

Jeg kom som sædvanlig fra fiske og møtte op til «ballet» med gevær og væske, jeg hadde bare tatt min bedste skinddragt på. Det var sent da jeg kom til Sirilund, jeg hørte at det dansedes i stuen, litt efter ropte man: Her er jægeren, løytnanten! Nogen unge mennesker omringet mig og vilde se min fangst, jeg hadde skutt et par sjøfugler og fisket nogen hyser. Edvarda bød mig smilende velkommen, hun hadde danset, hun var rød.

палец.

— Ева! Ты? Что с тобою? — спросил я.

— Эзоп укусил меня, — ответила она и потупилась.

Я посмотрел на ее палец. Она сама себя укусила. Вдруг у меня в голове мелькает догадка, я спрашиваю:

— И долго ты тут дожидалась?

— Нет, недолго, — ответила она.

Больше мы не сказали друг другу ни слова, я взял ее за руку и ввел в сторожку.

17

С рыбной ловли я ушел не раньше обычного и явился на «бал» прямо с сумкой и ружьем, только что в лучшей своей куртке. Когда я подошел к Сирилунну, было уже поздно, я услышал, что в зале танцуют, потом кто-то крикнул:

— А вот и господин лейтенант! С охоты!

Меня обступила молодежь, всем хотелось взглянуть на мою добычу, я пристрелил несколько морских птиц

Første dans med mig! sa hun.

Og vi danset. Intet uheld indtraf, jeg blev svimmel, men faldt ikke. Mine store støvler gjorde nogen støi, jeg hørte selv denne støi og besluttet mig til ikke å danse mere, jeg hadde også sat riper i det malte gulv. Hvor glædet det mig ikke, at jeg ingen større ulykke hadde gjort!

Hr. Macks to krambodbetjenter var tilstede og danset grundig og alvorlig. Doktoren deltok ivrig i turdansene. Foruten disse herrer var det endnu fire ganske unge mænd, sønner av herskaperne ved hovedkirken, provstens og distriktslægens. En fremmed handelsreisende var også kommet med, han utmærket sig ved sin smukke stemme og trallet i takt med musiken; nu og da avløste han damerne ved klaveret.

Jeg husker ikke lenger hvorledes de første timer forløp, men jeg husker alt fra den siste del av natten. Solen skinte rød ind gjennem vinduerne hele tiden og

и наловил пикши... Эдварда улыбнулась мне навстречу, она танцевала и вся раскраснелась.

— Первый танец со мной! — сказала она.

И мы стали танцевать. Все сошло благополучно, голова у меня закружилась, но я не упал. Мои грубые сапоги стучали об пол, я заметил этот стук и решил не танцевать больше, кроме того, я исцарапал крашенный пол. Но как же я радовался, что не наделал еще больших бед!

Оба приказчика господина Мака были тут же и танцевали истово, с серьезными минами. Доктор вовсю выделял кадрилиные па. Помимо этих кавалеров, в зале собралось еще четверо совсем зеленых юнцов, сыновья пробста и здешнего доктора. Откуда-то явился и заезжий коммерсант, он обладал приятным голосом и подпевал музыке, а то и подменял дам у фортепьяно.

Как прошли первые часы, я уже не помню, зато помню все, что было под конец. Солнце заливало залу красным светом, и морские птицы уснули. Нам

sjøfuglene sov. Vi fik vin og kaker, vi talte høit og sang, Edvardas latter lydde frisk og sorgløs gjennom stuen. Men hvorfor fik jeg ikke mere et ord av hende? Jeg nærmet mig hendes plass og vilde si hende en artighet så godt som jeg kunde; hun hadde en sort kjole på, det var kanskje hendes konfirmationskjole og den var blit altfor kort til hende, men den klædde hende når hun danset og jeg vilde si hende det.

Hvor den sorte kjole .... begyndte jeg. Men hun reiste sig, tok en av sine veninder om livet og gik avsted med hende. Dette gjentok sig et par ganger. Godt, tænkte jeg, hvad er dermed å gjøre! Men hvorfor står hun da og ser bedrøvet efter mig fra vinduerne når jeg forlater hende? Hun derom! En dame opfordret mig til å danse. Edvarda sat i nærheten og jeg svarte høit: Nei jeg skal straks gå. Edvarda kastet et spørrende blik på mig og sa: Gå? Åk nei, De går ikke. Jeg studset og følte at jeg satte tænderne i min læbe. Jeg reiste mig.

подавали вино и печенья, мы громко болтали и пели, смех Эдварды звонко и беспечно разносился по зале. Но почему она больше не обмолвилась со мной ни единым словом? Я подошел к ней и, хоть небольшой на то мастер, хотел сказать ей любезность; она была в черном платье, его, верно, сшили к конфирмации, оно уже стало немного коротко, но когда она танцевала, это ей даже шло, и я хотел ей об этом сказать.

— Как черное платье... — начал я.

Но она встала, обняла за талию какую-то свою подружку и отошла прочь. Так повторялось несколько раз. Ладно, думал я, ничего не поделаешь! Но зачем тогда стоять у окна и провожать меня печальным взглядом? Зачем?

Одна дама пригласила меня на танец. Эдварда сидела поблизости, и я ответил громко:

— Нет, мне уже пора идти.

Эдварда глянула на меня, вскинула брови и сказала:

— Идти? Ах нет, вы не уйдете!

Я оторопел и до крови закусил губу. Я встал.

Det De der sa forekommer mig
betydningsfuldt, jomfru Edvarda, sa jeg
mørkt og gjorde nogen skridt mot døren.

Doktoren stilte sig iveien for mig og
Edvarda kom selv ilende.

Misforstå mig ikke, sa hun varmt. Jeg
mente å si at De forhåpentlig blev den
siste som vilde gå, den allersiste.

Desuten er klokken bare ett .... Hør, la
hun til med strålende øine, De har git
vor rorskar en femdaler fordi han reddet
min sko fra å drukne. Det var en altfor
høi pris. — Og hun lo hjærtelig og
vendte sig rundt til allesammen.

Jeg blev stående med åpen mund,
avvæbnet og forvirret.

De behager å spøke, sa jeg. Jeg har
aldeles ikke git Deres rorskar nogen
femdaler.

Så det har De ikke? — Hun åpnet døren
til kjøkkenet og kaldte rorskarn ind. —
Du husker vor tur til Korholmerne,
Jakob? Du reddet min sko som var faldt
i våndet?

Ja, svarte Jakob.

Du har fat fem daler fordi du reddet

— Я не забуду того, что вы мне
сейчас сказали, йомфру Эдварда, —
сказал я горько и сделал несколько
шагов в сторону двери.

Доктор подскочил ко мне,
поспешила ко мне и Эдварда.

— Зачем вы так? — сказала она с
упреком. — Я просто понадеялась,
что вы уйдете последним, самым что
ни на есть последним. Да и время-то
всего только час... Ах, послушайте,
— добавила она с сияющим лицом,
— вы ведь дали гребцу пять талеров
за то, что он спас мой башмачок. Это
слишком много. — Тут она
засмеялась от души и повернулась к
остальным.

Я даже рот раскрыл от изумления,
я был совершенно сбит с толку и
обескуражен.

— Вы, верно, изволите шутить, —
ответил я. — Вовсе я не давал
вашему гребцу никаких пяти талеров.

— Не давали? — Она отворила
дверь на кухню и кликнула
работника. — Помнишь ты нашу
прогулку к Курхольмам, Якоб? Ты
еще спас из воды мой башмачок?

— Да, — отвечал Якоб.

— Получил ты пять талеров за то,

<p>skoen?</p> <p>Ja De gav mig ....</p> <p>Godt. Du kan gå.</p> <p>Hvad mener hun med dette fif? tænkte jeg. Vil hun gjøre mig tilskamme? Det vil ikke lykkes for hende, jeg rødmer ikke derover. Jeg sa høit og tydelig: Jeg må gjøre vitterlig for alle at dette enten er en feiltakelse eller en løgn. Det har ikke faldt mig ind engang å gi rorskarn nogen femdaler for Deres sko. Jeg burde kanske ha gjort det, men indtil nu er det ikke skedd.</p> <p>Hvorpå vi fortsætter dansen, sa hun med rynket pande. Hvorfor danser vi ikke?</p> <p>Dette skylder hun mig en forklaring på, sa jeg til mig selv og jeg gik og passet mit snit for å få hende i tale. Hun gik ind i sideværelset og jeg fulgte efter.</p> <p>Skål! sa jeg og vilde drikke med hende.</p> <p>Jeg har ikke noget i mit glas, svarte hun kort.</p> <p>Og dog stod hendes glas fuldt foran hende.</p> <p>Jeg trodde at det glas der var Deres?</p> <p>Nei det er ikke mit, sa hun og vendte sig optat om mot sin sidemand.</p>	<p>что спас башмачок?</p> <p>— Да, мне было дано...</p> <p>— Ну, хорошо. Ступай.</p> <p>Что за причуда, подумал я. Решила меня осрамить? Нет, не удастся, в краску ей меня не вогнать. Я сказал громко и отчетливо:</p> <p>— Я хочу, чтобы все вы знали, господа, что тут либо ошибка, либо обман. Мне и в голову не приходило давать гребцу пять талеров за ваш башмачок. Верно, я и должен бы так сделать, но как-то не догадался.</p> <p>— Ну так давайте снова танцевать, — сказала она, наморщив лоб. — Отчего же мы не танцуем?</p> <p>Погоди, ты мне еще все это объяснишь, решил я сам с собою, и с той минуты не выпускал ее из виду. Наконец она вышла в соседнюю с залой комнату, и я пошел за нею.</p> <p>— Ваше здоровье! — сказал я и поднял свой стакан.</p> <p>— У меня в стакане пусто, — только и ответила она.</p> <p>А ведь перед ней стоял стакан, и он был полнехонек.</p> <p>— Я думал, это ваш стакан?..</p> <p>— Нет, это не мой, — сказала она, поворотилась к соседу и принялась с</p>
---	---

Undskyld da, sa jeg.

Det var flere av gjæsterne som la mærke til dette lille optrin.

Mit hjærte hvæste i mig, jeg sa krænket:

Men imidlertid skylder De mig en forklaring ....

Hun reiste sig, grep begge mine hænder og sa med indtrængende stemme:

Men ikke idag, ikke nu. Jeg er så trist.

Gud, hvor De ser på mig! Vi var jo venner engang ....

Jeg gjorde overvældet høire om og gik atter ind til de dansende.

Litt efter kom også Edvarda ind, hun stilte sig ved klaveret hvor den handelsreisende sat og spilte en dans, hendes ansigt var i dette øieblik fuldt av hemmelig kummer.

Jeg har aldrig lært å spille, sier hun og ser på mig rned dunkle øine. Kunde jeg endda det!

Hertil kunde jeg intet svare. Men mit hjærte fløi til hende igjen og jeg spurte:

Hvorfor er De med en gang blit så

ним оживленно беседовать.

— Тогда простите, — сказал я.

Кое-кто из гостей заметил это небольшое происшествие.

Сердце во мне перевернулось от обиды, я сказал:

— Однако же нам надо объясниться...

Она встала, взяла обе мои руки в свои и проговорила с мольбой:

— Только не сегодня, не сейчас.

Мне так грустно. Боже, как вы глядите на меня! Вы же были мне другом...

Я совсем потерялся, сделал поворот направо и вернулся к танцующим.

Вскоре в залу вошла и Эдварда, она стала подле фортепьяно, за которым наигрывал танец заезжий коммерсант, и на лице ее отразилась тайная забота.

— Я никогда не училась играть, — сказала она. Она посмотрела на меня, и глаза у нее потемнели. — Ах, если б я только умела!

Что я мог на это ответить? Но сердце мое снова метнулось к ней, и я спросил:

— Отчего вы вдруг так загрузили,

bedrøvet, Edvarda? Hvis De visste hvor jeg lider ved det.

Jeg vet ikke hvorfor, svarte hun. For alle ting kanskje. Gid disse mennesker vilde gå igjen straks, alle som en. Nei ikke De; husk på De skal være den siste.

Og atter levet jeg op igjen ved disse ord og mine øine så lyset i den solfylde stue. Provstens datter kom bort til mig og gav sig til å tale med mig, jeg ønsket hende langt, langt bort og gav hende korte svar. Jeg så med forsæt ikke på hende da hun hadde talt om mit dyreblik. Hun vendte sig til Edvarda og fortalte hende at hun engang i utlandet, jeg tror det var i Riga, var blit forfulgt av en herre på gaten.

Han fulgte efter mig gate efter gate og smilte til mig, sa hun.

Var han da blind? utbrøt jeg for å være Edvarda til behag. Samtidig trak jeg på akslen.

Den unge dame forstod med ett mine grove ord og svarte:

Ja det måtte han vel være eftersom han kunde forfølge et så gammelt og stygt menneske som mig.

Эдварда? Знали бы вы, как мне это больно.

— Сама не пойму, — ответила она.

— Так, все вместе, должно быть.

Ушли бы они все поскорее, все до единого. Только не вы, нет, нет.

Помните, вы уйдете последним.

И от этих слов я опять оживаю, и глаза мои уже светло глядят в залитую солнцем залу. Дочь пробста подошла ко мне и завела со мной беседу: мне было не до нее, совсем не до нее, и я отвечал ей отрывисто. Я нарочно отводил от нее глаза, ведь это она говорила о моем зверином взгляде. Она обернулась к Эдварде и рассказала, как однажды за границей, в Риге, если я не путаю, ее преследовал какой-то господин.

— Он шел за мной по пятам из улицы в улицу и все улыбался, — сказала она.

— Так, может, он был слепой? — выпалил я, чтоб угодить Эдварде. И вдобавок пожал плечами.

Фрекен тотчас поняла мою грубость и ответила:

— Ну уж конечно, если он мог преследовать такую старую уродину, как я.

Men jeg opnådde ikke Edvardas taknemmelighet, hun trak sin veninde med, de hvisket sammen og rystet på hodet. Fra nu av var jeg aldeles overlatt til mig selv.

En time går endnu, sjøfuglene begynner å vakne op ute ved skjærene, deres skrik lyder ind gjennom vore åpne vinduer. Et støt av glæde for gjennom mig ved å høre disse første fugleskrik og jeg længtet ut til skjærene ....

Doktoren var atter kommet i god stemning og henledet al opmærksomhet på sig, damerne blev ikke trætte av å være i hans nærhet. Er det der min rival? tænkte jeg, og jeg tænkte også på hans halte ben og hans arme figur.

Han hadde lagt sig til en ny og vittig ed, han sa død og pinsel, og hver gang han brukte denne pussige ed lo jeg høit. Det faldt mig ind i min forpinthet å gi denne mand alle de fordele jeg kunde da han var min rival. Jeg lot det være doktoren først og doktoren sist, jeg ropte: Så hør dog hvad doktoren sier! og jeg tvang mig til å le høit av hans talemåter.

Но я не дождался от Эдварды благодарности, она увлекла свою подружку в дальний угол, они принялись шептаться и качать головами. И я был предоставлен самому себе.

Проходит еще час, в шхерах просыпаются морские птицы, их крик летит в наши распахнутые окна. Каждая жилка во мне дрожит, когда я слышу этот первый утренний крик, и мне хочется в шхеры...

Доктор опять пришел в отличное расположение духа и завладел всеобщим вниманием, дамы теснились вокруг него. Не он ли мой соперник? — подумал я, и тут же я подумал о его хромой ноге и обо всей его жалкой фигуре.

Он напал на новую выдумку, он все время повторял «чтоб мне ни дна ни покрышки», и всякий раз при этом его чудном присловье я громко хохотал. Я вконец измучился, и мне уже представлялось, что раз этот человек мой соперник, я должен всячески его отличать. Я смаковал каждое его острое словцо, я кричал:

— Послушайте только, что говорит доктор! — и принуждал себя громко

Jeg elsker denne verden, sa doktoren, jeg klamrer mig med hænder og føtter til livet. Og når jeg engang dør da håper jeg å få min plass i evigheten et sted ret op for London eller Paris så jeg kan høre bulderet av menneskenes kankan hele tiden, hele tiden.

Storartet! skrek jeg og hostet av latter skjønt jeg ikke var det ringeste beruset.

Edvarda lot også til å være henreven.

Da gjæsterne gik ståk jeg mig ind i det lille sideværelse og satte mig til å vente. Jeg hørte det ene farvel efter det andre ute på trappen. Doktoren tok også avsked og gik. Snart døde alle stemmer hen. Mit hjærte slog hæftig mens jeg ventet.

Edvarda kom ind igjen. Da hun så mig blev hun et øieblik forundret stående, derpå sa hun smilende:

Jaså, De er der. Det var venlig av Dem å vente til sist. Nu er jeg dødstræt.

Hun forblev stående.

хохотать, что бы он ни сказал.

— Я влюблен в сей мир, — говорил доктор. — Я держусь за жизнь руками и ногами. Но раз уж смерти не миновать, я надеюсь в царствии небесном заполучить местечко где-нибудь над самым Лондоном или Парижем, чтоб слушать гул толпы во веки вечные, во веки вечные.

— Великолепно! — крикнул я и закашлялся от смеха, хоть нисколько не был пьян.

Эдварда тоже казалась в восхищенье.

Когда начали расходиться, я забился в угловую комнатушку, сел и стал ждать. Я слышал, как один за другим гости, прощаясь, выходили на крыльцо. Доктор тоже простился и вышел. Скоро стихли все голоса. Сердце у меня гулко колотилось, я ждал.

Вот вернулась Эдварда. Завидя меня, она сначала замерла в изумлении, потом сказала с улыбкой:

— Ах, вы тут. Как мило, что вы всех переждали. Но я умираю от усталости.

Она не садилась.

Jeg sa idet også jeg reiste mig:
Ja nu kan De trænge å komme til ro. Jeg håper at Deres misstemning er gat over, Edvarda. De var så sørgmodig for litt siden og det smærtet mig.
Det går nok over når jeg får sovet.

Jeg hadde intet mere å tilføie, jeg gik til døren.

Ja tak for iaften, sa hun og rakte mig sin hånd. Og da hun vilde følge mig ut på trappen søkte jeg å avværge det.

Behøves ikke, sa jeg, gjør Dem ingen uleilighet, jeg kan godt selv ....

Men hun fulgte mig allikevel ut. Hun stod der i gangen og ventet tålmodig mens jeg fandt min lue, min børsе og min væske. Det stod en spaserstok i kroken, jeg så godt stokken, jeg stirret på den og kjendte den igjen, det var doktorens. Da hun mærker hvor mine øine ser hen blir hun rød av forlegenhet, det var klart å se på hendes ansigt at hun var uskyldig og ikke visste om stokken. Det går et helt minut. Endelig skyter en rasende utålmodighet op i hende og hun sier dirrende:

Deres stok. Glem ikke Deres stok.

Я сказал, тоже вставая со стула:

— Да, вам, верно, пора ложиться. Надеюсь, вам уже легче, Эдварда. Вы вдруг так загрустили, и меня это мучило.

— Пустое, я высплюсь, и все пройдет.

Мне нечего было прибавить, и я пошел к дверям.

— Да, спасибо, что пришли, — сказала она и протянула мне руку. Она пошла следом за мной в прихожую; это было совсем лишнее.

— Не надо, — сказал я, — не затрудняйтесь, я сам...

Но она все же вышла со мною. Она стояла в дверях и терпеливо ждала, пока я отыскивал картуз, ружье и сумку. В углу стояла трость, я ее заметил, пригляделся и узнал — это была палка доктора. Эдварда видит, на что я смотрю, и заливается краской, по лицу ее ясно, что она тут ни при чем и о палке не подозревала. Проходит не меньше минуты. Наконец ее охватывает лихорадочное нетерпенье и совершенно вне себя она говорит:

— Ваша палка. Не забудьте свою палку.

Og hun rækker mig for mine øine
doktorens stok.

Jeg så på hende, hun holdt endnu
stokken frem, hendes hånd skalv. For å
få en ende på det tok jeg stokken og
stilte den tilbake i kroken. Jeg sa:

Det er doktorens stok. Jeg kan ikke
forstå at den halte mand kunde glemme
sin stok.

De med Deres halte mand! ropte hun
bitter og hun trådte endnu et skridt frem
imot mig. De halter ikke, neivel; men
hvis De atpå kjøpet haltet så kunde De
ikke stå Dem for ham, nei det kunde De
ikke, De kunde ikke stå Dem for ham.
Så!

Jeg lette efter et svar, alt kom bort for
mig, jeg tidde. Med et dypt buk gik jeg
baklængs ut av døren og ut på trappen.
Her stod jeg et øieblik og stirret ret
frem, hvorpå jeg vandret avsted.

Jaså han har glemt sin stok, tænkte jeg,
og han vil komme tilbake denne vei for
å hente den. Han vil ikke la mig være
siste mand fra huset .... Jeg drev opover
veien ganske langsomt, speidende frem
og tilbake, i kanten av skogen stanset
jeg. Endelig efter en halv times venten

И она берет докторскую палку и
протягивает ее мне.

Я смотрел на нее, она стояла с
палкой в руке, рука у нее дрожала.
Чтоб положить этому конец, я взял
палку и поставил ее обратно в угол. Я
сказал:

— Это палка доктора. Не пойму,
как хромой мог позабыть свою палку.

— Хромой, хромой! — крикнула
она горько и подошла ко мне почти
вплотную. — Вы-то не хромаете!
Куда! Но если б вы даже и хромали,
вы все равно его не стоите, вам до
него далеко!

Я хотел ответить, ничего, ничего
не приходило в голову, я молчал. Я
низко поклонился ей и попятился к
дверям, потом на крыльцо. На
крыльце я мгновенье постоял, глядя
прямо перед собой, потом пошел.

Так-так. Он забыл палку. Он
вернется за нею этой дорогой. Он не
хотел, чтобы я оставался последним...
Я брел очень медленно, то и дело
оглядывался, на опушке я
остановился. Я ждал полчаса,
наконец появился доктор; завидя

kom doktoren gående imot mig, han hadde set mig og gik hurtig. Endnu før han kunde si noget løftet jeg på luen for å prøve ham. Han løftet også på sin hat. Jeg gik like bort til ham og sa:

Jeg hilste ikke.

Han trådte et skridt tilbake og stirret på mig.

Hilste De ikke?

Nei, sa jeg.

Pause.

Ja det er mig også likegyldig hvad De gjorde, svarte han bleknende. Jeg skulde hente min stok som jeg glæmte.

Hertil hadde jeg intet å si; men jeg hævnnet mig på en anden måte, jeg strakte børsen ut for ham som om han var en hund og sa:

Hop over!

Og jeg plystret og lokket ham til å hoppe over.

En liten stund kjæmpet han en kamp med sig selv, hans ansigt antok de forunderligste uttryk mens han presset læberne sammen og holdt øinene fæstet på jorden. Pludselig så han skarpt på mig, et halvt smil oplyste hans træk og han sa:

Hvorfor gjør De egentlig alt dette?

меня, он ускорил шаг. Не успел он еще рта раскрыть, я приподнял картуз. Я решил поглядеть, что он станет делать. Он в ответ приподнял шляпу. Я пошел прямо на него и сказал:

— Я вам не кланялся.

Он отступил на шаг и вглядывался в мое лицо.

— Не кланялись?

— Нет, — сказал я.

Пауза.

— Ну ладно, мне это безразлично, — ответил он, бледнея. — Я иду за палкой, я ее забыл.

Сказать мне тут было нечего; но я придумал другое, я вытянул перед ним ружье, словно перед собакой, и крикнул:

— Гоп! — и принялся хлопать и свистать.

Мгновенье он боролся с собой, лицо его приняло престранное выражение, губы сжались, глаза вперились в землю. Вдруг он остро глянул на меня, подобие улыбки осветило его черты, и он сказал:

— Ну зачем вам все это?

Jeg svarte ikke; men hans ord virket på mig.

Han rakte mig med ett hånden og sa dæmpet:

Noget er galt med Dem. Hvis De vil si mig hvad det er så kanske ....

Nu overvældet skammen og fortvilelsen mig, disse rolige ord bragte mig til å tape likevegten. Jeg vilde gjøre ham noget godt igjen, jeg tok ham om livet og utbrøt:

Tilgiv dette, hører De! Nei hvad galt skulde det være med mig? Det er intet galt, jeg trenger ikke Deres hjelp. De søker kanskje efter Edvarda? De vil finde hende hjemme. Men skynd Dem, ellers legger hun sig før De kommer; hun var så træt, jeg så det selv. Jeg sier Dem det bedste jeg vet nu, det er sandt. De vil finde hende hjemme, gå bare!

Og jeg vendte mig om og ilet bort fra ham, jog med lange skridt ind gjennom skogen og hjem til hytten.

En tidlang blev jeg sittende på min briks fuldstændig i samme forfatning som jeg var kommet ind, med væsken over akslen og børsen i hånden. Underlige tanker fik liv i mit hode. Hvorfor hadde jeg dog utleveret mig til doktoren! Det

Я не отвечал; но его слова задели меня.

Он вдруг протянул мне руку и глухо проговорил:

— Что-то с вами неладно. Сказали бы мне лучше, может быть, я...

Тут меня захлестнули стыд и тоска, его спокойная речь совершенно вышибла меня из равновесия. Мне захотелось сделать ему приятное, я обнял его за талию и выпалил:

— Простите меня, слышите! Да нет, что со мной может быть неладно? Право же, не беспокойтесь, помощи мне не требуется. Вам, верно, нужна Эдварда? Вы застанете ее дома... Только поторопитесь, не то она ляжет спать; она так устала, я сам видел. Правда, поторопитесь, послушайте моего совета, и вы ее еще застанете. Что же вы стоите!

И я повернулся и поспешил прочь, я кинулся через лес, домой, в свою сторожку.

Долго я сидел на нарах, в точности как вошел, с сумкой через плечо и с ружьем в руке. Странные мысли бродили у меня в голове. И зачем была эта несдержанность перед доктором! Я с досадой представил

aergret mig at jeg havde holdt ham om livet og set på ham med våte øine; han vil gotte sig derover, tænkte jeg, måske sitter han i dette øieblik og fniser over det sammen med Edvarda. Han havde sat sin stok efter sig i gangen. Ikke sandt, hvis jeg atpå kjøpet haltet så kunde jeg ikke stå mig for doktoren, jeg vilde slet ikke kunde stå mig for ham, det var hendes egne ord ....

Jeg stilte mig midt på gulvet, spænder hanen på min børse, sæt ter mundingen mot min venstre vrist og trykker av.

Skuddet går ned gjennom mellemfoten og gjennomborer gulvet. Æsop gir et kort, forfærdet bjæf.

Litt efter banker det på døren.

Det var doktoren som kom.

Undskyld hvis jeg forstyrrer Dem, begyndte han. De gik så hurtig bort, jeg tænkte det kunde ikke skade om vi talte litt sammen. Jeg synes her lukter krudt? Han var fuldkommen ædru.

Traf De Edvarda? Fik De Deres stok? spurte jeg.

Jeg fik min stok. Nei Edvarda hadde lagt sig .... Hvad er det der? Men i himlens navn, De blør jo?

Nei næsten ingen ting. Jeg vilde sætte

себе, как обнимаю его за талию и гляжу на него мокрыми глазами; небось, злорадствует, подумал я, должно быть, сидит сейчас с Эдвардой и насмешничает. Он оставил в прихожей свою палку. Да, да, видите ли, если б я даже и хронал, я все равно не стою доктора, мне до него далеко, это подлинные ее слова...

Я встаю посреди комнаты, взвожу курок, приставляю дуло к левой лодыжке и нажимаю на спуск. Пуля проходит ступню и впивается в пол. Эзоп коротко, перепуганно лает.

Скоро в дверь стучат.

Это доктор.

— Извините, что я вторгаюсь, — начал он. — Вы так поспешно ушли, а ведь нам не мешало бы поговорить. Тут как будто пахнет порохом?

Он был совершенно трезв.

— Видели вы Эдварду? Взяли свою палку? — спросил я.

— Я взял свою палку. Нет, Эдварда уже легла... Что это? Господи боже, да у вас кровь?

— Нет, это так, не стоит внимания.

børsen bort og den gik av; det betyr ikke noget. Djævelen hente Dem, hvorfor skal jeg være forpligtet til å sitte her og gi Dem opplysninger om dette? .... Så De fik Deres stok?

Han stirret urokkelig på min sønderskutte støvle og på blodet som fløt. Med en rask bevægelse la han sin stok ned og befridde sig for sine hansker.

Sit stille, Deres støvle skal av. Det var nok det jeg syntes at jeg hørte et skudd.

XVIII

Hvor jeg senere angret på dette vanvittige skudd! Det hele var ikke så meget værd, det tjente heller ikke til nogen ting, det bandt mig bare til hytten i flere uker.

Alle ærgrelser og ubehageligheter står endnu levende for mig, min vaskekone måtte komme hver dag til min hytte og næsten opholde sig der til stadighet, gjøre mine indkjøp av mat, bestyre min husholdning. Det gik flere uker. Velan! Doktoren begyndte en dag å tale om Edvarda. Jeg hørte hendes navn, hørte

Я ставил ружье, а оно выстрелило; сушие пустяки. Черт вас побери, да отчего же это я должен перед вами тут отчитываться!.. Значит, вы взяли палку?

Он неотрывно смотрел на мой простреленный сапог и на струйку крови. Проворным движеньем он положил палку и стал снимать перчатки.

— Сидите-ка тихо, надо снять сапог. То-то мне показалось, что я слышу выстрел.

18

Как же я жалел потом об этой глупости, и зачем это я, собственно, да и чего добился; только обрек себя несколько недель не вылезать за порог своей сторожки.

Как сейчас помню все свои терзания и неудобства, моей прачке пришлось всякий день являться ко мне, чуть ли не жить у меня, покупать мне еду, вести мое хозяйство. Вот ведь поди ж ты!

Однажды доктор завел разговор об Эдварде. Я слушал ее имя, слушал,

hvad hun hadde sagt og gjort, og det hadde ikke lenger noen større betydning for mig, det var som om han talte om en fjærn uvedkommende ting. Hvor hurtig man kan glemme! tænkte jeg med forundring.

Nå hvad mener De selv om Edvarda siden De spør? Jeg har sandt å si ikke tænkt på hende i flere uker. Vent litt, det forekommer mig at det var noget mellem jer, I var så ofte sammen, De var vært på en øtur og hun værtinde. Nægt det ikke, doktor, det var noget, en viss forståelse. Nei for Guds skyld svar mig ikke, De skylder mig ingen forklaring, jeg spør ikke for å få vite noget, lat os tale om noget andet hvis De vil. Når kan jeg gå på min fot?

Jeg blev sittende og tænke på det jeg hadde sagt. Hvorfor var jeg inderst inde rædd for at doktoren skulde uttale sig? Hvad vedkom Edvarda mig? Jeg hadde glemt hende.

Og senere engang kom Edvarda på tale og jeg avbrøt doktoren igjen, Gud må vite hvad jeg frygtet for å få høre.

что она сказала или сделала, и это стало уже так не важно, он словно говорил о чем-то далеком и до меня не касающемся. До чего же скоро все забывается! — думал я в изумлении.

— Ну, а вы-то сами что думаете об Эдварде, раз уж вы о ней спрашиваете? Я, говоря по правде, уже несколько недель, как ее не вспоминал. Погодите-ка, ведь, по моему, между вами что-то было, вы так часто видались; когда ездили на острова, вы были за хозяина, она за хозяйку. Не отпирайтесь, доктор, что-то было, какая-то взаимная склонность. Да нет, Бога ради, не отвечайте, вы не обязаны мне отчитываться, я так только спрашиваю, сам не знаю зачем. Поговорим о другом, если хотите. Когда я смогу ходить?

Я сидел и думал о том, что только что сказал. Отчего я в глубине души боюсь, как бы доктор не разоткровенничался? Какое мне дело до Эдварды? Я ее забыл.

Потом еще как-то зашел разговор об Эдварде, и я опять перебил доктора; одному только Богу

Hvorfor avbryter De mig? spurte han.
Kan De slet ikke tåle at jeg tar hendes navn i munden?

Si mig, sa jeg, hvad er Deres egentlige mening om jomfru Edvarda? Det interesserer mig å vite.

Han så mistænksomt på mig.

Min egentlige mening?

De kan kanskje meddele mig nye ting idag, De har kanskje endog fridd og fat ja. Kan jeg lykønske Dem? Ikke? Ja, pokker tro Dem, ha-ha-ha.

Så det var dét De var rædd for!

Rædd for? Bedste doktor!

Pause.

Nei jeg har ikke fridd og fat ja, sa han; De har kanskje gjort det. Man frir ikke til Edvarda, hun tar den hun falder på. Tror De Hun er en bondepике? De har truffet dette menneske her oppe i Nordland og har selv set det. Hun er et barn som har fat forlite ris og en kvinde med mange luner. Kold? Frygt ikke derfor. Varm? Is, sier jeg Dem. Hvad er hun da? En liten pike på seksten, sytten år, ikke sandt? Men forsøk De bare å virke på denne lille pike og hun vil spotte al

известно, что это я боялся услышать.

— Зачем вы перебиваете меня? — спросил он. — Не можете слышать ее имени?

— Скажите, доктор, — попросил я, — какого вы, собственно, мнения о йомфру Эдварде? Мне это интересно.

Он подозрительно глянул на меня.

— Какого я о ней мнения?

— Может, вы расскажете мне сегодня что-нибудь новенькое, может, вы даже посватались и получили согласие? Вас поздравить? Нет? Ну да, так я вам и поверил, ха-ха-ха!

— Ах, вот вы чего боялись!

— Боялся? Милейший доктор!

Пауза.

— Нет, я не сватался и не получал согласия, — сказал он. — Может, это вас можно поздравить? Нет, к Эдварде не сватаются, она сама берет, кого захочет. Думаете, она сельская простушка? Да вы и сами видите — здесь, в северной глуши, — и вдруг такое существо. Девчонка, бить ее некому, и взрослая причудница. Холодна? О, не беспокойтесь! Горяча? Суший лед. Так что же она такое?

Deres møie. Selv farn får ikke bugt med hende; hun adlyder ham tilsynelatende, men regjerer i virkeligheten selv. Hun sier at De har dyreblik ....

De tar feil, det er en anden som sier at jeg har dyreblik.

En anden? Hvem anden?

Det vet jeg ikke. En av hendes veninder!

Nei det er ikke Edvarda som sier det.

Stop litt, kanskje det virkelig er Edvarda selv ....

Når De ser på hende gjør det den og den virkning på hende, sier hun. Men tror

De at det bringer Dem en hårsbred nærmere hende? Næppe. Se bare på

hende, spar ikke Deres øine; men

såsnart hun mærker sig utsat for Dem vil

hun si til sig selv: Se der står nu denne mand og ser på mig og tror at han har

vundet spil! Og hun vil med et blik eller med et koldt ord bringe Dem ti mil bort.

Tror De ikke jeg kjender hende? Hvor gammel antar De at hun er?

Hun er jo født i otte og tredive?

Семнадцатилетняя девчонка, не правда ли? А вот вы попробуйте только повлиять на эту девчонку, так она сразу у вас всякую охоту отобьет. Отец и тот не найдет на нее управы; она с виду его слушается, а сама делает, что ее левая нога захочет. Она говорит, что у вас взгляд зверя...

— Тут вы ошибаетесь, это другая говорит, что у меня взгляд зверя.

— Другая? Кто же?

— Не знаю. Какая-то ее подруга!

Нет, это не Эдварда. Погодите-ка, а может быть, это и правда сама Эдварда...

— Когда вы на нее смотрите, это-де так-то и эдак на нее действует...

Но, думаете, это хоть на волосок вас к ней приближает? Ни чуточки.

Смотрите на нее, смотрите на здоровье. Но как только она почувствует себя в вашей власти, она тотчас решит: ишь ты, как он смотрит на меня и воображает себя победителем! И тут же одним взглядом или холодным словом отшвырнет вас за тридевять земель. Думаете, я ее не знаю? Как по-вашему, сколько ей лет?

— Она ведь родилась в тридцать

Løgn. Jeg har for løiers skyld undersøkt det. Hun er tyve år, hun kunde forresten godt passere for femten. Hun er ingen lykkelig sjæl, det er megen strid i hendes lille hode. Når hun står og ser ut mot fjældene og havet og hendes mund får dette træk her, den smærte her, da er hun ulykkelig; men hun er for stolt og for stivnakket til å gråte. Hun er ikke lite æventyrlig, hun har en hæftig fantasi, hun venter på en prins. Hvordan var det med en viss femdalerseddel som De skulde ha git bort?

En spøk. Nei det var ingenting ....

Også det var noget. Hun har gjort noget lignende med mig engang. Det er et år siden. Vi var ombord i postskibet mens det henlå her på havnen. Det regnet og var koldt. En kone med et lite barn sitter på dækket og fryser.

Edvarda spør hende: Fryser De ikke? Jo konen frøs. Fryser ikke den lille også? Jo den lille frøs også.

Hvorfor går De ikke ind i kahytten? spør Edvarda.

восемом году?

— Браки. Я забавы ради это проверил. Ей двадцать лет, хоть она и впрямь легко сойдет за пятнадцатилетнюю. У нее несчастный, нрав, и он не дает покоя ее бедной головке. Когда она стоит и смотрит на море и скалы, у нее такой скорбный рот, и видно, как она несчастна; но она слишком горда и упряма, и ни за что не расплачется. Она искательница приключений, у нее богатая фантазия, она ждет принца. Кстати, что это за история с пятью талерами, которые вы якобы дали гребцу?

— Шутка. Да нет, это пустяки...

— Нет, не пустяки. Она и со мной такое однажды проделала. Год тому назад. Мы стояли на палубе почтового парохода, он еще не отчалил. Шел дождь, и было холодно. Женщина с ребенком сидит на палубе и вся дрожит.

Эдварда ее спрашивает: неужели вам не холодно? Как же, ей холодно.

— Ну, а маленькому не холодно?

Как же, и ему холодно.

— Отчего бы вам не спуститься в каюту? — спрашивает Эдварда.

Jeg har dæksplass, svarte konen.

Edvarda ser på mig. Konen har bare dæksplass, sier hun.

Hvad er dermed å gjøre? svarer jeg inde i mig selv. Men jeg forstår Edvardas blik. Jeg er ikke født rikmand, jeg har arbeidet meg frem fra intet og jeg tæller de penger jeg gir ut. Jeg trækker mig altså bort fra konen og tænker: skal der betales for hende så lat Edvarda betale selv, hun og hendes far har bedre råd end jeg.

Og Edvarda betaler ganske riktig selv. I den retning er hun storartet, hun mangler ingenlunde hjærte. Men så sant som jeg sitter her, hun hadde ventet at jeg skulde ha betalt for kahytsplass til konen og den lille, jeg så det på hendes blik. Hvad så videre? Konen reiste sig og takket for den store hjælp.

Tak ikke mig, men tak den herre der, svarte Edvarda og peker med rolig mine på mig. Hvad synes De? Jeg hører at konen takker også mig og jeg kan ikke svare noget til det, jeg må la det gå sin gang. Se dette er nu ett træk, men jeg

— У меня билет на палубу, — ответила женщина.

Эдварда смотрит на меня.

— У женщины билет на палубу, — говорит она.

Что ж тут поделаешь, думаю я про себя. Но я понимаю все значение взгляда Эдварды. Я не родился в палатах, я начинал с медных грошей и не швыряю денег без счета. Я отодвигаюсь подальше от женщины с ребенком и думаю: если надо заплатить за нее, пусть платит сама Эдварда — они с отцом побогаче моего.

И Эдварда, разумеется, платит сама. В этом ей нельзя отказать, у нее, бесспорно, доброе сердце. Но совершенно ясно, как дважды два, она ждала, чтоб я купил билет в каюту для женщины с ребенком, я это понял по ее взгляду. Теперь слушайте дальше. Женщина встала и принялась благодарить.

— Не меня благодарите, а вон того господина, — отвечает Эдварда и с самым невозмутимым видом указывает в мою сторону. Ну, что вы скажете? Я слышу, как женщина благодарит теперь уже меня, я не

kunde fortælle flere. Og hvad de fem daler til rorskarn angår da har hun selv git manden disse penger. Hadde De gjort det vilde hun fløiet Dem om halsen; De burde ha været den herremand som begik en slik flot urimelighet for en uttrådt sko, det passet i hendes forestilling, hun hadde foresat sig det. Da ikke De gjorde det gjorde hun det selv i Deres navn. Slik er hun, ufornuftig og beregnende på samme tid.

Kan da ingen vinde hende? spurte jeg.

Hun burde tuktes, svarte doktoren undvikende. Det er noget galt ved dette, hun får altfor frit spil, hun kan gjøre alt hvad hun vil og seire så meget hun lyster. Man er optat av hende, man viser hende ikke likegyldighet, det er altid nogen forhånden som hun kan utøve sin virkning på.

Har De lagt mærke til hvorledes jeg behandler hende? Som en skolepike, en liten tøs, jeg hovmestererer hende, klandrer hendes sprog, passer på og sætter hende i kleimne. Tror De ikke at hun forslår det? Åk, hun er stolt og stiv,

знаю, что отвечать, но что тут поделаешь? Вот вам один из случаев, но я мог бы рассказать еще. И те пять талеров гребцу она, разумеется, дала сама. Если б это сделали вы, она бы кинулась к вам на шею; еще бы — рыцарь без страха и упрека, не пожалевший столь значительной суммы за стоптанный башмак, — такую она нарисовала себе картинку, таковы ее понятия. А раз вы не догадались, она все и проделала сама от вашего имени. В этом она вся — безрассудная и расчетливая вместе.

— Неужели же никому с ней не сладить? — спросил я.

— Ее следует воспитывать, — ответил доктор уклончиво. — То-то и беда, что ей дано слишком много воли, она делает, что захочет, она избалована, она окружена вниманием. Всегда под рукой есть кто-то, на ком можно проверять свое могущество.

Замечали вы, как я с ней обращаюсь? Как со школьницей, с девочкой. Я распекаю ее, исправляю ее речь, не пропускаю случая поставить ее в тупик. Думаете, она не понимает? Ах, она горда и упряма, ее

det sårer hende idelig; men hun er også for stolt til å vise at det sårer hende.

Men således skulde hun ha det.

Da De kom hadde jeg allerede tuktet hende i et år, det begyndte å virke, hun gråt av smærte og ærgrelse, hun var blitt et rimeligere menneske. Så korn De og ødela det hele. Slik er det, den ene slipper hende og den andre tar hende igjen; efter Dem kommer formodentlig den tredje, hvem vet.

Oho, doktoren har noget å hævne, tænkte jeg og jeg sa:

Si mig nu også, doktor, hvorfor De har hat den store møie og besværlighet å meddele mig alt dette? Skal jeg hjelpe Dem med å tukte Edvarda?

Forresten er hun varm som en vulkan, fortsatte han uten å agte på mit spørsmål. De spurte om ingen kunde vinde hende. Jo hvorfor ikke? Hun venter på sin prins, han er ikke kommet, hun tar atter og atter feil, hun trodde også at De var prinsen, især da De hadde dyreblik, haha. Hør, hr. løytnant. De burde ialfald ha medbragt Deres uniform. Den vilde ha hat sin betydning

это еще как задевает; но она до того горда, что ни за что не покажет виду.

А потачки ей давать нельзя.

До того, как появились вы, я уже год ее воспитывал, наметились кое-какие перемены, она стала плакать, когда ей больно или досадно, стала похожа на человека. И вот появились вы, и все пошло насмарку. Вот так. Один теряет терпенье, и за нее принимается другой; после вас, очень может быть, появится третий, кто знает...

Ого, бедный доктор, кажется, сводит со мной счеты, подумал я и сказал:

— Объясните, однако, с какой же стати вы взяли на себя труд мне все это сообщить? Должен ли я помочь вам в воспитании Эдварды?

— А ведь она горяча, как вулкан, — продолжал он, не слушая. — Вы вот говорите — неужели никто с ней не сладит? Отчего же? Она ждет своего принца, его все нет, она ошибается вновь и вновь, она и вас приняла за принца, у вас ведь взгляд зверя, ха-ха! Послушайте, господин лейтенант, вам бы надо захватить сюда мундир, он бы пригодился.

nu.

Hvorfor skulde ikke nogen kunne vinde hende? Jeg har set hende vride hænderne efter den som kunde komme op og ta hende, føre hende bort, herske over hendes krop og sjæl. Ja. Men han må komme utenfra, dukke op en dag som et litt aparte væsen. Jeg aner at hr. Mack er ute på en ekspedition, det tør stikke noget under med hans reise. Også engang før var hr. Mack på reise, og da han kom tilbake fulgte en herre ham.

En herre fulgte ham?

Åk, men han dudde ikke, sa doktoren smærtelig leende. Det var en mand på min alder, han haltet også likesom jeg. Det var ikke prinsen.

Og hvor reiste han hen? spurte jeg og fikserte doktoren.

Hvor han reiste hen? Herfra? Det vet jeg ikke, svarte han forvirret. Nå, vi har opholdt os altfor længe med dette. Om en ukes tid kan De begynde å gå på Deres fot. På gjensyn.

Нет, отчего же никто с ней не сладит? Я видел, как она ломает руки в ожидании того, кто бы пришел, взял ее, увез, владел бы ее телом и душой. Да. Но он должен появиться издалека, вынырнуть в один прекрасный день неизвестно откуда и быть непременно не как все люди. Вот я и полагаю, что господин Мак снарядил экспедицию, это его путешествие неспроста. Господин Мак однажды уже отправлялся в подобное путешествие и вернулся в сопровождении некоего господина.

— Вот как, некоего господина?

— Ах, он оказался непригодным, — сказал доктор и горько усмехнулся. — Это был человек моих лет и хромой, вроде меня. Какой уж там принц.

— И куда же он уехал? — спросил я, не сводя глаз с доктора.

— Куда уехал? Отсюда? Этого я не знаю, — смешавшись, ответил он. — Ну, мы, однако ж, заболтались. Через неделю вы уже сможете ступать на больную ногу. До свидания.

Jeg hører en kvindes røst utenfor min hytte, blodet strømmer mig til hodet, det er Edvardas røst. Glahn, Glahn er syk, hører jeg? Og min vaskekone svarer utenfor døren: Han er næsten frisk igjen.

Dette «Glahn, Glahn» gikk meg gjennom marv og ben, hun gjentok mit navn to ganger, det virket på mig, hendes røst var klar og dirrende.

Hun åpnet min dør uten å banke på, trådte ilsomt ind og så på mig. Med ett var det for mig som i gamle dager, hun gikk i sin opfarvede jakke og hadde bundet forklædet litt ned på maven for å bli lang i livet.

Jeg så det hele straks, og hendes blik, hendes brune ansikt med øienbrynene høit op i panden, det sælsomt ømme uttrykk i hendes hender, alt trængte så hæftig ind på mig og gjorde meg forvirret. Hende har jeg kysset! tænkte jeg. Jeg reiste meg og blev stående.

De reiser Dem, De blir stående, sa hun. Sæt dem dog, Deres fot er dårlig, De har skutt Dem. Gode Gud, hvordan gikk det

Я слышу женский голос подле моей сторожки, кровь ударяет мне в голову, это голос Эдварды.

— Глан, Глан болен, оказывается?

И моя прачка отвечает под дверью:

— Да он уж почти поправился.

Это ее «Глан, Глан» так и пронизало меня насквозь, она дважды повторила мое имя, боже ты мой, и голос у нее звенел и срывался.

Она, не постучавшись, толкнула дверь, вбежала и принялась смотреть на меня. И вдруг все сделалось как прежде; она надела свою перекрашенную кофточку и передничек повязала чуть ниже пояса, чтоб стан казался длинней.

Я все это тотчас заметил, и ее взгляд, ее смуглое лицо, и брови высокими дугами, и эти ее нежные руки — все так и полоснуло меня по сердцу, и у меня закружилась голова. И я ее целовал! — подумал я. Я встал и не сел.

— Вы встали, вы не садитесь, — заговорила она. — Сядьте же, у вас ведь болит нога, вы ее прострелили.

til? Jeg fik vite det først nu. Jeg tænkte hele tiden: Hvor blir Glahn av? han kommer aldrig mere. Jeg visste ikke om nogen ting. De hadde skutt Dem, det er flere uker siden, hører jeg, og jeg visste ikke et ord om det. Hvordan står det til nu? De er blit påfaldende blek, jeg kjender Dem ikke igjen. Og foten? Blir De halt? Doktoren sier at De ikke blir halt. Hvor inderlig jeg er glad i Dem fordi De ikke blir halt, og jeg takker Gud for det. Jeg håper De undskylder at jeg kom herhit uten videre, jeg løp mere end jeg gik ....

Hun lutet sig over mot mig, hun var mig nær, jeg fornam hendes pust i ansigtet, jeg tok med hænderne efter hende. Da flyttet hun sig længer bort. Hendes øine var endnu duggede.

Det gik således til, stammet jeg: Jeg vilde stille børsen bort i kroken, jeg holdt den galt, således, op ned; så hørte jeg pludselig et skudd. Det var et uheld.

Et uheld, sa hun tankefuldt og nikket. Lat mig se, det er venstre fot; men hvorfor netop den venstre? Ja det var et tilfælde ....

Господи Боже, да как же это вы? Я только сейчас узнала. А я-то все думаю: что это с Гланом? Он совсем пропал. Я ничего не знала. Вы прострелили ногу, вот уж несколько недель, оказывается, а мне никто и слова не сказал. И как же вы теперь? До чего же вы бледный, вас просто не узнать. А нога? Будете вы хромать? Доктор говорит, вы не будете хромать. Какой же вы милый, что не будете хромать, и слава, слава Богу! Я думаю, вы извините меня, что я так запросто ворвалась к вам, я не шла, я бежала...

Она вся подалась ко мне, она стояла так близко, я чувствовал на своем лице ее дыханье, я протянул к ней руки. Но она отпрянула. В глазах ее еще стояли слезы.

— Это вот как получилось, — начал я, и голос меня не слушался. — Я ставил ружье в угол, я неправильно его держал, вот так, дулом вниз; и вдруг я слышу выстрел. Произошел несчастный случай.

— Несчастный случай, — проговорила она задумчиво и кивнула. — Постойте-ка, ведь это левая нога; но почему же именно

Ja et tilfælde, avbrøt jeg. Hvor kan jeg vite hvorfor det netop blev venstre fot? De ser selv, således holdt jeg børsen, så kunde det ikke godt bli høire fot. Ja det var ikke meget morsomt.

Hun så eftertænksomt på mig.

Nå, De er altså i god bedring, sa hun og så sig om i hytten. Hvorfor har De ikke sendt konen over til os efter mat? Hvad har De levet av?

Vi talte endnu i nogen minutter sammen. Jeg spurte hende:

Da De kom var Deres ansigt bevæget og Deres øine skinte, De gav mig hånden. Nu er Deres øine blit likegyldige igjen. Tar jeg feil?

Pause.

Man kan ikke altid være ens ....

Si mig bare denne ene gang, sa jeg: hvad er det for eksempel i dette tilfælde som jeg har sagt eller gjort til Deres mishag? Det kunde kanskje være mig til en rettesnor for eftertiden.

Hun så ut av vinduet, ut mot den fjærne horisont, stod og så tankefuldt hen for sig og svarte mig som sat bak hende:

левая? Ну да, случайность...

— Да, случайность, — оборвал я.

— Откуда же я могу знать, почему именно левая? Вы ведь сами видите, я держал ружье вот так, стало быть, в правую ногу я никак не мог попасть. Конечно, веселого мало.

Она смотрела на меня и о чем-то сосредоточенно думала.

— Ну, вы, значит, поправляетесь, — сказала она и огляделась. — Отчего же вы не послали к нам за едой? Как же вы жили?

Мы поговорили еще несколько минут. Я спросил:

— Когда вы вошли, у вас было растроганное лицо, ваши глаза сияли, вы протянули мне руку. А теперь глаза у вас опять погасли. Мне ведь не почудилось?

Пауза.

— Не все же быть одинаковой...

— Но вы хоть сейчас только объясните, — попросил я, — только сейчас — что я сказал или сделал такого, чем вам не угодил? Надо же мне знать, хотя бы на будущее.

Она глядела в окно на далекую черту горизонта, стояла, и задумчиво глядела прямо перед собой, и

Ingenting, Glahn. Man kan jo stundom få sine tanker. Er De misfornøiet nu? Husk på, nogen gir lite, og det er meget for dem, andre gir alt, og det koster ingen overvindelse; hvem har så git mest? De er blit tungsindt under Deres sykdom. Hvordan er vi kommet til å tale om alt dette?

Og pludselig ser hun på mig, en glæde farver hendes ansigt, hun sier: Men bli nu frisk igjen snart. Vi ses igjen.

Dermed rakte hun mig hånden. Nu var det at jeg fik i sinde ikke å motta hendes hånd. Jeg reiste mig, la hænderne på ryggen og bukket dypt; dermed vilde jeg takke for hendes elskverdige besøk.

Undskyld at jeg ikke kan følge Dem længer, sa jeg.

Da hun var gat satte jeg mig endnu en gang til å overtænke det hele. Jeg skrev et brev og forlangte min uniform tilsendt.

ответила мне, не обернувшись в мою сторону:

— Ничего, Глан. Так, мало ли какие могут прийти в голову мысли. Ну вот вы и рассердились? Не забудьте, один дает мало, но и это много для него, другой отдает все, и ему это нисколько не трудно; кто же отдал больше? Вы приуныли за время болезни. Да, так к чему это я?

И вдруг она смотрит на меня, смотрит радостно, к лицу у нее приливает краска, она говорит:

— Ну выздоравливайте же поскорее. Всего доброго.

И она протянула мне руку.

Но вот тут-то мне и не захотелось подавать ей руку.

Я встал, заложил руки за спину и низко поклонился; так я поблагодарил ее за любезный визит.

— Простите, что не могу проводить вас, — сказал я.

Когда она ушла, я сел и долго думал о том, что только что произошло. Я написал письмо с просьбой, чтобы мне выслали мундир.

Første dag i skogen.

Jeg er glad og mat, alle dyr nærmet sig meg og beså mig, på løvtrærne sat biller og oljebillerne krøp på veien. Godt møte! tænkte jeg. Skogens stemning gik frem og tilbake gjennom mine sanser, jeg gråt av kjærlighet og var aldeles glad derved, jeg var opløst av taksigelse.

Du gode skog, mit hjem, Guds fred, skal jeg si dig fra mit hjerte .... Jeg stanser, vender mig i alle retninger og nævner gråtende fugler, trær, stener, græs og myrer ved navn, ser mig om og nævner dem i rækkefølge. Jeg ser op mot fjældene og tænker: Ja nu kommer jeg! som om jeg svarte på en kalden.

Høit deroppe hækket dværgfalken, jeg visste om dens reder. Men tanken på de hækkende dværgfalker oppe i fjældene sendte min fantasi langt bort.

Ved middag rodde jeg ut, jeg landet på en liten ø, en holme utenfor havnen. Der var lilafarvede blomster med lang stængel som rak mig til knæet, jeg vadet i underlige vækster, bringebærbusker,

Первый день в лесу.

Я счастлив и еле держусь на ногах, всякая тварь разглядывает меня; на листьях сидят жуки, жужелицы на тропках. Как меня встречают! — подумал я. Каждой порой чувствовал я душу леса, я плакал от любви, радовался несказанно, я изнемог от благодарности.

Лес ты мой милый, мой дом, здравствуй, — хочется мне сказать от всего сердца... Я останавливаюсь, озираюсь во все стороны, сквозь слезы называю имена птиц, деревьев, камней, трав и букашек, оглядываюсь и по очереди их называю. Я гляжу на горы и про себя говорю: иду, иду! — так, словно кто зовет меня.

Там, в вышине, свили гнезда соколы, я давно об этом знаю. Но только я вспомнил о соколиных гнездах, и фантазия моя уносит меня далеко-далеко...

В полдень я сел в лодку и пристал к небольшому островку далеко в море. Тут росли лиловые цветы на долгих стеблях, они доходили мне до колен, я пробирался в невиданных

grovt snarpegræs; der var ingen dyr og mennesker havde der kanske heller ikke været.

Sjøen skummet mildt imot øen og indhyllet mig i et slør av sus, langt oppe ved Æggehølmene skrek og fløi alle kystens fugler. Men havet omsluttet mig til alle sider som en omfavning.

Velsignet være livet og jorden og himlen, velsignet være mine fiender, jeg vil i denne stund være min værste uven nådig og knytte hans skorem ....

En høi heisesang lyder ut til mig fra en av hr. Macks jægter og mit indre fyldes av solskin ved denne kjendte lyd. Jeg ror til bryggen, går forbi fiskerhytterne og begir mig hjem.

Dagen er leden, jeg indtar mit måltid, deler min mat med Æsop og går atter tilskogs. Milde vinde seiler lydløst mot mit ansigt. Velsignet være I, sier jeg til vindene fordi de kommer mot mit ansigt, velsignet være I; mit blod bøier sig i mine årer av taksigelse mot jer! Æsop lægger sin ene pote på mit knæ.

зарослях, по малиннику и чертополоху; зверья тут не было никакого, и нога человека, верно, еще не ступала тут.

Море гнало к берегу легкую пену и осеняло меня шорохом, где-то далеко у Эггехольмов расшумелись береговые птицы. И со всех сторон море, море, оно словно сжимало меня в объятьях.

Будьте же благословенны жизнь, и земля, и небо, будьте благословенны мои враги. Я готов был в этот час любить самого заклятого своего недруга и развязать ремень обуви его...

До меня доносятся громкие крики грузчиков с баржи господина Мака, и все во мне дрожит от радости при знакомых звуках. Я гребу к пристани, выхожу на берег, минуя рыбацьи бараки и направляюсь домой.

Час уже не ранний; я приступаю к трапезе, делюсь своими припасами с Эзопом и снова иду в лес. Легкий ветерок овеивает мне лицо.

Здравствуй, милый, говорю я ветерку, который дует мне в лицо, здравствуй; каждая жилка моя на тебя не нарадуется! Эзоп кладет лапу мне на

En træthet overfalder mig og jeg sovner.

Lul! Lul! Ringer klokker? Nogen mil tilhavs står et berg. Jeg ber to bønner, en for min hund og en for mig selv, og vi kommer ind i berget. Porten slår i efter os, det gir et ryk i mig og jeg våkner:

Luende rød himmel, solen står og stamper foran mine øine, natten, horisonten dønner av lys. Æsop og jeg går ind i skyggen. Det er stille omkring. Nei vi vil ikke sove mere, sier jeg til Æsop, vi vil jage imorgen, den røde sol skinner på os, vi gik ikke ind i berget .... Og sære stemninger får liv hos mig og mit blod stiger mig til hodet. Jeg føler ophidset og endnu svak at nogen kysser mig og kysset ligger på mine læber.

Jeg ser mig om, det er ingen synlig tilstede. Iselin! sier jeg. Det pusler i græsset, det kunde være løv som faldt til jorden, det kunde også være trin. En iling går gjennom skogen, det kunde være Iselins åndedræt, tænker jeg. I disse skoger har Iselin gat, her bønhorte

колeно.

Меня одолевает усталость, и я засыпаю.

Трам! Там! Колокола? Далеко в море, в нескольких милях от берега стоит гора. Я читаю две молитвы, одну за моего пса, другую за себя, и мы входим в глубь горы. За нами захлопываются ворота, я вздрагиваю и просыпаюсь.

Небо пылает пожаром, солнце бьет прямо в глаза; ночь; горизонт дрожит от света. Мы с Эзопом прячемся в тень. Все тихо. Давай не будем больше спать, говорю я Эзопу, утром пойдем на охоту, видишь, на нас светит красное солнце, вовсе мы с тобой не входили в глубь горы... И что-то странное творится со мной, и кровь вдруг ударяет мне в лицо; я чувствую, будто кто целует меня, и поцелуй горит на моих губах.

Я озираюсь — нигде никого. Изелина, — шепчу я. Трава шуршит, верно, лист упал на землю, а может быть, это шаги. По лесу идет дрожь, это, верно, вздох Изелины. Здесь бродила Изелина, здесь склонялась она на мольбы охотников в желтых

hun jægere i gule støvler og grønne kapper.

Ute på sin gard bodde hun, to fjerdinger herfra, hun sat i sit vindu for fire menneskealdere siden og hørte jagthornet gjalde fra skogene trindt omkring. Her var ren og ulv og bjørn og jægerne de var mange og alle så de hende vokse op og hver og en så ventet de på hende.

En hadde set hendes øine, en anden hørt hendes røst; men engang stod en søvnløs svend op om natten og boret et hul ind til Iselins kammer, han så hendes hvite fløiels mave.

I hendes tolvte år kom Dundas. Han var skotte, han handlet med fisk og hadde mange skibe. Han hadde en søn. Da Iselin blev seksten år så hun første gang den unge Dundas. Han var hendes første kjærlighet ....

Og så sære stemninger trækker gjennom mig og så tungt blir mit hode, mens jeg sitter der; jeg lukker øinene og føler atter Iselins kys.

Iselin, er du her, du livets elskerinde? sier jeg, og har du Diderik stående bak

сапогах и зеленых накидках.

Жила в своей усадьбе в полумиле отсюда, сидела у окошка и слушала, слушала, как звенит по округе охотничий рог; это было в дни прапрадедов... Олень, волк, медведь водились в лесу, и охотников было немало; при них она росла, и каждый ее дожидался.

Тому довелось увидеть ее взор, тот услышал ее голос; но однажды ночью не спалось одному молодцу, и он не стерпел, просверлил стену в горнице Изелины и увидел ее бархатный белый живот.

По двенадцатому ее году сюда приехал Дундас. Он был родом шотландец, он торговал рыбой и владел множеством кораблей. У него был сын. Когда Изелине минуло шестнадцать лет, она увидела молодого Дундаса. Он стал ее первой любовью...

И что-то странное творится со мной. Голова у меня клонится; я закрываю глаза, и снова на моих губах поцелуй Изелины.

— Ты тут, Изелина, вечная возлюбленная? — шепчу я. — А

et træ? ....

Men tyngre og tyngre blir mit hode og jeg flyter ind i søvnens bølger.

Lul, lul! En røst taler, det er som om syvstjærnen synger gennem mit blod, det er Iselins røst:

Sov, sov! Jeg vil fortælle dig om min kærlighet mens du sover og jeg vil fortælle dig om min første nat. Jeg husker det, jeg glemte å låse min dør; jeg var seksten år, det var vårtid og varme vinde; Dundas kom. Det var som en ørn som kom susende.

Jeg traf ham en morgen før jagttid, han var fem og tyve år og kom frå fjærne reiser, han spaserte ved min side i haven og da han berørte mig med sin arm begyndte jeg å elske ham. Han fik to feberrøde flækker i panden og jeg kunde ha kysset de to flækker.

Om kvælden efter jagttid gik jeg og så efter ham i haven og jeg var rædd for at jeg skulde finde ham. Jeg nævnte sagte hans navn for mig selv og jeg var rædd for at han skulde høre det. Da kommer han frem fra buskene og hvisker.

Inat klokken ett! Hvorpå han forsvinder.

Дидерик, верно, стоит под деревом?

Но все клонится и клонится моя голова, и я падаю в сонные волны.

Трам-там! Кажется, голос!

Млечный Путь течет по моим жилам, это голос Изелины:

Спи, спи! Я расскажу тебе о моей любви, пока ты спишь, и я расскажу тебе о моей первой ночи. Помню, я забыла запереть дверь; мне было шестнадцать, стояла весна, дул теплый ветер; и пришел Дундас, словно орел прилетел, свистя крылами.

Я встретила его утром перед охотой, ему было двадцать пять, он приехал из чужих краев, мы прошли с ним вместе по саду, он коснулся меня локтем, и с той минуты я полюбила его. На лбу у него рдели два красных пятна, и мне захотелось поцеловать эти пятна.

После охоты, вечером, я бродила по саду, я ждала его и боялась, что он придет. Я повторяла тихонько его имя и боялась, как бы он не услышал. И вот он выступает из-за кустов и шепчет:

— Сегодня ночью в час!

И с этими словами исчезает.

Inat klokken ett, sier jeg til mig selv, hvad mente han med det? Jeg forstår ingenting. Han mente vel at han skulde på reiser igjen inat klokken ett, men hvad kommer det mig ved om han reiser?

Så var det at jeg glemte å låse min dør ....

Klokken ett stiger han ind.

Var ikke min dør låset? spør jeg.

Jeg skal låse den, svarer han.

Og han låser døren av og lukker os inde.

Jeg var så rædd for støien av hans store støvler.

Væk ikke min pike! sa jeg.

Jeg var også så rædd for den knakende stol og jeg sa: Nei nei, sæt dig ikke på den stol, den knaker!

Må jeg da sitte hos dig i sofaen? spurte han.

Ja, sa jeg.

Men det sa jeg bare fordi stolen knaket.

Vi sat i min sofa. Jeg flyttet mig bort, han flyttet sig efter. Jeg så ned.

Сегодня ночью в час, думаю я, что бы это значило, не пойму. Не хотел же он сказать, что сегодня ночью в час он снова уедет в чужие края?

Мне-то что до этого?

И вот я забыла запереть дверь...

Ночью, в час, он входит ко мне.

— Неужто дверь не заперта? — спрашиваю я.

— Сейчас я запру ее, — отвечает он.

И он запирает дверь изнутри.

Его высокие сапоги стучали, я так боялась.

— Не разбуди мою служанку! — сказала я.

Я боялась еще, что скрипнет стул, и я сказала:

— Ой, не садись на стул, он скрипит!

— А можно сесть к тебе на постель? — спросил он.

— Да, — сказала я.

Но я сказала так потому только, что стул скрипел.

Мы сели ко мне на постель. Я отодвигалась, он придвигался. Я смотрела в пол.

Du fryser, sa han og tok min hånd. Litt
etter sa han: Hvor du fryser! og la sin
arm om mig.

Jeg blev varm i hans arm. Vi sitter
således litt. En hane galer.

Hørte du, sa han, en hane gol, det er
snart morgen.

Og han rørte ved mig og gjorde mig
fortapt.

Når du bare er aldeles sikker på at hanen
gol, stammet jeg.

Jeg så atter de to feberrøde flækker i
hans pande og jeg vilde reise mig. Da
holdt han mig tilbake, jeg kysset de to
elskelige flækker og lukket mine øine
for ham ....

Så blev det dag, alt var det morgen. Jeg
våknet og kjendte ikke veggene i mit
kammer igjen, jeg stod op og kjendte
ikke mine egne små sko igjen; det rislet
noget gjennom mig. Hvad kan det være
som risler gjennom mig? tænkte jeg
leende. Og hvormange var det klokken
just slog? Intet visste jeg, men jeg
husket bare at jeg hadde glemt å låse
min dør.

Min pike kommer.

Dine blomster har intet vand fat, sier
hun.

— Ты озябла, — сказал он и взял
меня за руку. Чуть погодя он сказал:
— О, как ты озябла! — и обнял меня.

И мне стало жарко. Мы сидим и
молчим. Поет петух.

— Слышишь, — сказал он, —
пропел петух, скоро утро.

И он коснулся меня, и я стала сама
не своя.

— А ты точно слышал, что пропел
петух? — пролепетала я.

Тут я снова увидела два красных
пятна у него на лбу и хотела встать.
Но он не пустил меня, я поцеловала
два милые, милые пятна и закрыла
глаза...

И настало утро, было совсем
светло. Я проснулась и не могла
узнать стен у себя в горнице, я встала
и не могла узнать своих башмачков;
что-то журчало и переливалось во
мне. Что это журчит во мне? —
думаю я, и сердце мое веселится.
Кажется, часы бьют, сколько же
пробило? Ничего я не понимала,
помнила только, что забыла запереть
дверь.

Входит моя служанка.

— Твои цветы не политы, —
говорит она.

Jeg hadde glemt mine blomster.
Du har krøllet din kjole, fortsætter hun.

Hvor kan jeg ha krøllet min kjole
henne? tænker jeg med leende hjærte;
men det må jeg vel ha gjort inat?

En vogn kjører ind til havegrinden.

Og din kåt har ingen mat fat, sier min
pike.

Men jeg glemmer mine blomster, min
kjole og min kåt og spør:

Er det Dundas som holder utenfor? Be
ham komme til mig straks, jeg venter
ham, det var noget .... noget .... Og jeg
tænker ved mig selv: Mon han atter vil
lukke døren i lås når han kommer?

Han banker på. Jeg åpner for ham og
lukker selv døren i lås for å gjøre ham
en liten tjeneste.

Iselin! utbryter han og kysser min mund
et helt minut.

Jeg har ikke sendt bud efter dig, hvisker
jeg.

Har du ikke? spør han.

Jeg blir atter meget fortapt og jeg svarer:

Jo jeg sendte bud efter dig, jeg længtet
så usigelig efter dig igjen. Vær her litt.

Я позабыла про цветы.

— Ты измяла платье, — говорит
она.

Когда это я измяла платье? —
подумала я, и сердце мое взыграло;
уж не сегодня ли ночью?

У ворот останавливается коляска.

— И кошка твоя не кормлена, —
говорит служанка.

Но я уже не помню про цветы,
платье и кошку и спрашиваю:

— Это не Дундас? Скорей проси
его ко мне, я жду его, я хотела...
хотела...

А про себя я думаю: «Запрет он
дверь, как вчера, или нет?»

Он стучится. Я отворяю ему и сама
запираю дверь, чтобы его не
затруднять.

— Изелина! — шепчет он и на
целую минуту припадает к моему
рту.

— Я не посылала за тобой, —
шепчу я.

— Не посылала? — спрашивает он.

Я снова делаюсь сама не своя, и я
отвечаю:

— О, я посылала за тобой, я ждала
тебя, душа моя так стосковалась по
тебе. Побудь со мною.

Og jeg holdt mig for øinene av
kjærlighet. Han slap mig ikke, jeg sank
om og skjulte mig hos ham.

Jeg synes at noget galер igjen? sa han og
lyttet.

Men da jeg hørte hvad han sa avbrøt jeg
ham så hurtig jeg kunde og svarte:

Nei hvor kan du tro at noget galер igjen!

Det var ingenting som gol.

Han kysset mit bryst.

Det var bare en høne som gol, sa jeg i
siste øieblik.

Vent litt, jeg skal lukke døren i lås, sa
han og vilde reise sig.

Jeg holdt ham tilbake og hvisket:

Den er lukket ....

Så blev det kvæld igjen og Dundas var
reist. Det rislet noget gyldent gjennem
mig. Jeg stillet mig foran speilet og to
forelskede øine så like mot mig, det
rørte sig noget i mig ved mit blik og det
rislet og rislet rundt omkring mit hjærte.

Min Gud, jeg hadde aldrig set på mig
selv med de øine før og jeg kysset av
elskov min egen mund i speilet ....

Men nu har jeg fortalt dig om min første

И я закрываю глаза от любви. Он
не выпускал меня, у меня
подкосились ноги, я спрятала лицо у
него на груди.

— Кажется, снова кричит кто-то,
не петух ли? — сказал он и
прислушался.

Но я поскорее оборвала его и
ответила:

— Да нет, какой петух? Никто не
кричал.

Он поцеловал меня в грудь.

— Это просто курица кудахтала, —
сказала я в последнюю минуту.

— Погоди-ка, я запру дверь, —
сказал он и хотел встать.

Я удержала его и шепнула:

— Она уже заперта...

И снова настал вечер, и Дундас
уехал. Золотая темень переливалась
во мне. Я села перед зеркалом, и два
влюбленных глаза глянули прямо на
меня. Что-то шелохнулось во мне под
этим взглядом, и потекло, и
переливалось, струилось вокруг
сердца. Господи! Никогда еще я не
глядела на себя такими глазами, и я
целую свой рот в зеркале, изнемогая
от любви...

Вот я и рассказала тебе про свою

nat og om morgenen og kvælden derpå.
Siden engang skal jeg fortælle dig om
Svend Herlufsen. Ham elsket jeg også,
han bodde en mil herfra, på øen som du
ser derute, og jeg rodde selv til ham i
stille sommernætter fordi jeg elsket
ham. Jeg vil også fortælle dig om
Stamer. Han var præst, jeg elsket ham.
Jeg elsker alle ....

Jeg hører gennem min slummer en hane
som galer nede ved Sirilund.

Hørte du, Iselin, en hane gol også til os!
ropte jeg frydefuldt og strækker armene
ut. Jeg våkner. Æsop er allerede på
benene. Borte! sier jeg i brændende sorg
og ser mig omkring. Her er ingen, ingen
her! Fuld av hete og ophidselse går jeg
hjemover. Det er morgen, hanen vedblir
å gale på Sirilund.

Ved hytten står en kvinde, står Eva. Hun
har et rep i hånden og skal til
vedskogen. Det er livets morgen over
den unge pike, hendes bryst går op og
ned, solen forgylder hende.

De må ikke tro .... stammer hun.

первую ночь, и про утро, и вечер, что
настал после утра. Когда-нибудь я
еще расскажу тебе про Свена
Херлуфсена. И его я любила, он жил
в миле отсюда, вон на том
островке, — видишь? — и я сама
приплывала к нему на лодке тихими
летними ночами, потому что любила
его. И о Стаммере я тебе расскажу.
Он был священник, я его любила. Я
всех люблю...

Сквозь дрему я слышу, как в
Сирилунне поет петух.

— Слышишь, Изелина, и для нас
пропел петух! — крикнул я,
счастливый, и протянул руки. Я
просыпаюсь. Эзоп уже вскочил.
Ушла! — говорю я, пораженный
печалью и озираясь. Никого, никого!
Я весь горю, я иду домой. Утро,
петухи все кричат и кричат в
Сирилунне.

У сторожки стоит женщина, это
Ева. В руке у нее веревка, она
собралась по дрова. Она такая
молоденькая, сама как веселое утро,
грудь ее тяжело дышит, ее золотит
солнце.

— Вы только не подумайте... —
начала она и запнулась.

Hvad må jeg ikke tro, Eva?
Jeg gik ikke hit for å træffe Dem, jeg
gik bare forbi ....
Og hendes ansigt mørkner av rødme.

XXI

Min fot vedblev å volde mig bryderi og
plage, ofte om natten klødde den og
holdt mig våken, et pludselig sting
kunde gjennomfare den og mot
veirforandring var den fuld av gigt. Det
varte i mange dager. Men jeg kom ikke
til å halte.

Dagene gik.

Hr. Mack var kommet tilbake og jeg
skulde straks erfare at han var kommet.
Han tok min båt fra mig, han satte mig i
forlegenhet, det var endnu ikke jagttid
og jeg kunde intet skyte. Men hvorfor
berøvet han mig uten videre båten? To
av hr. Macks bryggefolk hadde rodd en
fremmed ut på sjøen om morgningen.

Jeg traf doktoren.

Man har tat min båt fra mig, sa jeg.

— Что — не подумайте, Ева?

— Что я нарочно пришла сюда.

Просто я шла мимо...

И лицо ее заливается краской.

21

Больная нога все беспокоила меня,
часто ночью зудела и не давала спать,
а то ее вдруг пронизывало острой
болью и к перемене погоды ломило.
Так тянулось долго. Но хромым я не
остался.

Шли дни.

Господин Мак вернулся из своего
путешествия, и я тотчас же на себе
почувствовал, что он вернулся. Он
отобрал у меня лодку, он поставил
меня в затруднение; охотничий сезон
еще не начался, и стрелять нельзя
было. Как же это он, ни словом не
предупредив, отнял у меня лодку?
Двое работников господина Мака
утром вывезли в море какого-то
незнакомца.

Я повстречал доктора.

— У меня отобрали лодку, —

Her er kommet en fremmed, sa han.
Man skal ro ham tilhavs hver dag og
bringe ham hjem igjen om kvælden.
Han undersøker havbunden.
Den fremmede var en finlænder, hr.
Mack hadde truffet ham tilfeldig,
ombord i skibet, han kom fra
Spitsbergen med nogen samlinger av
skjæl og små sjødyr, man kaldte ham
baron. Han hadde fat en stor sal og
endnu et andet værelse i hr. Macks hus.
Han vakte megen opmærksomhet.

Jeg lider nød for kjøt og jeg kunde be
Edvarda om litt mat for iaften, tænkte
jeg. Jeg spaserer ned til Sirilund. Jeg
lægger straks mærke til at Edvarda er
iført en ny kjole, hun synes å ha vokset,
hendes kjole er meget sid.

Undskyld at jeg blir sittende, sa hun kort
og godt og rakte mig hånden.

Ja desværre, min datter er upasselig, sa
hr. Mack. Det er forkjølelse, hun har
ikke været forsigtig .... De kommer
formodentlig for å få rede på Deres båt?
Jeg blir nødt til å låne Dem en anden, en
kjæks. Den er ikke ny, men når De øser
flittig ....

сказал я.

— К нам приехал гость, — ответил
он, — его каждый день вывозят в
море, а вечером доставляют на берег.
Он изучает морское дно.

Приезжий был финн, господин
Мак познакомился с ним по чистой
случайности на борту парохода, он
приехал со Шпицбергена и привез
собрание раковин и морских
зверушек, его называют бароном.
Ему отвели залу и соседнюю с ней
комнатку в доме господина Мака. К
нему очень внимательны.

Я давно не ел мяса, может быть,
Эдварда накормит меня ужином,
подумал я. Я отправляюсь в
Сирилунн. Я тотчас же замечаю, что
Эдварда в новом платье, она словно
бы выросла, платье очень длинное.

— Простите, что я не встаю, —
только и сказала она и протянула мне
руку.

— Да, к несчастью, дочка
нездорова, — подтвердил господин
Мак. — Простуда. Вот, не
бережется... Вы, надо думать, пришли
узнать насчет лодки? Придется мне
ссудить вам другую, ялик. Он не
новый, но если хорошенько

Nei vi har nemlig fat en vitenskapsmand i huset og De vil forstå at en sådan mand .... Han har ingen tid tilovers, han arbejder hele dagen og kommer hjem om kvælden. Gå nu ikke før han kommer, så får De se ham, De vil ha interesse av å stifte bekjendtskap med ham. Her er hans kort, med krone, baron. En elskværdig mann. Jeg traf ham ganske tilfeldig.

Aha, tænkte jeg, man byr dig ikke tilaftens. Gudskelov, jeg gik også bare på prøve derhen, jeg kan gå hjem igjen, jeg har endnu litt fisk i hytten. Det blir vel en råd til mat. Basta.

Baronen kom. En liten mand på omkring firte år, et langt, smalt ansigt med utstående kindben og tyndt, sort skjæg. Hans blik var stikkende og gjennemtrængende, men han brukte sterke briller. Også i sine skjorteknapper hadde han den fem-takkede krone likesom på sit kort. Han var litt lutende og hans magre hænder hadde blå årer; men neglene var som av gult metal.

Fornøier mig meget, hr. løytnant. Hr.

отчерпывать...

Дело в том, что у нас гостит один ученый господин, так что сами понимаете... Времени свободного у него нет, он работает весь день и возвращается к вечеру. Вы уж дождитесь его, он скоро будет. Вам ведь интересно свести с ним знакомство? Вот его карточка, с короной. Он барон. Приятнейший человек. Я познакомился с ним по чистой случайности.

Ага, подумал я. Ужинать тебя не оставляют. Слава тебе Господи, я не очень-то на это и рассчитывал, пойду себе домой. У меня в сторожке лежит еще немного рыбы. Чем рыба не еда? Ну и спасибо, с меня довольно.

Пришел барон. Маленького роста человек, лет сорока, длинное, узкое лицо, выдающиеся скулы, бедная черная бороденка. Взгляд за сильными очками острый и пронизывающий.

Пятизубая корона, такая же, как на визитной карточке, была у него и на запонках. Он слегка сутулился, и худые руки покрыты синими жилами, а ногти словно из желтого металла.

— Весьма польщен, господин

<p>løytnanten har været længe her?</p> <p>Nogen måneder.</p> <p>En behagelig mand. Hr. Mack opfordret ham til å tale om sine skjæl og smådyr og han gjorde det beredvillig, forklarte os lerarten omkring Korholmerne, gik ind i salen og hentet en prøve av tang fra Hvitehavet. Han førte idelig høire pekefinger op og flyttet de tykke guldbriller frem og tilbake på næsen.</p> <p>Hr. Mack var i høi grad interesseret. En time gik.</p> <p>Baronen talte om mit uheld, mit ulykkelige skudd. Var jeg helbredet? Virkelig? Glædet ham.</p> <p>Hvem har fortalt ham om mit uheld? tænkte jeg. Jeg spurte:</p> <p>Av hvem har hr. baronen hørt om mit uheld?</p> <p>Av .... ja hvem var det nu? Frøken Mack, tror jeg. Ikke sandt, frøken Mack?</p> <p>Edvarda blev blussende rød.</p>	<p>лейтенант. Долго ли, господин лейтенант, изволили тут пробывать?</p> <p>— Несколько месяцев.</p> <p>Обходительный человек. Господин Мак попросил его рассказать о раковинах и морских зверушках, и он с готовностью согласился, объяснил нам, какие глины залегают в окрестностях Курхольмов, вышел в залу и принес оттуда образец взморника из Белого моря. Он то и дело поднимал к переносью правый указательный палец и поправлял золотые, в толстой оправе очки.</p> <p>Господина Мака в высшей степени заинтересовали разъяснения барона. Прошел час.</p> <p>Барон заговорил о несчастном случае с моей ногой, о моем неудачном выстреле. Я уже оправился? В самом деле? О, он весьма рад. Откуда это он знает о несчастном случае? — подумал я. Я спросил:</p> <p>— А кто рассказал господину барону о несчастном случае?</p> <p>— Кто? В самом деле, кто же? Фрекен Мак как будто? Ведь правда, фрекен Мак?</p> <p>Эдварда покраснела до корней</p>
--	---

Jeg kom så fattig, i flere dager hadde en mørk fortvilelse tynget mig ned, men ved de siste ord av den fremmede flakket straks en glæde gjennom mig. Jeg så ikke på Edvarda, men jeg tænkte: Tak fordi du da har talt om mig, nævnt mit navn med din tunge, skjønt det er evig betydningsløst for dig. Godnat. Jeg tok avsked. Edvarda forblev sittende også nu, hun undskyldte sig for høflighets skyld med at hun var upasselig. Med likegyldighet gav hun mig hånden.

Og hr. Mack stod i ivrig passiar med baronen. Han talte om sin bedstefar konsul Mack:

Jeg vet ikke om jeg allerede har fortalt hr. baronen at denne spænde fæstet kong Carl Johan med egne hænder i min bedstefars bryst.

Jeg kom ut på trappen, ingen fulgte mig ut. Jeg kastet i forbigående et blik ind gennem vinduerne i storstuen, da stod Edvarda der, høi, opret, holdende med begge hænder gardinerne tilside og så ut. Jeg undlot å hilse, jeg glemte alt, en strøm av forvirring grep mig og førte mig hastig avsted.

ВОЛОС.

Мне было так скверно, много дней подряд такая тоска давила меня, но при последних словах барона у меня вдруг потеплело на душе. Я не смотрел на Эдварду, я думал: спасибо тебе, что говорила обо мне, называла мое имя, произносила его, хоть что тебе в нем? Доброй ночи.

Я откланялся. Эдварда снова не поднялась, она из вежливости сослалась на нездоровье. Равнодушно протянула она мне руку.

А господин Мак был увлечен беседой с бароном. Он говорил про своего деда, консула Мака.

— Не помню, рассказывал ли я уже господину барону, что вот эту самую булавку король Карл-Юхан собственноручно приколол на грудь моего деда.

Я вышел на крыльцо, никто не проводил меня. Проходя, я бросил взгляд на окна залы, там стояла Эдварда, высокая, прямая, она обеими руками отвела гардины и смотрела в окно. Я даже не поклонился, все разом вылетело у меня из головы, смятение охватило

Holdt, stans et øieblik! sa jeg til mig selv da jeg hadde nådd skogen. Ved Gud i himlen, dette skal der bli en ende på! Jeg blev pludslig het av sinne og stønnet.

Åk jeg hadde ingen ære i brystet mere, høit regnet hadde jeg nytt Edvardas nåde en uke, nu var den for længe siden forbi og jeg indrettet mig ikke derefter. Fra nu av skulde mit hjærte tilrope hende: Støv, luft, muld på min vei, ved Gud i himlen ....

Jeg nådde hytten, fandt min fisk frem og holdt måltid.

Her går du og gløder ut dit liv på en ringe skolepike og dine nætter er fulde av øde drømme. Og en lummer vind står stille omkring dit hode, en luktende, årsgammel vind. Mens himlen skjælver av det vidunderligste blå og fjældene kalder. Kom, Æsop, hei!

XXII

Det gik en uke. Jeg leiet smedens båt og fisket til mat. Edvarda og den fremmede

меня и погнало прочь.

Погоди, постой минутку, сказал я сам себе уже на опушке. Отец небесный, да когда же все это кончится! Вдруг меня бросило в жар, и я застонал в бессильной злобе.

Нет, не осталось у меня ни чести, ни гордости, неделю, не более, я пользовался милостью Эдварды, это давно позади, пора бы и опомниться. А мое сердце все не устанет звать ее, и о ней кричат дорожная пыль, воздух, земля у меня под ногами. Отец небесный, да что же это такое...

Я пришел в сторожку, приготовил рыбу и поел.

Все-то дни напролет ты надрываешь душу из-за жалкой школьницы, и пустые наважденья не отпускают тебя ночами. И душный воздух кольцом сжимает твою голову, спертый, прошлогодне пропахший воздух. А небо дрожит такой немислимой синевою, и горы зовут тебя к себе. Эй, Эзоп, живее!

22

Прошла неделя. Я попросил лодку у кузнеца и питался рыбой. Эдварда и

baron var altid sammen om kvælden når han kom hjem fra sjøen, jeg så dem engang ved møllen. En kvæld kom de begge gående forbi min hytte, jeg trak mig bort fra vinduet og stængte sagte min dør for alle tilfældes skyld.

Det gjorde aldeles intet indtryk på mig å se dem sammen; jeg trak på akslen. En kvæld traf jeg dem på veien og vi hilste til hverandre, jeg lot baronen hilse først og tok selv med et par fingrer op til luen for å være uhøflig. Jeg gik sagte forbi dem og så likegyldig på dem imens.

En dag forløp igjen.

Hvor mange, lange dager var nu ikke forløpet! En nedtrykt sindsstemning behersket mig, mit hjærte grundet målløst over tingene, selv den venlige grå sten ved min hytte stod som med et uttryk av pine og fortvilelse når jeg gik forbi. Det stundet mot regn, varmen stod formelig og hivet foran mig hvor jeg vendte mig hen, det var gigt i min venstre fot, jeg hadde set en av hr. Macks hester ryste sig i skjækerne om

приезжий барон все вечера, как он возвращался с моря, проводили вместе, я видел их раз возле мельницы. Другой раз они прошли мимо моей сторожки, я отпрянул от окна и тихонько затворил дверь на засов, на всякий случай.

Я увидел их вместе, и это не произвело на меня никакого впечатления, ровным счетом никакого, я только пожал плечами. Еще как-то вечером я столкнулся с ними на дороге, мы раскланялись, я выждал, пока поклонится барон, а сам лишь двумя пальцами тронул картуз, чтоб выказать невежливость. Когда мы поравнялись, я замедлил шаг и равнодушно смотрел в их лица.

Еще день минул.

Сколько уже их минуло, этих дней, долгих дней! Сердце не отпускала тоска, в голове неотступно стояло все одно и то же, даже милый серый камень подле сторожки как-то безнадежно и горько глядел на меня, когда я к нему приближался. Шло к дождю, стоял тяжкий плотный жар, левую ногу мою ломило, утром я видел, как жеребец господина Мака брыкался в оглоблях; мне ясно было

<p>morgningen; alt dette hadde sin betydning for mig som veirvarsler. Det er bedst å forsyne huset med mat mens det er godveir, tænkte jeg.</p> <p>Jeg bandt Æsop, tok mine fiskeredskaper og min børs med og gikk ned til bryggen. Jeg var ganske usædvanlig beklemmt.</p> <p>Når kommer postskibet? spurte jeg en fisker.</p> <p>Postskibet? Det kommer om tre uker, svarte han.</p> <p>Jeg venter min uniform, sa jeg.</p> <p>Derpå traf jeg en av hr. Macks krambodbetjenter. Jeg tok hans hånd og sa:</p> <p>Si mig for Kristi skyld, spiller I aldrig mere whist på Sirilund?</p> <p>Jo ofte, svarte han.</p> <p>Pause.</p> <p>Jeg har ikke kunnet komme med i det siste, sa jeg.</p> <p>Jeg rodde ut til min fiskegrund. Veiret var blitt trykkende, myggene samlet sig i sværmer og jeg måtte røke tobak hele</p>	<p>значенье всех этих примет. Надо запастись едой, пока стоит погожая пора, подумал я.</p> <p>Я взял Эзопа на поводок, захватил рыболовные снасти и ружье и отправился к пристани. Тоска мучила меня больше обычного.</p> <p>— Когда ждут почтового парохода? — спросил я одного рыбака.</p> <p>— Почтового парохода? Через три недели, — ответил он.</p> <p>— Мне выслали мундир, — сказал я.</p> <p>Потом я встретил одного из приказчиков господина Мака. Я пожал ему руку и спросил:</p> <p>— Скажите мне, Христа ради, неужто вы так-таки больше и не играете в вист?</p> <p>— Как же! Играем. И часто, — ответил он.</p> <p>Пауза.</p> <p>— Мне последнее время все не случалось составить вам компанию, — сказал я.</p> <p>Я поплыл к своей отмели. Сделалось совсем душно, тяжело, мошकारа роилась тучами, я только</p>
---	---

tiden for å berge mig. Hyserne bet, jeg trak tvehaket, jeg gjorde en god fangst. På hjemveien skjøt jeg to alker.

Da jeg kom til bryggen stod smeden der. Han stod i arbeide. Det farer en tanke gjennom mig, jeg spør ham:

Får jeg følge hjem?

Nei, svarer han, hr. Mack har git mig arbeide like til midnat.

Jeg nikket og tænkte ved mig selv at det var godt.

Jeg tok min fangst med og gik, jeg la veien om smedens hus. Eva var alene hjemme.

Jeg længtet så hjærtelig efter dig, sa jeg til hende. Og jeg blev bevæget ved synet av hende, hun kunde knapt se på mig for forundring. Jeg elsker din ungdom og dine gode øine, sa jeg. Straf mig nu idag fordi jeg har tænkt mere på en anden end på dig. Hør, jeg kommer til dig bare for å se på dig, du gjør mig vel, jeg er kjær i dig. Hørte du at jeg ropte på dig inat?

Nei, svarte hun forfærdet.

Jeg ropte på Edvarda, jomfru Edvarda,

тем и спасался, что курил. Пикша клевала, я удил на две удочки, улов был славный. На возвратном пути я подстрелил двух чистиков.

Когда я причалил к пристани, там стоял кузнец. Он работал. Меня осеняет внезапная мысль, я говорю кузнецу:

— Пойдемте вместе домой?

— Нет, — отвечает он, — господин Мак задал мне работы до самой полуночи.

Я кивнул и про себя подумал, что это хорошо.

Я взял свою добычу и пошел, я выбрал ту дорогу, что вела к дому кузнеца. Ева была одна.

— Я так по тебе соскучился, — сказал я ей. Меня тронуло ее смущенье, она почти не глядела на меня. — Ты такая молодая, у тебя такие добрые глаза, до чего же ты милая, — сказал я. — Ну накажи меня за то, что о другой я думал больше, чем о тебе. Я пришел только одним глазком на тебя взглянуть, мне так хорошо с тобою, девочка ты моя. Слыхала ты, как я звал тебя ночью?

— Нет, — отвечала она в испуге.

— Я звал Эдварду, йомфру

men jeg mente dig. Jeg vaknet av det. Jo jeg mente dig, jeg var undskyldt, jeg forsnakket mig da jeg sa Edvarda. Men lat os ikke tale mere om hende. Gud hvor du er min kjæreste pike, Eva! Du har så rød mund idag. Du har smukkere føtter end Edvarda, se bare selv. — Jeg løftet op hendes kjole og viste hende hendes egne ben.

En glæde som jeg endnu aldrig har set hos hende fløi over hendes ansigt; hun vil vende sig bort, men betænker sig og slår den ene arm om min hals.

En tid går. Vi taler sammen, sitter hele tiden på en lang bænk og taler til hverandre om mange ting. Jeg sa:

Vil du tro det, jomfru Edvarda har ikke lært å tale endnu, hun taler som et barn, hun sier «mere lykkeligere», jeg har selv hørt det. Synes du at hun har en vakker pande? Det synes ikke jeg. Hun har en djævelsk pande. Hun vasker heller ikke sine hænder.

Vi skulde jo ikke snakke mere om hende?

Riktig. Jeg glemte det bare.

En tid går igjen. Jeg tænker på noget, jeg tier.

Hvorfor blir dine øine våte? spør Eva.

Эдварду, но я думал о тебе. Я даже проснулся. Ну да, я сказал — Эдварда, но знаешь что? Не будем больше про нее говорить. Господи, до чего же ты у меня хорошая, Ева! У тебя такой красный рот, сегодня особенно. И ножки твои красивее, чем у Эдварды, вот, сама погляди.

Я приподнял ей юбку, чтоб она посмотрела на свои ноги.

Радость, какой прежде у нее не видывал, ударяет ей в лицо; она хочет отвернуться, но одумывается и одной рукой обнимает меня за шею.

Идет время. Мы болтаем, сидим на длинной скамье и болтаем о том о сем. Я сказал:

— Поверишь ли, йомфру Эдварда до сих пор не выучилась верно говорить, она говорит как дитя, она говорит «более счастливее», я сам слышал. Как по-твоему, красивый у нее лоб? По-моему, некрасивый. Ужасный лоб. И рук она не моет.

— Но мы ведь решили больше про нее не говорить?

— Верно. Я просто забыл.

Опять идет время. Я задумался, я молчу.

— Отчего у тебя мокрые глаза? —

Hun har forresten en vakker pande, sier jeg, og hendes hænder er altid rene. Det var bare en tilfældighet at de var skitne engang. Jeg mente ikke å si andet. — Men nu fortsætter jeg hidsig og med sammenbitte tænder: Jeg sitter uavlatelig og tænker på dig, Eva; men det falder mig ind at du kanskje ikke har hørt hvad jeg nu vil fortælle dig. Den første gang Edvarda så Æsop sa hun: Æsop, det var jo en vismand, han var frygier. Er det ikke naragtig? Hun hadde læst det i en bok den samme dag, det er jeg sikker på.

Ja, sier Eva, men hvad så?

Såvidt jeg mindes talte hun også om at Æsop hadde hat Xanthus til lærer.

Наahaha.

Jaså.

Hvad satan er nu det å fortælle en forsamling at Æsop har hat Xanthus til lærer? Jeg spør bare. Åk du er ikke oplagt idag, Eva, ellers vilde du le dig syk av det.

Jo jeg synes også at det er morsomt, sier

спрашивает Ева.

— Да нет, лоб у нее красивый, — говорю я, — и руки у нее всегда чистые. Она просто случайно один раз их запачкала. Я это только и хотел сказать.

Однако же я продолжаю, торопясь, сжав зубы:

— Я день и ночь думаю о тебе, Ева; и просто мне пришло на ум кое-что тебе рассказать, ты, наверное, еще этого не слыхала, вот послушай. Когда Эдварда первый раз увидела Эзопа, она сказала: «Эзоп — это был такой мудрец, кажется, фригиец». Ну не глупо ли? Она ведь в то же утро вычитала об этом в книжке, я совершенно убежден.

— Да? — говорит Ева. — А что ж тут такого?

— Насколько я припоминаю, она сказала еще, что учителем Эзопа был Ксанф. Ха-ха-ха!

— Да?

— На кой черт оповещать собравшихся о том, что учителем Эзопа был Ксанф? Я просто спрашиваю. Ах, ты нынче не в духе, Ева, не то бы ты умерла со смеху.

— Нет, это, верно, и правда весело,

Eva og begynder å le anstrængt og forundret. Men jeg forstår det ikke så godt som du.

Jeg tier og tænker, tier og tænker.

Vil du at vi helst skal sitte stille og ikke si noget? spør Eva sagte. Godheten lyste ut av hendes øine, hun tok mig over håret med sin hånd.

Du gode, gode sjæll utbryter jeg og trykker hende hæftig ind til mig. Jeg er sikker på at jeg forgår av kjærlighet til dig, jeg elsker dig mere og mere, tilslut blir du med mig når jeg reiser. Du skal bare se. Kunde du følge med mig?

Ja, svarer hun.

Jeg hører næsten ikke dette ja, men jeg føler det av hendes pust, jeg mærker det på hende, vi holder vildt om hverandre og hun gir sig så sanseløst bort.

En times tid efter kysser jeg Eva til avsked og går. Jeg møter hr. Mack i døren.

Hr. Mack selv.

Han rykker til og stirrer ind i stuen, blir stående der på dørstokken og stirre. Nå! sier han og kan ikke få sagt mere, han er

— говорит Ева и старательно, удивленно смеется, — только я ведь не могу этого понять так, как ты.

Я молчу и думаю, молчу и думаю.

— Давай совсем не будем разговаривать, просто так посидим, — говорит Ева тихо. Она погладила меня по волосам, в глазах ее светилась доброта.

— Добрая ты, добрая душа! — шепчу я и прижимаю ее к себе. — Я чувствую, что погибаю от любви к тебе, я люблю тебя все сильнее и сильнее, я возьму тебя с собой, когда уеду. Вот увидишь. Ты поедешь со мной?

— Да, — отвечает она.

Я едва различаю это «да», скорее угадываю по ее дыханию, по ней самой, мы сжимаем друг друга в объятьях, и уже не помня себя она предается мне.

Час спустя я целую Еву на прощанье и ухожу. В дверях я сталкиваюсь с господином Маком.

С самим господином Маком.

Его передергивает, он стоит и смотрит прямо перед собой, стоит на пороге и ошалело смотрит в комнату.

som slåt fortumlet.

De hadde ikke ventet å finde mig her?
sier jeg og hilser.

Eva rører sig ikke.

Hr. Mack fatter sig, en mærkværdig
sikkerhet lægger sig over ham, han
svarer:

De tar feil, det er netop Dem jeg søker.

Jeg vil gjøre Dem opmærksom på at fra
første april til femtende august er det
forbudt å løse skudd inden en
ottendedels mil fra æg- og dunvær. De
har idag skutt to fugler ved øen, der er
folk som har set Dem.

Jeg skjød to alker, sa jeg slagen. Det gik
op for mig på stedet at manden var i sin
ret.

To alker eller to edderfugler, det er like
meget. De har været indenfor fredlyst
område.

Jeg erkjender det, sa jeg. Det har ikke
faldt mig ind før nu.

Men det burde ha faldt Dem ind før nu.

Jeg har også i mai måned skutt av begge
mine løp omtrent på samme sted. Det
var på en øtur. Det skedde på Deres
egen anmodning.

— Н-да! — говорит он и больше не
может выдать ни звука.

— Не ожидали меня тут застать?
— говорю и кланяюсь.

Ева сидит, не шелохнувшись.

Господин Мак приходит в себя, он
уже совершенно спокоен, как ни в
чем не бывало, он отвечает:

— Ошибаетесь, вас-то мне и надо.

Я принужден вам напомнить, что,
начиная с первого апреля и вплоть до
пятнадцатого августа, запрещается
стрелять в расстоянии менее четверти
мили от мест, где гнездятся гагары.
Вы пристрелили сегодня на острове
двух птиц. Вас видели, мне передали.

— Я убил двух чистиков, —
ответил я, опешив. До меня вдруг
доходит, что ведь он в своем праве.

— Два ли чистика или две гагары
— значения не имеет. Вы стреляли
там, где стрелять запрещено.

— Признаю, — сказал я, — я этого
не сообразил.

— Но вам бы следовало это
сообразить.

— Я и в мае стрелял из обоих
стволов на том же приблизительно
месте. Это произошло во время
прогулки к сушильням. И по личной

Det er en anden sak, sa hr. Mack kort.

Men så for djævelen, så vet De vel hvad De har å gjøre?

Såre vel, svarte han.

Eva holdt sig i beredskap; da jeg gik ut fulgte hun efter, hun hadde tat et tørklæ på og gik bort frå huset, jeg så hende ta veien ned til bryggerne. Hr. Mack vandret hjem.

Jeg tænkte over det. For en smidighet i å finde på en utveil hvor hans øine ståk! Et skudd, to skudd, et par alker, en mulkt, en utbetaling. Og så var alt, alt opgjort med hr. Mack og hans hus. Alt gik i grunden så overmåte smukt og hurtig ....

Det begyndte allerede å regne med store, bløte dråper. Skjorene fløi langsmed jorden og da jeg kom hjem og slåp Æsop løs åt den græs. Vinden begyndte å suse.

XXIII

вашей просьбе.

— То дело другое, — отрубил господин Мак.

— Ну так, черт побери, вы и сами прекрасно знаете, что вам теперь делать!

— Очень даже знаю, — ответил он.

Ева только и ждала, когда я пойду, и вышла следом за мною, она покрылась платком и пошла прочь от дома, я видел, как она свернула к пристани. Господин Мак отправился в Сирилунн.

Я все думал и думал. До чего же ловкий выход нашел господин Мак! И какие колючие у него глаза! Выстрел, два выстрела, два чистика, штраф, уплата. И, стало быть, все, все кончено с господином Маком и его семейством. Все, в сущности, сошло как нельзя глаже, и так быстро...

Уже начинался дождь, упали первые нежные капли. Сороки летали по-над самой землей, и когда я пришел домой и выпустил Эзопа, он стал есть траву. Поднялся сильный ветер.

23

En mil nedenunder mig ser jeg havet.
Det regner og jeg er tilfjælds, en
berghammer beskytter mig mot regnet.
Jeg røker på min snadde, røker den ene
pipe elter den andre, og hver gang jeg
tænder kravler tobakken op som
glødende småormer av asken. Således
myldrer også tankerne i mit hode. Foran
mig på marken ligger en bundt tørre
kvister av et ruineret fuglerede. Og
således som dette fuglerede er er også
min sjæl.

Jeg husker hver minste bagatel av denne
og den næste dags oplevelser. Hoho,
hvor jeg blev ilde tilredt ....

Jeg sitter her tilfjælds og havet og luften
suser, det koker og klager grufuldt i
mine ører av vind og veir. Jægter og
jagter ses langt ute med revede seil, det
er folk ombord, de skal vel et sted hen,
og Gud vet hvor alle disse liv skal hen,
tænker jeg.

Havet reiser sig skummende tilveirs og
tumler, tumler, det er som befolket av
store, rasende skikkelser som slår ut
med lemmerne og brøler til hverandre,
nei det er en fest blandt ti tusen pipende
djævler som sætter hodet ned i akslerne

В миле подо мной море. Обломный
дождь, а я в горах, и выступ скалы
защищает меня от дождя. Я курю
свою носогрейку, набиваю и набиваю
без конца, и всякий раз, как я
поджигаю табак, в нем оживают и
копошатся красные червячки. И в
точности как эти красные червячки,
роятся мои мысли. Рядом на земле
валяется пучок прутьев из
разоренного гнезда. И в точности как
это гнездо — моя душа.

Любую мелочь, любой пустяк из
того, что случилось в тот день и
назавтра, я помню. Хо-хо, и скверно
же мне пришлось...

Я в горах, а море и ветер воют,
ужасно стонет, шумит над ухом
непогода. Барки и шхуны бегут
вдаль, зарифив паруса, там люди,
видно, им куда-то надо, и я думаю:
господи, куда это их несет в такую
непогодь?

Море вскипает, взлетает и падает,
падает, все оно словно толпа
взбешенных чудищ, что с рыком
кидаются друг на друга, или нет,
словно несчетный хоровод воющих
чертей, что скачут, втянув головы в

og kredser omkring, piskende havet hvitt med vingspidserne. Langt, langt ute ligger et blindskjær, av dette blindskjær reiser sig en hvit havmand og ryster sit hode efter en læksprungen råseiler som lænser tilhavs for vinden, hoho, tilhavs, ut i det øde hav ....

Jeg glæder mig over at jeg er alene, at ingen kan se mine øine, jeg læner mig tillitsfuldt ind til klippevæggen og vet at ingen kan stå og iagttå mig bakfra. En fugl svæver over fjældet med et sprængt skrik, i samme øieblik løsner en klippeblok et stykke borte og ruller ned mot havet.

Og jeg blir sittende der en tidlang stille, jeg falder hen i hvile, det bæver en lun følelse av hygge gjennom mig fordi jeg kan sitte så trygt i skjul mens regnet vedblir å falde ned utenfor. Jeg knappet min trøie sammen og takket Gud for min varme trøie. Det gik endnu en tid. Jeg sovnet.

Det er ettermiddag, jeg går hjem, det regner endnu. Da møter mig noget usædvanlig. Edvarda står foran mig på stien. Hun er gjennernbløtt som om hun har været længe ute i regnet, men hun smiler.

плечи, и добела взбивают море ластами. Где-то там, далеко-далеко, лежит подводный камень, с него поднимается водяной и трясет белой гривой вслед валким суденышкам, которые летят навстречу ветру и морю, хо-хо! — навстречу морю, злому морю...

Я рад, что я один, что никто не видит моих глаз, я приник к скале, это моя опора, и я спокоен, что никто не подкрадется и не станет глядеть на меня со спины. Птица проносится над горой с пронзительным криком, в то же мгновение чуть поодаль обрывается в море скала.

А я сижу, не шевелясь, и мне так покойно, сердце вдруг уютно замирает, оттого что я надежно укрыт от дождя, а он все льет и льет. Я застегнул куртку и благодарил бога за то, что она у меня такая теплая. Время шло. Я прикорнул.

Дело к вечеру, я иду домой, дождь все льет. И вот неожиданность. Передо мной на тропинке стоит Эдварда. Она промокла до нитки, видно, долго стояла на дожде, но она улыбается.

Nåda! tænker jeg straks, og en harme griper mig, jeg klemmer med rasende fingrer om min børsе og jeg går hende imøte således skjønt hun smiler.

Goddag! roper hun først.

Jeg venter til jeg er kommet hende nogen skridt nærmere og sier:

Jeg hilser Dem skjønjomfru!

Hun studser over min spøkefuldhet. Åk jeg visste ikke hvad jeg sa. Hun smiler frygtsomt og ser på mig.

Har De været tilfjælds idag! spør hun. Så er De blit våt. Jeg har et tørklæ her, om De vil ta det om Dem, jeg har det tilovers .... Nei De kjender mig ikke igjen. Og hun slår øinene ned og ryster på hodet da jeg ikke mottar tørklædet.

Et tørklæ? svarer jeg og griner av sinne og forundring. Men jeg har en trøie her, vil De låne den? Jeg har den tilovers, jeg vilde ha lånt den bort til hvemsomhelst så De kan trygt ta den. En fiskerkone skulde med glæde ha fat låne den.

Jeg så at hun var spændt på hvad jeg vilde si, hun lyttet i den grad

Ну вот! — думаю я, и меня охватывает злость, я изо всех сил сжимаю ружье и, не обращая никакого внимания на ее улыбку, я иду ей навстречу.

— Добрый день! — кричит она первая.

Я сначала подхожу еще на несколько шагов и только тогда говорю:

— Привет вам, дева красоты!

Ее передергивает от этой игривости. Ах, я сам не соображал, что говорю! Она улыбается робко и смотрит на меня.

— Вы были в горах? — спрашивает она. — Так, значит, вы промокли. Вот у меня платок, возьмите, он мне не нужен... Нет! Вы не хотите меня знать. — И она опускает глаза и качает головой.

— Платок? — отвечаю я и морщусь от злобы и удивленья. — Да вот у меня куртка, не хотите ли? Она мне не нужна, я все равно отдам ее первому встречному, так что берите, не стесняйтесь. Любая рыбачка с радостью ее возьмет.

Я видел, что она ловит каждое мое слово, она вся напряглась, и это вовсе

forventningsfuldt at hun blev styg og glemte å holde munden sammen. Hun står der med tørklædet i hånden, det er et hvitt silketørklæ, hun har tat det av halsen. Jeg river også min trøie av. For Guds skyld, ta den på igjen! roper hun. De skal ikke gjøre det. Er De så sint på mig? Nei Herregud, ta da trøien på igjen før De blir gjennomvåt.

Jeg trak trøien på igjen.

Hvor skal De hen? spurte jeg dumpt.

Nei ingen steder .... Jeg forstår ikke at De kunde trække trøien av ....

Hvor har De baronen idag? spurte jeg videre. I dette veir kan jo ikke greven være på sjøen ....

Glahn; jeg vilde bare si Dem noget ....

Jeg avbryter hende:

Tør jeg be Dem bringe hertugen min hilsen.

Vi ser på hverandre. Jeg står færdig til å møte hende med flere avbrytelser hvis hun åpner munden. Endelig glir et smærtelig træk over hendes ansigt, jeg ser bort og sier:

Oprigtig talt, gi den prins en kurv, jomfru Edvarda. Det er ikke nogen

к ней не шло, у нее оттопырилась нижняя губа. Она так и стоит с платком в руке, платок белый, шелковый, она сняла его с шеи. Я стаскиваю с себя куртку.

— Бога ради, скорее наденьте куртку! — кричит она. — Зачем вы, зачем? Неужто вы так на меня сердитесь? О Господи, наденьте же куртку, вы промокнете насквозь.

Я натянул куртку.

— Вам куда? — спросил я безразлично.

— Да так, никуда... Не пойму, зачем было снимать куртку...

— Куда вы подевали барона? — спрашиваю я далее. — В такую погоду граф едва ли на море...

— Глан, я хотела вам сказать одну вещь...

Я обрываю ее:

— Смею ли просить вас передать поклон герцогу?

Мы глядим друг на друга. Я готов оборвать ее снова, как только она раскроет рот. Наконец у нее страдальчески передергивается лицо, я отвожу глаза и говорю:

— Откровенно говоря, гоните-ка вы принца, мой вам совет, йомфру

mand for Dem. Jeg forsikrer Dem for, i disse dager går han og funderer på om han skal gjøre Dem til sin kone eller ei, og det kan De ikke være tjent med.

Nei det vil vi ikke tale om; vel? Glahn, jeg har tænkt på Dem, De kunde ta Deres trøie av og bli gjennomvåt for en andens skyld, jeg kommer til Dem ....

Jeg trækker på akslerne og fortsætter:

Jeg foreslår Dem doktoren istedet. Hvad har De å utsætte på ham? En mand i sine bedste år, et utmærket hode. Taenk på det.

Hør på mig bare et minut ....

Æsop, min hund, venter mig i hytten.

Jeg tok luen av, hilste hende og sa atter:

Jeg hilser Dem, skjønjomfru.

Dermed begyndte jeg å gå.

Hun opløftet et skrik:

Nei riv ikke mit hjaerte ut av mig. Jeg kom til dig idag, jeg passet dig op her og jeg smilte da du kom. Igår var jeg næsten fra forstanden fordi jeg hadde tænkt på noget hele tiden, det gik rundt for mig og jeg tænkte altid på dig.

Idag sat jeg i stuen, et menneske kom

Эдварда. Он не для вас. Поверьте, он все эти дни прикидывает, брать ли вас в жены или не брать, что для вас не так уж лестно.

— Нет, не надо об этом говорить, ладно? Глан, я думала о вас, вы готовы снять с себя куртку и промокнуть ради другого человека, я к вам пришла...

Яжимаю плечами и продолжаю свое:

— Взамен предлагаю вам доктора. Чем не хорош? Мужчина во цвете лет, блестящий ум. Советую вам подумать.

— Выслушайте меня. Всего минуту...

— Эзоп, мой пес, ждет меня в сторожке. — Я снял картуз, поклонился и опять сказал: — Привет вам, дева красоты.

И я пошел.

Тогда она кричит, кричит в голос:

— Нет, не разрывай мне сердце. Я пришла к тебе, я ждала тебя тут и улыбалась, когда тебя увидела. Вчера я чуть рассудка не лишилась, я думала все об одном, мне было так плохо, я думала только о тебе.

Сегодня я сидела у себя, кто-то

ind, jeg så ikke op, men jeg visste hvem det var som kom. Jeg rodde igår en halv fjerding, sa han. Blev De ikke træt? spurte jeg. Åk jo, meget træt, og jeg fik blærer i mine hænder, sa han så og var bedrøvet derover. Jeg tænkte: Se, det er nu han bedrøvet over!

En stund efter sa han: Jeg hørte inat en hvisken utenfor mine vinduer, det var Deres husjomfru og Deres ene krambodbetjent i intim samtale. Ja, de skal ha hverandre, sa jeg. Ja men dette var klokken tol Hvad så? spurte jeg og jeg sa litt efter: Natten er deres egen. Da flyttet han sine guldbriller op på næsen og bemærket: Men ikke sandt, synes De ikke, midt på natten, det ser ikke godt ut? Jeg så fremdeles ikke op og vi sat således i ti minutter.

Må jeg bringe Dem et sjal om Deres aksler? spurte han. Nei tak, svarte jeg. Den som torde ta Deres lille hånd? sa han. Jeg svarte ikke, min tanke var andre steder henne. Han la en liten æske i mit fang, jeg åpnet æsken og fandt en nål i den. Nålen hadde en krone og jeg talte ti stener i den ... . Glahn, jeg har

вошел, я не подняла глаз, но я знала, кто это. «Я вчера прогреб полмили», — сказал он. «Не устали?» — спросила я. «Ну как же, ужасно устал и натер пузыри на ладонях», — сказал он; он был этим очень огорчен. А я думала: нашел, чем огорчаться!

Потом он сказал: «Ночью у меня под окном шептались; это ваша горничная любезничала с приказчиком». «Да, у них любовь», — сказала я. «Но ведь в два часа ночи!» — «Ну и что же? — спросила я, помолчала и прибавила: — Ночи у них не отнять». Тогда он поправляет свои золотые очки и замечает: «Однако не кажется ли вам, что шептаться под окном посреди ночи не совсем прилично?» Я все не смотрела на него, так мы просидели минут десять.

«Разрешите, я принесу вам шаль?» — спросил он. «Спасибо, не надо», — ответила я. «И кому-то достанется эта ручка?» — сказал он. Я не ответила, мысли мои были далеко. Он положил мне на колени шкатулку, я раскрыла ее, там лежала брошка. На брошке была корона, я насчитала в

nålen her, vil du se den? Den er trådt
istykker; kom bare og se at den er trådt
istykker ....

Nuvel, hvad skal jeg med den nål?
spurte jeg. De skal pryde Dem med den,
svarte han. Men jeg rakte ham nålen
tilbake og sa: Lat mig være, jeg tænker
mere på en anden. Hvilken anden?
spurte han. En jæger, svarte jeg, han har
git mig bare to deilige fjær til erindring,
men ta Deres nål tilbake. Men han vilde
ikke ta nålen tilbake. Jeg så for første
gang på ham, hans øine var
gjennemtrængende.

Jeg tar ikke nålen tilbake, gjør med den
hvad De vil, træd på den, sa han. Jeg
reiste mig og la nålen under min hæl og
trådte på den. Dette var imorges .... I fire
timer gik jeg og ventet; efter middag
begav jeg mig ut. Han møtte mig op på
veien. Hvor skal De hen? spurte han. Til
Glahn, svarte jeg, jeg vil be ham om
ikke å glemme mig ....

Siden klokken ett har jeg ventet her, jeg
stod ved et træ og så dig komme, du var
som en gud. Jeg elsket din skikkelse, dit
skjæg og dine aksler, alt hos dig elsket

ней десять камешков... Глан, она у
меня тут, хочешь посмотреть? Она
вся раздавлена, вот подойди,
посмотри, она вся раздавлена...

«Ну, а зачем мне эта брошка?» —
спросила я. «Для украшения», —
ответил он. Но я протянула ему
брошку и сказала: «Оставьте меня, я
думаю о другом». — «Кто же он?» —
«Охотник, — ответила я. — Он
подарил мне лишь два чудесных пера
на память. А брошку свою вы
заберите себе». Но он не взял
брошку. Только тут я на него
поглядела, глаза его пронизывали
меня насквозь.

«Я не возьму брошку, сделайте с
ней, что вам угодно, хоть
растопчите», — сказал он. Я встала,
положила брошку под каблук и
раздавила. Это было утром... Четыре
часа я бродила по дому, в полдень я
вышла. Он ждал на дороге. «Куда
вы?» — спросил он. «К Глану, —
ответила я, — я попрошу его не
забывать меня...»

С часу я ждала тебя тут, я стояла
под деревом и увидела, как ты идешь,
ты был точно бог. Я смотрела, как ты
идешь, я видела твою походку, твою

jeg .... Nu er du utålmodig, du vil gå, bare gå, jeg er dig likegyldig, du ser ikke på mig ....

Jeg var stanset. Da hun tidde begyndte jeg atter å gå. Jeg var utslitt av fortvilelse og smilte, mit hjærte var hårdt.

Det er sandt, sa jeg og stanset igjen. De vilde jo si mig noget?

Denne spot gjorde hende træt av mig. Vilde jeg si noget? Ja men jeg sa noget; har De ikke hørt det? Nei intet, intet har jeg å si Dem mere ....

Hendes røst ryster sælsomt, men det rører mig ikke.

XXIV

Den næste morgen står Edvarda utenfor hytten idet jeg træder ut.

Jeg hadde i nattens løp overveiet alt og tat min beslutning. Nei hvorfor skulde jeg længer la mig forblinde av dette lunefulde menneske, en fiskerpике, et ulærd hode; hadde ikke hendes navn sittet længe nok i mit hjærte og suget det

бороду и твои плечи, как я любила все в тебе... Но тебе не терпится, ты хочешь уйти, поскорее уйти, я не нужна тебе, ты на меня не глядишь...

Я стоял. Когда она умолкла, я снова пошел. Я слишком намучился, и я улыбался, я одеревенел.

— Ах да, — бросил я, приостанавливаясь. — Вы ведь хотели мне что-то сказать?

И вот тут-то я надоел ей.

— Сказать? Но я уже все сказала. Вы что, не слышали? Нет, мне нечего, нечего больше вам сказать...

Голос ее странно дрожит, но это не трогает меня.

24

Наутро, когда я выхожу, Эдварда стоит у дорожки.

За ночь я все обдумал и решил. Нет, больше я не дам себя морочить этой своевольной девчонке, темной рыбачке; хватит, и так уж слишком долго ее имя неотступно стояло у меня в голове и мучило меня.

ut? Nok herom!

Det faldt mig ellers ind at jeg kanskje var kommet hende nærmere netop ved å vise hende likegyldighet og spotte hende. Åk hvor jeg hadde hånet hende henrivende: efter at hun har holdt en tale på flere minutter sier jeg rolig: Det var sandt, De vilde jo si mig noget ....

Hun stod ved stenen. Hun var i høi grad ophidset og vilde løpe mig imøte, hun bredte allerede armene ut, men blev stående og vri sine hænder. Jeg tok til luen og hilste hende taus.

Idag er det en eneste ting jeg vil Dem, Glahn, sa hun indtrængende. Og jeg rørte mig ikke, bare for å få høre hvad hun vilde si. Jeg har hørt at De har været hos smedens. Det var en kvæld. Eva var alene hjemme.

Jeg studset og svarte:

Av hvem har De låt den underretning?

Jeg spionerer ikke, ropte hun; jeg hørte det igåraftes, min far fortalte mig det.

Da jeg kom så gjennemvåt hjem igåraftes sa min far: Du har idag forhånet baronen. Nei, svarte jeg. Hvor har du været henne nu? spurte han videre. Jeg svarte: Hos Glahn. Da

Довольно!

К тому же мне казалось, что как раз насмешничая и выказывая ей равнодушие, я поднялся в ее глазах. И ловко же я уязвил ее — она держит речь целых несколько минут, а я себе спокойно бросаю: ах да, вы ведь хотели мне что-то сказать...

Она стояла подле камня. Она была сама не своя и метнулась было мне навстречу, но сдержалась и стояла, ломая руки. Я притронулся к картузу и поклонился молча.

— Сегодня мне нужно от вас только одно, Глан, — заговорила она быстро. И я не двигался, просто мне захотелось послушать, что она такое скажет. — Я слыхала, вы были у кузнеца. Вечером. Ева была дома одна.

Я опешил и спросил:

— И кому вы обязаны этими сведениями?

— Я за вами не шпионю! — крикнула она. — Я узнала это вчера вечером, мне рассказал отец. Я пришла домой вчера вечером, я вся промокла, и отец меня спросил: «Ты надерзила барону?» — «Нет», — ответила я. «Где же ты была?» —

fortalte min far det.

Jeg bekjæmper min fortvilelse og sier:

Eva har endogså været her.

Har hun også været her? I hytten?

Flere ganger. Jeg har nødt hende inn. Vi har talt sammen.

Også her!

Pause. Hold dig stiv! tænker jeg og sier:

Da De er så elskværdig å blande Dem i mine saker vil jeg ikke stå tilbake. Jeg foreslog Dem igår doktoren; har De tænkt over det? Prinsen er jo nemlig for umulig.

En vrede tændes i hendes øine.

Vet De, han er ikke umulig! sier hun hæltig. Nei han er bedre end De, han kan være i et hus uten å slå kopper og glas istykker, mine sko tar være i fred for ham. Ja. Han vet å omgås folk, men De er latterlig, jeg skammer mig over Dem, De er ikke til å holde ut med, forstår De det!

Hendes ord rammet mig dypt, jeg bøiet hodet og svarte:

De har ret i at jeg kan ikke videre omgås folk. Vær barmhjertig; De forstår mig ikke, jeg bor helst i skogen, det er min glæde. Her i min ensomhet skader det

sprosil отец. Я ответила: «У Глана».

И тогда он мне рассказал.

Я преодолеваю тоску и говорю:

— Ева и тут бывала.

— Тут? В сторожке?

— Не раз. Я зазывал ее. Мы разговаривали.

— И тут!

Пауза. Спокойно! — думаю я и говорю:

— Раз уж вы взяли на себя труд входить в мои дела, и я в долгу не останусь. Вчера я предлагал вам доктора. Ну как, вы подумали? Принц ведь никуда не годится.

Глаза ее вспыхивают гневом.

— Так знайте же, он еще как годится! — кричит она. — Он лучше вас, куда лучше, он не колотит чашек и стаканов, и я могу быть спокойна за свои башмаки. Да. Он умеет себя вести, а вы смешны, я за вас краснею, вы несносны, слышите, несносны!

Слова ее больно обидели меня, я наклонил голову и ответил:

— Правда ваша, я отвык от общества. Будьте же добрее; вы не хотите меня понять, я живу в лесу, в этом моя радость. В лесу никому нет

ikke nogen at jeg er som jeg er; men når jeg kommer sammen med andre må jeg bruke al min flid for å være som jeg bør. Jeg har i to år været så lite i menneskers selskap ....

Man kan hvert øieblik vente sig det værste av Dem, fortsatte hun. Det blir i lengden mettende å passe på Dem.

Hvor hun sa det ubarmhjærtig! En såre bitter smærte gjennomfarer mig, jeg tumler næsten tilbake for hendes hidsighet. Ed varda holdt endnu ikke op, hun la til:

De kan kanskje få Eva til å passe på Dem. Det er bare skade at hun er gift. Eva. Sier De at Eva er gitt? spurte jeg.

Ja gift!

Hvem er hun gift med?

Det må De vel vite. Eva er gift med smeden.

Er hun ikke smedens datter?

Nei hun er hans kone. Tror De at jeg står her og lyver?

Jeg trodde intet derom, min forundring blev bare så stor. Jeg blev stående der og tænke: Er Eva gift?

Så De har jo gjort et heldig valg, sier

вреда от того, что я такой, какой я есть; а когда я схожусь с людьми, мне надо напрягать все силы, чтобы вести себя как должно. Последние два года я так мало бывал на людях...

— Всякую минуту вы можете выкинуть любую гадость, — продолжала она. — Устаешь за вами смотреть.

Как жестоко она это сказала! Мне так больно, я чуть не упал, будто она ударила меня. Но Эдварде этого мало, она продолжает:

— Пускай Ева за вами и смотрит. Вот жаль только, она замужем.

— Ева? Вы говорите, Ева замужем? — спросил я.

— Да, замужем!

— За кем же?

— Сами знаете. Ева жена кузнеца.

— Разве она не дочь его?

— Нет, она его жена. Уж не думаете ли вы, что я лгу?

Ничего я такого не думал, просто очень, очень велико было мое удивление. Я стоял и думал: неужто Ева замужем?

— Так что вас можно поздравить с

Edvarda.

Nå, det vilde ingen ende ta! Jeg begyndte å skjælte av forbitrelse og jeg sa:

Men ta nu De doktoren som jeg sier.

Lyd en vens råd; den prins er jo en halvgammel når. — Og jeg løi på ham i min ophidselse, overdrev hans alder, sa at han var skaldet, at han var næsten aldeles blind; jeg påstod også at han gik med den krone i sine skjorteknapper ene og alene lor å blære sig av sin adel. — Jeg har forøvrig ikke gidde lære ham å kjende, sa jeg. Det er intet i ham som markerer noget, han mangler hovedlinjerne, han er ikke noget.

Men han er noget, han er noget! skrek hun og hendes røst klikket av sinne. Han er meget mere end du tror, dit skogmenneske! Men vent du bare, å, han vil tale med dig, jeg skal be ham om det. Du tror ikke at jeg elsker ham, men du skal se at du tar feil.

Jeg vil gifte mig med ham, jeg skal tænke på ham nat og dag. Husk på at jeg sier: jeg elsker ham. Lat bare Eva

удачным выбором, — говорит Эдварда.

Ну когда же это кончится! Меня всего трясет, и я говорю:

— Так вот, подумайте-ка насчет доктора. Послушайте дружеского совета; ваш принц — старый дурак. — И я сгоряча наговорил на него лишнего, преувеличил его возраст, обозвал его плешивым, подслепым; еще я говорил, что корона на запонках нужна ему исключительно на то, чтоб кичиться своей знатностью. — Впрочем, я не искал ближе с ним познакомиться, увольте, — сказал я. — Он ничем не выдается, в чем его суть — не поймешь, он просто ничтожество.

— Нет, нет, он не ничтожество! — кричит она, и голос ее срывается от гнева. — Он совсем не такой, как ты воображаешь, лесной дикарь! Вот погоди, он еще с тобой потолкует, о, я попрошу его! Ты думаешь, я не люблю его, так ты скоро увидишь, что ошибся.

Я пойду за него замуж, я день и ночь буду думать о нем. Запомни, что я сказала: я люблю его. Пускай

komme, hååå Gud i himlen, lat hende bare komme, det er mig så usigelig likegyldig. Ja jeg må se å komme bort herfra .... Hun begyndte å gå nedover stien fra hytten, hun gjorde nogen små, ivrige skridt, vendte sig om endnu likblek i ansigtet og stønnet: Og kom aldrig for mine øine mere.

XXV

Løvet gulner, potetgræsset var vokset høit op og stod i blomst, jagttiden kom igjen, jeg skjød ryper, årfugl og harer, jeg skjød en ørn en dag. Stille, høi himmel, svale nætter, mange klare klange og skjære lyder i skog og mark. Stor og fredelig hvilte verden ....

Jeg har intet videre hørt fra hr. Mack angående de to alker jeg skjød, sa jeg til doktoren.

Det kan De takke Edvarda for, svarte han. Jeg vet det, jeg hørte at hun motsatte sig det.

Jeg takker hende ikke, sa jeg ....

Indian summer, indian summer. Stierne

приходит твоя Ева, ох, господи, пускай ее приходит, до чего же мне это все равно. Мне бы только поскорей уйти отсюда... — Она пошла прочь от сторожки, сделала несколько быстрых шажков, обернулась, белая как полотно, и простонала:

— И не смей попадаться мне на глаза.

25

Желтеют листья, картофельная ботва цветет высокими кустами; снова разрешили охоту, я стрелял куропаток, глухарей и зайцев, раз подстрелил орла. Пустое, тихое небо, ночи прохладны, звонкие звуки, легкие шумы ходят полями и лесом. Покойно раскинулся Божий мир...

— Что-то господин Мак больше не поминает двух чистиков, которых я подстрелил, — сказал я доктору.

— А это вы благодарите Эдварду, — ответил он, — я знаю, я сам слышал, как она за вас заступалась.

— Что мне ее благодарить, — сказал я.

Бабье лето... Тропки располосили

lå som bælder ind gennem den gulnende skog, en ny stjerne kom hver dag, månen skimtedes som en skygge, en skygge av guld dyppet i sølv ....

Gud hjælpe dig, du er jo gift, Eva?

Visste du det ikke?

Nei jeg visste det ikke.

Hun knuget taus min hånd.

Gud hjælpe dig, barn, hvad skal vi gjøre nu?

Hvad du vil. Du reiser kanskje ikke endnu, jeg vil være glad sålänge du er her.

Nei, Eva.

Jo jo, bare sålänge du er her!

Hun ser forlatt ut og knuger hele tiden min hånd.

Nei, Eva, gå! Aldrig mere!

Og nætter forløper og dager kommer. Det er allerede den tredje dag siden denne samtale. Eva går på veien med en bør. Hvormeget ved har dog dette barn båret hjem fra skogen i sommer! Læg børen ned, Eva, og lat mig se om dine øine er like blå.

желтый лес, что ни день, нарождается по новой звезде, месяц плавает тенью, золотой тенью, обмокнутой в серебро...

— Господь с тобой, ты замужем, Ева?

— А ты не знал?

— Нет, я не знал.

Она молчит и стискивает мою руку.

— Господь с тобой, дитя, что же нам теперь делать?

— Что хочешь. Ты ведь еще не едешь. Пока ты тут, я и рада.

— Нет, Ева.

— Да, да, только пока ты тут!

Она очень жалка, она все стискивает мою руку.

— Нет, Ева, ступай! Все кончено.

Проходят ночи, приходят дни. Вот уж три дня прошло с того разговора. Из лесу идет Ева с тяжелой вязанкой. Сколько дров перетаскала за лето бедная девочка!

— Положи вязанку, Ева, дай мне глянуть в твои глаза. Они синие, как и прежде?

<p>Hendes øine var røde.</p> <p>Nei smil igjen, Eva! Jeg motstår dig ikke lenger, jeg er din, jeg er din ....</p> <p>Kvæld. Eva synger, jeg hører hendes sang og det går en hete gjennom mig.</p> <p>Du synger ikkvæld, Eva?</p> <p>Ja jeg er glad.</p> <p>Og da hun er mindre end jeg hopper hun litt op for å række mig om halsen.</p> <p>Men Eva, du har revet dine hænder?</p> <p>Herregud, gid du ikke hadde revet dem!</p> <p>Det gjør ingenting.</p> <p>Hendes ansigt stråler så vidunderlig.</p> <p>Eva, har du talt med hr. Mack?</p> <p>En gang.</p> <p>Hvad sa han og hvad sa du?</p> <p>Han er blit meget hård mot os, han later min mand arbeide nat og dag på bryggen, mig sætter han også til alslags arbeide. Han har befalet mig å gjøre mandfolkarbeide.</p> <p>Hvorfor gjør han det?</p> <p>Eva ser ned.</p> <p>Hvorfor gjør han det, Eva?</p> <p>Fordi jeg elsker dig.</p> <p>Men hvordan kan han vite det?</p> <p>Jeg har sagt ham det.</p>	<p>Глаза у нее были красные.</p> <p>— Ну улыбнись же, Ева! Я не могу больше тебе перечить, я твой, я твой...</p> <p>Вечер. Ева поет, я слушаю ее песню, к горлу подкатывает комок.</p> <p>— Ты поешь сегодня, Ева?</p> <p>— Да, я так рада.</p> <p>И она поднимается на цыпочки, чтобы меня обнять, ведь она такая маленькая.</p> <p>— Ева, у тебя руки в ссадинах? Что бы я дал, чтоб на них не было ссадин!</p> <p>— Это не важно.</p> <p>И так чудесно сияет ее лицо.</p> <p>— Ева, ты говорила с господином Маком?</p> <p>— Один раз.</p> <p>— О чем же вы говорили?</p> <p>— Он к нам переменялся, заставляет мужа день и ночь работать на пристани, меня тоже заставляет работать без отдыха. Он задает мне мужскую работу.</p> <p>— Отчего он так?</p> <p>Ева смотрит в землю.</p> <p>— Отчего он так, Ева?</p> <p>— Оттого, что я люблю тебя.</p> <p>— Но откуда он мог это узнать?</p> <p>— Я ему сказала.</p>
--	---

Pause.

Gud gi at han ikke var så hård mot dig,

Eva!

Men det gjør ingenting. Ingenting gjør det nu.

Og ganske som en liten skjælvende sang lød hendes røst i skogen.

Og løvet gulner end mere, det ligger mot høsten, det er kommet nogen flere stjærner på himlen og månen ser fra nu av ut som en skygge av sølv som er dyppet i guld. Det var ingen kulde, ingenting, bare en sval stilhet og et strømmende liv i skogen. Hvert trø stod og tøykte. Børene var modne.

Så kom den to og tyvende august og de tre jærnnætter.

XXVI

Den første jærnnat.

Klokken ni går solen ned. Det legger sig et mat mørke over jorden, et par stjærner ses, to timer efter ses et skjær av månen.

Пауза.

— О Господи, хоть бы он подобрел к тебе, Ева!

— Да это не важно. Мне теперь все не важно.

И голос ее дрожит, словно тонкая песенка.

А листья все желтеют, дело к холодам, народилось много новых звезд, месяц кажется уже серебряной тенью, обмокнутой в золото. Еще не примораживало, только прохладная тишь стояла в лесу, и повсюду жизнь, жизнь. Всякое дерево призадумалось. Поспеи ягоды.

Потом наступило двадцать второе августа, и были три ночи, железные ночи, когда по северному календарю лету надо проститься с землей и уже пора осени надеть на нее свои железа.

26

Первая железная ночь.

В девять часов заходит солнце. На землю ложится мутная мгла, видны немногие звезды, два часа спустя мглу прорезает серп месяца.

Jeg vandrer tilskogs med min borse og min hund, jeg gjør en nying op og lyset fra mit bål skinner ind mellem furustammerne. Det er ingen frost. Den første jærnnat, sier jeg. Og en forvirrende hæftig glæde over tiden og stedet gjennomryster mig sælsomt ....

En skål, I mennesker og dyr og fugler, for den ensomme nat i skoger, i skoger!
En skål for mørket og Guds mumlen mellem træerne, for taushetens søte, enfoldige vellyd mot mine ører, for grønt løv og gult løv! En skål for den livets lyd jeg hører, en snøftende snute mot græsset, en hund som snuser henover jorden!

En stormende skål for den vildkat som ligger på strupen og sigter og bereder sig til spranget på en spurv i mørke, i mørke! En skål for den miskundelige stilhet på jorderik, for stjernene og for halvmånen, ja for dem og den! ....
Jeg reiser mig op og lytter. Ingen har hørt mig. Jeg setter mig igjen.

En tak for den ensomme nat, for bergene, mørkets og havets sus, det

Я иду в лес с моим ружьем, с моим псом, я развожу огонь, и отблески костра лижут стволы сосен. Не приморозило.

— Первая железная ночь, — говорю я вслух и весь дрожу от странной радости. — Какие места, какое время, как хорошо, боже ты мой...

Люди, и звери, и птицы, вы слышите меня? Я благословляю одинокую ночь в лесу, в лесу!
Благословляю тьму и шепот бога в листве, и милую, простую музыку тишины у меня в ушах, и зеленые листья, и желтые! И сплошной шум жизни в этой тиши, и обнюхивающего траву пса, его чуткую морду!

И припавшего к земле дикого кота, следящего воробушка во тьме, во тьме! Благословляю блаженный покой земного царства, и месяц, и звезды, да, конечно, их тоже!

Я встаю и вслушиваюсь. Нет, никто меня не слышал. Я снова сажусь.

Благодарю за одинокую ночь, за горы! За гул моря и тьмы, он в моем

suser gjennom mit hjærte! En tak for mit liv, for mit åndepust, for den nåde å leve inat, det takker jeg for av mit hjærte!
Hør i øst og hør i vest, nei hør! Det er den evige Gud!

Denne stilhet som mumler mot mit øre er alnaturens blod som syder, Gud som gjennomvæver verden og mig. Jeg ser en blank spindeltråd i skinnen av min nying, jeg hører en roende båt på havnen, et nordlys glir opover himlen i nord. Å, ved min udødelige sjæl, jeg takker også meget fordi det er mig som sitter her!

Stilhet. En furukongle falder dumpt til jorden. En furukongle faldt! tænker jeg. Månen er høit oppe, ilden flakker på de halvbrændte brande og vil gå ut. Og i den sene nat vandrer jeg hjem.

Den anden jærnnat, den samme stilhet og det milde veir. Min sjæl grubler. Jeg går mekanisk bort til et træ, trækker luen dypt ned i panden og læner mig med ryggen til dette træ, med hænderne foldet bak min nakke. Jeg stirrer og tænker, flammen fra min nying blænder mine øine og jeg føler det ikke.

Jeg står i denne meningsløse stilling en

сердце. Благодарю и за то, что я жив, что я дышу, за то, что я живу в эту ночь! Тес! Что это там, на востоке, на западе, что это там? Это Бог идет по пространствам! Тишь вливается в мои уши.

Это кровь кипит у вселенной в жилах, это работа кипит в руках у Творца, я и мир у него в руках. Костер озаряет блестящую паутинку, из гавани слышен всплеск весла, вверх по небу ползет северное сиянье. От всей своей бессмертной души благодарю за то, что мне, мне дано сидеть сейчас у костра!

Все тихо. Глухо падает на землю сосновая шишка. «Вот шишка упала!» — думаю я. Высоко стоит месяц, костер дрожит, догорает, скоро совсем загаснет. И на исходе ночи я иду домой.

Вторая железная ночь. Та же тишь и теплынь. Я все думаю, думаю. Я сам не замечаю, что делаю, я подхожу к дереву, надвигаю на лоб картуз и прислоняюсь спиной к стволу, сложа руки на затылке. Я смотрю на огонь и думаю, пламя слепит мне глаза, а я не чувствую.

Я долго стою в этом нелепом

god stund og ser på ilden; mine ben
svigter først og blir trøtte, ganske
stivbenet setter jeg mig ned. Først nu
tænker jeg over hvad jeg har gjort.
Hvorfor dog stirre så længe på ilden?

Æsop reiser hodet og lytter, den hører
trin, Eva viser sig mellem træerne.

Jeg er såre tankefuld og bedrøvet iaften,
sier jeg.

Og hun svarer av medfølelse intet.

Jeg elsker tre ting, sier jeg så. Jeg elsker
en kjærlighetsdrøm jeg hadde engang,
jeg elsker dig og jeg elsker denne plet
jord.

Og hvad elsker du mest?

Drømmen.

Det blir atter stille. Æsop kjender Eva
og lægger hodet på siden og ser på
hende. Jeg mumler:

Jeg så en pike på veien idag, hun gik
arm i arm med sin elsker. Piken pekte på
mig med sine øine og kunde vanskelig
bare sig for latter da jeg kom forbi.

Hvad lo hun av?

Det vet jeg ikke. Hun lo vel av mig.

Hvorfor spør du om det?

Kjendte du hende?

положении и смотрю на огонь; но вот
ноги устают, подкашиваются,
затекают, и мне приходится сесть.
Только сейчас я понимаю, как глупо
себя веду. И зачем я так долго
смотрел на огонь?

Эзоп поднимает голову и слушает,
он слышит шаги, из-за стволов
выходит Ева.

— Мне сегодня так грустно, меня
одолели думы, — говорю я.

И она жалеет меня и молчит.

— Три вещи я люблю, — говорю я
ей. — Я люблю желанный сон, что
приснился мне однажды, я люблю
тебя и этот клочок земли.

— А что ты больше всего любишь?

— Сон.

Снова тихо. Эзоп узнал Еву, он
склонил голову на бок и смотрит на
нее. Я почти шепчу:

— Сегодня я повстречал одну
девушку, она шла рука об руку со
своим милым. Девушка показывала
на меня глазами и едва удерживалась
от смеха, пока я проходил мимо них.

— Над чем же она смеялась?

— Не знаю. Верно, надо мной. И
почему ты спрашиваешь?

— А ты ее узнал?

Ja. Jeg hilste.

Og kjendte ikke hun dig?

Nei, hun lot som hun ikke kjendte mig .... Men hvorfor sitter du og utfritter mig? Det er stygt av dig. Du får mig ikke til å si hendes navn.

Pause.

Jeg mumler igjen:

Hvad lo hun av? Hun er en flane; men hvad lo hun av? I Jesu Kristi navn, hvad har jeg da gjort hende?

Eva svarer:

Det var stygt av hende å le av dig.

Nei det var ikke stygt av hendel skriker jeg. Du skal ikke sitte her og laste hende, hun gjør intet stygt, det var riktig av hende å le av mig. Ti stille for satan og lat mig i fred, hører du!

Og Eva later mig forskræmt i fred. Jeg ser på hende og angrer i samme stund mine hårde ord, jeg falder ned for hende og vrir mine hænder.

Gå hjem, Eva. Det er dig jeg elsker mest; hvordan kunde jeg elske en drøm? Det var bare en spøk, det er dig jeg elsker. Men gå nu hjem, jeg skal komme til dig imorgen; husk på jeg er din, ja

— Да, я поклонился.

— А она тебя узнала?

— Нет, она прикинулась, будто меня не узнает... Но зачем ты меня выпытываешь? Это гадко. Все равно я не назову ее имени.

Пауза.

Я снова шепчу:

— Над чем было смеяться? Она ветреница; но над чем было смеяться? Господи, ну что я ей сделал?

Ева отвечает:

— Это гадко смеяться над тобой.

— Нет, не гадко! — кричу я. — Не смей на нее наговаривать, она никогда ничего не делает гадкого, она совершенно права, что надо мной посмеялась. О, проклятье, да замолчи же ты, и оставь меня в покое, слышишь!

И Ева испуганно умолкает. Я смотрю на нее и тотчас жалею о своих грубых словах, я бросаюсь перед ней на колени и ломаю руки.

— Иди домой, Ева. Больше всего я люблю тебя, неужели бы я стал любить какой-то сон, сама посуди? Я просто пошутил, а люблю я тебя. Только теперь иди домой, я приду к

glem det ikke. Godnat.

Og Eva går hjem.

Den tredje jærnnat, en nat i den ytterste spænding. Var det endda litt frost!

Istedenfor frosten stillestående varme efter dagens sol, natten var som et lunkent morads. Jeg gjorde min nying op ....

Eva, det kan undertiden være nogen nytelse å bli trukket efter håret. Så forventt kan et menneskes sind bli. Man kan bli trukket efter håret nedover dale og opover berg, og hvis nogen spør hvad det da er som foregår så kan man svare aldeles henrykt: Jeg trækkes efter håret! Og hvis det spørres: Men skal jeg ikke hjelpe dig, befri dig? så svarer man: Nei. Og hvis det spørres: Men holder du det ut? så svarer man: Ja jeg holder det ut, for jeg elsker den hånd som trækker mig .... Vet du, Eva, hvad det er å håpe?

Ja jeg tror det.

Ser du, Eva, det å håpe det er noget underlig, ja noget meget besynderlig.

Man kan gå en morgen på en vei og håpe å træffe på den vei et menneske

тебе завтра; помни, я ведь твой, смотри не забудь об этом. Доброй ночи.

И Ева идет домой.

Третья ночь, самая трудная. И хоть бы чуть приморозило! Но нет, никакого мороза, воздух еще держит дневное тепло, ночь словно парное болото. Я разложил костер...

— Ева, бывает, тебя тащат за волосы, а ты радуешься. Странно устроен человек. Тебя тащат за волосы по горам и долинам, а если кто спросит, что случилось, ты ответишь вне себя от восторга: «Меня тащат за волосы!» И если спросят: «Помочь тебе, освободить?» — ты ответишь: «Нет». А если спросят: «Смотри, выдержишь ли?» — ты ответишь: «Да, выдержу, потому, что люблю руку, которая тащит меня...» Ты знаешь, Ева, что такое надежда?

— Мне кажется, знаю.

— Видишь ли, Ева, надежда очень странная вещь, да, удивительная это вещь — надежда. Выходишь утром на дорогу и надеешься встретить

som man har kjær. Og træffer man dette menneske? Nei. Hvorfor ikke? Fordi mennesket er optat for den morgen og er ganske andre steder henne ....

Jeg lærte å kjende en gammel blind lap tilfjælds. I otte og femti år hadde han intet set og nu var han over sytti. Det forekom ham at han så bedre og bedre tid for tid, det gik jævnt fremover, syntes han. Kom ikke noget iveien vilde han kunne skimte solen om nogen år.

Han hadde endnu sort hår, men hans øine var ganske hvite. Når vi sat sammen i hans gamle og røkte fortalte han om alt han hadde set før han blev blind. Han var hård og sund, uten følelse, uopslitelig, og sit håp bevarte han.

Når jeg skulde gå fulgte han mig ut og begyndte å peke i forskjellige retninger. Der er syd, sa han, og der er nord. Nu går du først i den retning og når du er kommet et stykke ned i fjældet svinger du om i den retning, sa han. Ganske rigtig! svarte jeg.

Og da lo lappen tilfreds og sa: Se det visste jeg ikke for en firti femti år siden

человека, которого любишь. И что же? Встречаешь? Нет. Отчего же? Да оттого, что человек этот в то утро занят и находится совсем в другом месте...

В горах я повстречался со старым слепым лопарем. Пятьдесят восемь лет уже он не видит белого света, сейчас ему восьмой десяток. Ему представляется, что со зрением у него дело идет на лад, что он видит все лучше и лучше. И если ничего не случится, он через несколько лет будет различать солнце.

Волосы у него еще черные, а глаза белые, как снег. Пока мы курили у него в землянке, он рассказал мне обо всем, что перевидал до того, как ослеп. Он силен и здоров, у него ничего не болит, он живуч и не теряет надежды.

Когда я уходил, он вышел со мною и стал тыкать пальцем в разные стороны. «Вон там север, — говорил он, — а там юг. Ты пойдешь сначала вон туда, потом немного спустишься и повернешь туда». «Совершенно верно», — ответил я.

И тогда лопарь рассмеялся и сказал: «А ведь я не знал этого лет

så jeg ser da bedre nu end dengang, det går stadig fremover. Så dukket han sig og krøp ind i gammen igjen, den evige gamle, hans hjem på jorden.

Og han satte sig foran ilden igjen som før fuld av håp om at om nogen år kunde han nok skimte solen .... Eva, det er såre mærkværdig med håpet. Jeg går for eksempel nu og håper å glemme det menneske som jeg ikke traf på veien imorges.

Du snakker så underlig.

Det er den tredje jærnnat. Jeg lover dig, Eva, å bli en anden mand imorgen. Lat mig nu være alene. Du skal ikke kjende mig igjen imorgen, jeg skal le og kysse dig, min deilige pike. Tænk jeg har bare denne nat tilbake, så blir jeg en anden mand, om nogen timer er jeg det.

Godnat, Eva.

Godnat.

Jeg legger mig nærmere min nying og betrakter flammerne. En grankongle falder fra grenen, en og anden tørkvist

сорок — пятьдесят назад, глаза мои поправляются, я вижу все лучше и лучше». И он согнулся и заполз в свою землянку, свое земное прибежище.

И снова сел у огня, полный надежды, что если ничего не случится, через несколько лет он будет различать солнце... Ева, поразительная это вещь — надежда. Вот я, например, все надеюсь, что забуду человека, которого не встретил нынче утром.

— Как странно ты говоришь.

— Уже третья железная ночь. Обещаю тебе, Ева, завтра я стану совсем другим человеком. А теперь я побуду один, ладно? Завтра ты меня не узнаешь, я буду смеяться и целовать тебя, девочка моя хорошая. Подумай, ведь всего одна ночь, и я стану другим человеком, всего несколько часов, и я стану другим. Доброй ночи, Ева.

— Доброй ночи.

Я ложусь поближе к костру и смотрю на огонь. Еловая шишка падает с ветки, падает один сухой

falder også ned. Natten er som et grænseløst dyp. Jeg lukker øinene.

Efter en time begynder mine sanser å svinge ind i en bestemt rytme, jeg klinger med i den store stilnet, klinger med. Jeg ser på halvmånen, den står på himlen som et hvitt skjæl og jeg har en fornemmelse av kjærlighet til den, jeg føler at jeg rødmer.

Det er månen, sier jeg tyst og lidenskapelig, det er månen! Og mit hjærte hugger imot den i en sagte banken. Det varer nogen minutter. Det blåser litt, en fremmed vind kommer til mig, et sælsomt lufttryk. Hvad er det? Jeg ser mig om og ser ingen.

Vinden kalder mig og min sjæl bøier sig bejaende imot kaldet og jeg føler mig løftet ut av min sammenhæng, trykket til et usynlig bryst, mine øine dugger, jeg sitrer, — Gud står et sted i nærheten og ser på mig.

Dette varer atter nogen minutter. Jeg vender hodet om, det fremmede lufttryk forsvinder og jeg ser noget som ryggen av en ånd som vandrer lydløst ind gjennem skogen ....

сучок, потом другой. Ночь как бескрайняя глубина. Я закрываю глаза.

Скоро меня одолевает, меня проникает тишина, я уже не могу себя от нее отделить. Я гляжу на полумесяц, он висит в небе белой скорлупой, он возбуждает во мне нежность, я чувствую, как краснею.

— Месяц, — говорю я тихо и нежно, — месяц! — И сердце мое рвется к нему и замирает. Так проходит несколько минут. Поднимается ветер, странный, нездешний, незнакомое дыханье. Что это? Я озираюсь — нигде никого.

Ветер зовет меня, душа моя согласно откликается на зов, меня словно поднимают, я будто отрываюсь от самого себя, меня прижимают к невидимой груди. Слезы выступают мне на глаза, я дрожу. Бог стоит где-то рядышком и смотрит на меня.

Так проходит еще несколько минут. Я оборачиваюсь, странное дыханье исчезло, и я вижу словно спину уходящего духа, он неслышно ступает по лесу, прочь, прочь...

Jeg strir en kort stund med en tung bedøvelse, jeg var utslæpt av sindsbevægelser, jeg blir så dødsens træt og jeg sovner.

Da jeg våknet var natten forbi. Åk jeg hadde i lang tid gat om i en sørgelig tilstand, fuld av feber, ventende på å falde om av en eller anden sykdom. Tingene vendtes ofte op og ned for mig, jeg så alt med betændte øine, en dyp sørgmodighet behersket mig.

Nu var det over.

XXVII

Det er høst. Sommeren er forbi, den forsvandt like så hurtig som den kom; åk hvor den gik hurtig. Nu er det kolde dager, jeg jager, fisker og synger sange i skogen.

Og det er dager med tyk tåke som svæver ind fra havet og dæmmer alting over med mørke. En sådan dag hændte noget. Jeg forvildet mig på mine vandringer helt ind i anneksets skoger og kom frem til doktorens hus. Der var fremmede tilstede, de unge damer som

Я еще недолго борюсь с тяжким дурманом, я оглушен, обессилен, скоро я засыпаю.

Когда я проснулся, ночь уже миновала. Ах, как же я последнее время был жалок, ходил будто в горячке, того и ждал, что меня свалит какая-нибудь болезнь. Все для меня переверотилось вверх дном, все виделось в дурном свете, меня мучила такая тоска.

Теперь с этим покончено.

27

Осень. Лето прошло; оно исчезло так же внезапно, как и настало; до чего же быстро оно кончилось. Стоят холодные дни, я охочусь, рыбачу и пою песни в лесу.

А выпадают дни, когда с моря поднимается густой туман и все затягивает дымной тьмой. В один такой день вот что со мной случилось. Я долго бродил по лесу, забрел в соседний приход и вышел прямо к дому доктора. У него были

jeg tidligere hadde været sammen med, dansende ungdom, rene gale foler.

En vogn kom rullende og stanset utenfor havegjærdet; Edvarda sat i vognen. Hun studset da hun så mig. Farvell sa jeg i stilhet. Men doktoren holdt mig tilbake. Edvarda var i begyndelsen trykket av min nærværelse og slog øinene ned når jeg sa noget; senere utstod hun mig bedre og rettet endog et par små spørsmål til mig. Hun var påfaldende blek, tåken la sig grå og kald over hendes ansigt. Hun steg ikke ut av vognen.

Jeg reiser i ærend, sa hun leende. Jeg kommer fra hovedkirken hvor ingen av dere var å finde; man sa at dere var her. Jeg har kjørt i timer for å finde dere. Vi holder et lite selskap imorgen kvæld, — anledningen er at baronen skal reise i neste like, — og jeg er blit pålagt å indby dere alle. Vi skal også danse. Det er imorgen kvæld.

Allesammen bukket og takket.

Til mig sa hun endvidere:

Utebli nu ikke så er De snil. Send ikke

гости, дамы, которых я уже видел раньше; все — молодежь, танцевали, веселились, словно разрезвившиеся жеребята.

Подъехала коляска, стала у забора; в коляске сидела Эдварда. При виде меня ее передернуло. «Я пойду», — сказал я тихонько. Но доктор меня удержал. Эдварда сперва тяготилась моим присутствием, и когда я что-нибудь говорил, опускала глаза, потом она несколько освоилась и даже предложила мне два или три незначительных вопроса. Она была странно бледна, холодный серый туман пал на ее лицо. Она так и не вышла из коляски.

— Я с поручением, — сказала она и засмеялась. — Я сейчас только из церкви, вас никого там не было; сказали, что вы все тут. Я уж сколько часов проездила, все вас искала. У нас завтра соберется небольшое общество по случаю отъезда барона, он едет на той неделе, — и мне ведено всех вас звать. И танцы будут. Так завтра вечером.

Все кланяются и благодарят.

Потом она обращается ко мне:

— Смотрите же, будьте

en billet i siste øieblik med undskyldninger. — Dette sa hun ikke til nogen av de andre. Kort efter kjørte hun bort.

Jeg blev så bevæget ved denne uventede venlighet, jeg gik et øieblik i skjul og glædet mig. Derpå tok jeg avsked med doktoren og hans gjæster og begav mig på hjemveien. Hvor hun var mig nådig, hvor hun var mig nådig! Hvad kan jeg gjøre for hende igjen? Mine hænder blev matte, en søt kulde ilet gjennom mine håndledd.

Herregud, her går jeg og dingler så mat av glæde, tænkte jeg, og jeg kan ikke knytte hænderne, men får tårer i øinene av hjælpeløshet; hvad råd er det med det?

Først sent på kvælden kom jeg hjem. Jeg la veien om bryggerne og spurte en fisker om postskibet kom til imorgen kvæld. Åk nei postskibet skulde komme i næste uke engang. Jeg hastet op til hytten og gav mig til å undersøke min bedste dragt. Jeg pusset den og gjorde den fin, det var gat hul på den nogen steder og jeg gråt og stoppet hullerne.

непременно. Не вздумайте в последнюю минуту прислать записку с извинениями.

Больше никому она ничего такого не говорила. Вскоре она уехала.

Я был так тронут ее внезапным дружелюбием, я так обрадовался, мне захотелось спрятаться подальше от людских глаз. Скоро я распростился с доктором и его гостями и пошел домой. До чего же она была ко мне хороша, до чего хороша! Как же мне теперь отблагодарить ее? У меня ослабли руки, по ним прошелся сладкий холодок.

Ах ты, Господи, меня шатает от радости, — думал я, — я даже не могу сжать руку в кулак, у меня слезы на глазах, что же это такое, Господи?

Лишь поздно вечером я добрался до дому. Я выбрал путь мимо пристани и спросил у одного рыбака, не ждут ли завтра почтового парохода. Но нет, почтового парохода ждали только на другой неделе. Я поспешил к себе и взялся осматривать лучший свой костюм. Я почистил его, привел в порядок, в нескольких местах он прохудился, я

Da jeg var blit færdig la jeg mig bortpå briksen. Et øieblik varer denne hvile, jeg får en tanke, jeg springer op og blir stående slagen midt på gulvet.

Det hele er et knep igjen! hvisker jeg. Jeg vilde ikke være blit indbudt hvis jeg ikke tilfældigvis hadde været tilstede da de andre blev indbudt. Mig gav hun atpåkjøpet det tydeligste vink om å utebli, om å sende en billet med undskyldninger ....

Jeg sov ikke den hele nat og da morgningen kom gik jeg tilskogs, frossen, forvåken og febrilsk. Hei, nu forbereder man et selskap på Sirilund! Hvad så? Jeg skal hverken gå ditbort eller sende nogen undskyldning. Hr. Mack er en såre tænkende mand, nu gjør han denne fest for baronen; men jeg møter ikke op, forstår dere det? .... Tåken lå tyk over dal og fjæld, en klam rimdugg la sig over mine klær og gjorde dem tunge, mit ansigt var koldt og vått. Bare nu og da kom et vindpust og bragte de sovende tåker til å stige og synke, stige og synke.

Det blev sent på eftermiddagen, det

плакал и штопал дыры.

Покончив с костюмом, я прилег на нары. Мой покой длится не более минуты, в голове мелькает внезапная мысль, я вскакиваю и убито стою посреди комнаты.

— Да ведь это новая ее выходка! — шепчу я. — Меня бы и не пригласили, не окажись я случайно рядом, когда приглашали других. К тому же она яснее ясного дала мне понять, что приходить мне не следует, что я должен послать записку с извинениями...

Всю ночь я не спал, а когда настало утро, пошел в лес, в ознобе, в горячке, шатаясь от бессонницы. Так-так, в Сирилунне нынче гости! Ну и что же? Я и не пойду, и записку посылать не буду. Господин Мак человек мыслящий, вот он и устраивает праздник в честь барона; а я не пойду, слышите вы, не пойду!..

Густой туман навалился на горы и долины, изморось осела на одежде, затрудняла шаг, лицо у меня окоченело. Порывами налетал ветер и колыхал спящий туман, вверх — вниз, вверх — вниз.

Шло к вечеру, темнело. Туман все

mørknet. Tåken skjulte alt for mine øine og jeg hadde ingen solmærker å gå efter. Jeg vimret om i timer på min hjemtur; men jeg hadde intet å haste efter, jeg tok med den største ro feil av retningen og kom til ukjendte steder i skogen.

Endelig reiser jeg børsen op mot en træstamme og rådspør mit kompas. Jeg stikker nøiagtig ut min vei og begynner å gå. Klokken kan være otte eller ni. Nu hændte noget.

Efter en halv time hører jeg musik gjennem tåken, nogen minutter efter kjender jeg stedet igjen, jeg står like ved Sirilund hovedbygning. Hadde mit kompas misvist mig like bort til det sted, jeg vilde undfly? En kjendt røst kalder på mig, det er doktorens røst. Kort efter føres jeg ind.

Åk, min børsepipe hadde kanske påvirket kompasset og ført det vild. Det har også hændt mig engang siden, nu iår. Jeg vet ikke hvad jeg skal tro. Kanske var det også skjæbne.

XXVIII

застил, по солнцу нельзя было идти.

Не один час проплутал я на пути к дому; да и куда мне было спешить? Я преспокойно сбивался с дороги и выходил к незнакомым местам.

Наконец я снимаю ружье, прислоняю его к сосне и смотрю на компас. Я тщательно определяю направление и иду. Сейчас часов восемь или девять.

И вот что со мной случилось.

Полчаса спустя сквозь туман я слышу музыку, спустя еще несколько минут я уже понимаю, где нахожусь. Я стою прямо против дома господина Мака. Неужто мой компас привел меня как раз в то место, которого я избегал? Знакомый голос окликает меня, это голос доктора. И меня вводят в дом.

Ах, видно, ружейный ствол повлиял на компас и отклонил стрелку. Такой случай был со мной потом еще однажды, уже в этом году. Я не знаю, что и подумать. Может быть, это просто судьба?

28

Jeg hadde hele kvælden et bittert indtryk av at jeg ikke burde være kommet til dette selskap. Min ankomst blev næsten slet ikke bemærket, alle var så optat med hverandre, Edvarda sa mig knapt velkommen. Jeg begyndte å drikke læt fordi jeg forstod at jeg var uvelkommen, og dog gik jeg ikke min vei.

Hr. Mack smilte meget og viste sit behageligste ansigt, han var iført kjole og så godt ut. Han var snart her, snart der i værelserne, blandet sig med disse halvhundrede gjæster, danset nu og da en dans, spøkte og lo. Det lurte hemmeligheter i hans øine.

Et brus av musik og stemmer lød gjennom hele huset. Fem av værelserne var optat av gjæsterne og man danset desuten i den store sal. Da jeg kom hadde man spist tilaftens.

Travle piker løper nu hit og dit med glas og vine, kaffekander av skinnende kobber, cigarer, piper, kaker og frugter. Det blev ikke spart på nogen ting.

Lysekronerne i værelserne var fulde av usædvanlig tykke lys som var støpt for anledningen; desuten brændte de nye oljelamper.

Весь вечер меня не покидало горькое чувство, что не следовало мне сюда приходить. Моего появления почти не заметили, все были слишком заняты друг другом. Эдварда едва поздоровалась со мной. Что я напрасно явился, я тотчас понял, однако же не мог встать и уйти и потому стал пить и напился пьян.

Господин Мак все улыбался и был весьма любезен, он облачился во фрак и выглядел превосходно. Он показывался во всех комнатах, сновал среди полусотни гостей, иногда даже пускался танцевать, шутил и смеялся. Глаза у него блестели таинственно.

Музыка и голоса оглашали весь дом. В пяти комнатах толпились гости, танцы шли еще и в большой зале. Когда я пришел, уже отужинали.

Служанки бегали туда-сюда, разносили стаканы вина, блестящие кофейники, сигары, трубки, пирожное и фрукты. Господин Мак не поскупился. В люстры воткнули особенно толстые свечи, отлитые для такого случая; и новые лампы тоже зажгли.

Eva hjalp til i kjøkkenet, jeg så et glimt av hende. Tænk at Eva også var her.

Baronen var gjenstand for megen opmærksomhet skjønt han var stille og beskeden og ikke ståk sig frem. Også han var iført kjole, dens skjøter var ynkelig krøllet efter pakningen. Han underholdt sig jævnlig med Edvarda, fulgte hende med øinene, klinket med hende og kaldte hende frøken likesom provstens og distriktslægens døtre.

Jeg følte en vedholdende uvilje mot ham og kunde næppe kaste øinene på ham uten å vende mig bort med en sørgelig og dum grimase. Når han talte til mig svarte jeg kort og knep munden sammen bakefter.

Jeg kommer til å huske noget fra denne kvæld. Jeg stod i samtale med en unge pike, en blondine, da jeg sa noget eller fortalte hende en historie som fik hende til å le. Det var næppe nogen mærkelig historie; men kanskje jeg i min berusede tilstand fortalte den morsommere end jeg nu kan huske, det er ialfald gat mig av minde. Nok herom: da jeg vendte mig om stod Edvarda bak mig. Hun gav mig et anerkjendende blik.

Ева помогала на кухне, я заметил ее в приоткрытую дверь. Подумать только, и Ева тут.

Барона окружили вниманием, хоть держался он тихо, скромно и нисколько не выставлялся. Он тоже надел фрак, полы как лежали в чемодане, так и измялись на сгибах. Он был занят одной только Эдвардой, глаз с нее не сводил, чокался с нею и адресовался к ней «фрекен», так же точно как к дочери пробста и приходского доктора.

Я не мог побороть свою неприязнь, и едва на него взгляну, тотчас отворачивался с унылой и глупой миной. Когда он ко мне обращался, я отвечал отрывисто и, ответив, поджимал губы.

Да, вот еще что мне запомнилось из того вечера. Я болтал с одной светловолосой барышней и что-то такое сказал ей, или рассказал какую-то историю, и она засмеялась. Вряд ли история была особенно забавна; но, верно, я, расхрабрившись от выпитого, как-то ловко ее рассказал; сейчас, во всяком случае, я совершенно не могу вспомнить, в чем там было дело. Словом, не важно.

Siden la jeg mærke til at hun trak blondinen med sig for å få vite hvad jeg hadde sagt. Jeg kan ikke si hvor Edvardas blik gjorde vel imot mig eftersom jeg hadde gat noget forstøtt omkring fra værelse til værelse den hele kvæld; jeg blev straks meget lysere tilmote og talte siden med flere og var underholdende. Så vidt jeg vet gjorde jeg mig ikke skyldig i nogen feil ....

Jeg stod ute på trappen. Eva kom bærende med nogen saker fra et av værelserne. Hun så mig, kom ut på trappen og streifet mig hurtig med hånden over mine hænder, hvorpå hun smilte og gik ind igjen. Ingen av os hadde talt. Da jeg vilde følge etter ind stod Edvarda i gangen og så på mig. Hun så ret på mig. Heller ikke hun sa noget. Jeg gik ind i salen.

Tænk løitnant Glahn morer sig med å ha sammenkomster med tjenerskapet ute på trapperne, sa pludselig Edvarda høit. Hun stod i døren. Det var flere som hørte hvad hun sa. Hun lo som om hun

Когда же я оглянулся, за моей спиной оказалась Эдварда. Она бросила на меня благосклонный взгляд.

Потом я заметил, как она увлекла светловолосую барышню в сторону, чтобы выведать, что я говорил. И сказать не могу, до чего меня ободрил взгляд Эдварды, после того как я целый вечер неприкаянно ходил из комнаты в комнату; у меня сразу отлегло от сердца, я со всеми заговаривал и был довольно удачен. Насколько помню, я не совершал никаких огрехов...

Я стоял на крыльце. В прихожей показалась Ева, она что-то несла. Она увидела меня, вышла на крыльцо, быстро погладила меня по руке, улыбнулась и тотчас исчезла. Мы не сказали друг другу ни слова. Когда и я пошел было в комнаты, я увидел Эдварду, она стояла в прихожей и смотрела на меня. Стояла и смотрела прямо на меня. Она тоже не сказала ни слова. Я пошел в залу.

— Представьте, лейтенант Глан развлекается тем, что назначает прислуге свиданья на крыльце, — вдруг громко сказала Эдварда. Она стояла в дверях. Многие ее слышали.

spøkte, men hendes ansigt var meget blekt.

Jeg svarte intet hertil, jeg mumlet bare:

Det var tilfældig, hun kom bare ut, vi møttes i gangen ....

Det gik en stund, kanskje en times tid.

En dame fik et glas væltet over sin kjole. Så snart Edvarda så det ropte hun:

Hvad er påfærde? Det har naturligvis Glahn gjort.

Jeg hadde ikke gjort det, jeg stod i en anden kant av salen da ulykken skedde.

Fra nu av dråk jeg nogenlunde tæt igjen og holdt mig ved døren for å være avveien for de dansende.

Baronen samlet fremdeles damerne om sig, han beklaget at hans samlinger allerede var nedpakket så at han ikke kunde forevise noget av dem, denne tangklase fra Hvitehavet, leren fra Korholmerne, overmåte interessante stenforekomster fra bunden av havet.

Damerne tittet nysgjærrig etter hans skjorteknapper, disse femtakkete kroner som altså betydde baron. Under dette gjorde doktoren ingen lykke, selv hans

Она смеялась, словно отпустила веселую шутку, но лицо у нее было совершенно белое.

Я не стал ничего отвечать, я пробормотал только:

— Это случайность, она просто вышла, и мы столкнулись.

Прошло какое-то время, верно, не меньше часа. Одна дама опрокинула стакан на платье. Только Эдварда это увидела, она тотчас же закричала:

— Что там такое? Не иначе, как Глан опять виноват.

Я не был виноват, я стоял в другом конце залы, когда опрокинули стакан. И я снова принялся пить и держался поближе к двери, чтоб не мешать танцующим.

Дамы по-прежнему толпились вокруг барона, он выражал сожаление, что уже упаковал свои коллекции и не может им показать, например, взморник из Белого моря, глины с Курхольмов или чрезвычайно интересные окаменелости с морского дна.

Дамы любопытно поглядывали на его запонки, на пятизубые баронские короны. Тут уж и доктор померк, даже его забавное присловье «чтоб

vittige ed, dette «død og pinsel» gjorde ikke lenger nogen virkning. Men når Edvarda talte var han stadig påfærde, rettet atter hendes sprog, satte hende fast med små intrikatheter, holdt hende nede med rolig overlegenhet.

Hun sa:

.... like til jeg går over dødens dal.

Og doktoren spurte:

Over hvad?

Dødens dal. Er det ikke dødens dal det heter?

Jeg har hørt snakke om dødens elv. Det er visst den De mener.

Senere talte hun om å la en ting bevogte som en ....

Drage, faldt doktoren ind.

Javel. Som en drage, svarte hun.

Men doktoren sa:

Tak mig nu fordi jeg reddet Dem. Jeg er sikker på De vilde ha sagt argus.

Baronen trak øienbrynene tilveirs og gav ham et forbauset blik gjennom sine tykke briller. Slike flauser hadde han kanskje aldrig hørt. Men doktoren lot som ingenting. Hvad brydde han sig om

мне ни дна, ни покрышки» и то не имело успеха. Зато стоило заговорить Эдварде, он был начеку, поправлял ее, подпускал тонкие шпильки, словом, не давал ей спуска, и все это с видом невозмутимого превосходства.

Она сказала:

— ...пока меня не поглотит долина забвенья.

И доктор спросил:

— Что, что?

— Долина забвенья. Так ведь говорят?

— Я слышал о реке забвенья. Вы, полагаю, ее имели в виду?

Потом она сказала о ком-то, что он что-то охраняет как...

— Цербер, — перебил доктор.

— Ну да, как Цербер, — ответила она.

Но доктор не унимался:

— Скажите мне спасибо, что я вас выручил. Уверен, что вы собирались упомянуть Аргуса.

Барон вскинул брови и изумленно глянул на него сквозь толстые стекла своих очков. Он, верно, еще не слыхивал подобного вздора. Но доктор и внимания на него не

baronen!

Jeg står fremdeles ved døren. Det danses feiende i salen. Det lykkes mig å få en passiar i gang med lærerinden fra præstegården. Vi talte om krigen, forholdene på Krim, begivenheterne i Frankrike, Napoleon som keiser, hans beskyttelse av tyrkerne; den unge dame hadde læst aviserne i sommer og kunde fortælle mig nyheter. Vi sætter os tilslut i en sofa og taler.

Edvarda kommer forbi, hun blir stående foran os. Pludselig sier hun:

I må undskylde, hr. løytnant, at jeg overrasket Eder ute på trappen. Jeg skal aldrig gjøre det mere.

Hun lo også nu og så ikke på mig.

Jomfru Edvarda, hold nu op, sa jeg.

Hun kaldte mig Eder, det var ikke for det gode og hendes mine var ildesindet.

Jeg tænkte på doktoren og trak overlegent på akslen som han vilde ha gjort. Hun sa:

Men hvorfor går I ikke ut i kjøkkenet? Eva er der. Jeg synes I burde holde Eder derute.

обратил. Что ему барон!

Я все стою у двери. Танцы в самом разгаре. Мне посчастливилось вступить в беседу с молоденькой приходской учительницей. Мы говорили о войне, о Крымской кампании, о событиях во Франции, об императорстве Наполеона, о его поддержке туркам; она летом читала газеты и могла порассказать мне новости. Наконец мы садимся на диван и продолжаем разговор.

Мимо идет Эдварда, она останавливается возле нас. Вдруг она говорит:

— Извините, господин лейтенант, что я застигла вашу милость на крыльце. Больше это не повторится.

И опять она смеется и не смотрит на меня.

— Йомфру Эдварда, перестаньте же, — сказал я.

Она назвала меня «ваша милость», это не к добру, и лицо у нее было злое. Я вспомнил доктора и надменно пожал плечами, как это бы сделал он. Она сказала:

— Но отчего вы не на кухне? Ева там. Думаю, и вашей милости следовало бы отправиться туда.

Eiter dette så hun hatefuldt på mig.

Jeg hadde ikke været meget i selskaper, men jeg hadde aldrig hørt en sådan tone før i de få jeg hadde været. Jeg sa:

Er ikke De nokså utsat for å bli misforståt, jomfru Edvarda?

Nei hvordan det? Jo det kan nok være; men hvordan det?

De taler så uoverveiet iblandt. Nu for eksempel forekom det mig at De formelig viste mig ut i kjøkkenet og det er naturligvis en misforståelse. Jeg vet jo godt at De ikke mente å være uforskammet.

Hun går nogen skridt bort fra os. Jeg kunde se på hende at hun tænkte hele tiden på det jeg hadde sagt. Hun vender om og kommer tilbake, hun sier stakåndet:

Det var slet ingen misforståelse, hr. løytnant, I hørte rigtig, jeg viste Eder ut i kjøkkenet.

Nei men Edvarda! utbryter den forskrækkede lærerinde.

Og jeg begyndte atter å tale om krigen og forholdene på Krim; men min tanke

И она посмотрела на меня с ненавистью.

Я мало бывал в гостях и в тех редких случаях, когда бывал, никогда еще не встречал такого тона. Я сказал:

— А вы не боитесь, что вас поймут превратно, йомфру Эдварда?

— А что такое? Всякое бывает. Но что такое?

— Вы порой выражаетесь весьма необдуманно. Сейчас, например, мне почудилось, будто вы просто-напросто гоните меня на кухню, но это, конечно, недоразумение. Я ведь знаю, что вы не позволите себе такой грубости.

Она отходит на несколько шагов. Я вижу по ней, что она думает над тем, что я сказал. Она поворачивается, снова подходит к нам, она говорит, задыхаясь:

— Никакого недоразумения, господин лейтенант, вы поняли меня правильно, я гоню вашу милость на кухню.

— Эдварда! — вскрикивает перепуганная учительница.

И я опять повел разговор о войне, о Крымской кампании, но мысли мои

var langt derfra. Jeg var ikke længer beruset, bare ganske fortumlet, grunden gled under mig og jeg mistet atter som så mangen ulykkelig gang før likevægten. Jeg reiser mig op fra sofaen og vil gå ut. Doktoren stanser mig.

I dette øieblik har jeg hørt en lovtale over Dem, sier han.

En lovtale? Av hvem?

Av Edvarda. Hun står endnu der borte i hjørnet og ser glødende på Dem. Jeg skal aldrig glemme det, hun så ganske forelsket ut i øinene, og sa høit at hun beundret Dem.

Det er godt, svarte jeg leende. Åk det var ikke en klar tanke i mit hode.

Jeg gik hen til baronen, bøiet mig over ham som om jeg vilde hviske noget til ham og da jeg var kommet ham nær nok spyttet jeg ham ind i øret. Han fór op og stirret idiotisk på mig over min adfærd. Senere så jeg at han berettet Edvarda det passerte og at hun græmmede sig.

Hun tænkte vel på sin sko som jeg hadde kastet henover våndet, på de kopper og glas jeg hadde været

бродили далеко от тех мест. Хмель прошел, осталась тяжесть, земля уплывала у меня из-под ног, я снова, как — увы! — столько уже раз прежде, потерял власть над собой. Я встаю с дивана и хочу уйти. Меня удерживает доктор.

— Я только что выслушал панегирик в вашу честь.

— Панегирик? И от кого же?

— От Эдварды. Вон она еще стоит в дальнем углу и бросает на вас пламенные взоры. Никогда не забуду. У нее были влюбленные глаза, и она громко объявила, что от вас без ума.

— Что ж, это приятно, — ответил я, смеясь. Ах, у меня в голове уже все перемешалось.

Я подошел к барону, нагнулся к нему, словно хотел ему что-то сказать, и, когда наклонился совсем близко, плюнул ему в ухо. Он оторопел и самым идиотским образом уставился на меня. Потом я видел, как он докладывал о происшедшем Эдварде и как она огорчилась.

Она, конечно, вспомнила о своем башмачке, который я швырнул в воду, о чашках и стаканах, которые я

ulykkelig nok å knuse, på alle de andre brudd jeg hadde gjort på god tone; alt dette levet sikkert op i hendes erindring påny.

Jeg skammet mig, det var forbi med mig; hvor jeg vendte mig møtte jeg rædde og forbausede blikke og jeg snikte mig bort fra Sirilund uten avsked, uten tak.

XXIX

Baronen skal reise; nuvel! Jeg vil lade min børs og stige tilfjælds og avskytte et høit skudd til hans og Edvardas ære.

Jeg vil minere et dypt hul i en klippe og sprænge et fjæld istykker til hans og Edvardas ære.

Og en stor klippeblok skal trille nedover fjældet og fare vældig i havet når hans skib passerer. Jeg vet et sted, en rænde i fjældet hvor stener har trillet før og gjort en ren vei like til havet. Dypt nede ligger en båtstø.

To minerbor! sier jeg til smeden.

Og smeden kvæsser to minerbor ....

имел несчастье перебить, обо всех прочих моих преступлениях против хорошего тона; ясно, что все это всплыло в ее памяти.

Мне сделалось стыдно, все было кончено, со всех сторон я встречал испуганные и недоуменные взгляды, я проскользнул к дверям и покинул Сирилунн, не откланявшись, не поблагодарив.

29

Барон едет. Ну что ж! Я заряджу ружье, поднимусь в горы и громко выстрелю в честь него и Эдварды. Я просверлю глубокую дыру в скале, я заложу туда мину и взорву гору в честь его и Эдварды.

И огромная глыба сорвется и рухнет в море, когда мимо пройдет пароход барона. Я знаю такое местечко, ложбину в скале, по ней уже не раз падали камни и проложили прямой путь к морю. Глубоко внизу там лодочный причал.

— Два бура, — говорю я кузнецу.

И кузнец вытачивает мне два бура...

Eva er blit sat til å kjøre frem og tilbake mellom møllen og bryggen med en av hr. Macks hester. Hun må utføre en kars arbeide og transportere sækker med korn og mel. Jeg møter hende og hun ser herlig ut med sit friske ansigt. Gode Gud hvor hendes smil gløder ømt. Hver kvæld traf jeg hende.

Du ser ut som om du ingen sorger har, Eva, min elskede.

Du kalder mig din elskede! Jeg er en ulærd kone, men jeg skal være dig tro. Jeg vil være dig tro om jeg skal dø for det. Hr. Mack blir strængere og strængere for hver dag, men det tænker jeg ikke på; han raser, men jeg svarer ham ikke. Han grep mig i armen og blev grå av raseri. Jeg har en sorg.

Og hvad er det for en sorg?

Hr. Mack truer dig. Han sier til mig:

Aha, det er løytnanten som står dig i hodet! Jeg svarer: Ja jeg tilhører ham.

Da sier han: Ja vent du bare, ham skal jeg nok få bort! Han sa det igår.

Det betyr ingenting; lat ham true ....

Еву заставили ездить от мельницы к пристани на лошади господина Мака. Она делает мужскую работу, перевозит мешки с зерном и мукой. Я встречаю ее; как ярко она на меня смотрит, как хороша. Господи, как нежно сияет ее улыбка. Каждый вечер я ее видел.

— Ты так улыбаешься, Ева, у тебя словно и нет никаких забот, девочка моя любимая.

— Ты говоришь мне — моя любимая! Я простая, темная женщина, но я буду тебе верна. Я буду тебе верна, даже если мне придется умереть за это. Господин Мак с каждым днем все строже и строже, только я об этом и не думаю, он кричит на меня, а я не отвечаю. Вчера он схватил меня за руку и стал весь серый от злости. Одно меня заботит.

— Что же тебя заботит, Ева?

— Господин Мак грозит тебе.

Вчера он мне говорит: «Ага, у тебя все лейтенант на уме!» А я ответила: «Да, я его люблю». Тогда он сказал: «Погоди, я его отсюда спроважу!» Так и сказал.

— Ничего, пусть его грозитя...

Eva, må jeg se om dine føtter er like bittesmå? Luk øinene og lat mig se!

Og hun falder med lukkede øine om min hals. En sitring går gjennom hende. Jeg bærer hende ind i skogen. Hesten står og venter.

XXX

Jeg sitter tilfjælds og minerer. Det er en krystalklar høstluft om mig. Slagene på mit bor klinger jævnt og taktfast, Æsop ser på mig med forundrede øine. En strøm av tilfredshet trækker nu og da gjennom mit bryst; ingen vet at jeg er her i det øde fjæld.

Nu er trækfuglene borte; lykkelig reise og velkommen tilbake! Meiser og hængetiter og en og anden jærnspruv lever alene i urer og krat; pippip!

Alt er så underlig forandret, dværgbjørken bløder rødt mot de grå stener, en blåklokke hist og en gjeiterams her reiser sig op av lynget og vugger sig og suser sagte en sang; hys!

Ева, можно, я погляжу на твои ножки? Они все такие же крошечные? Закрой глаза, а я погляжу!

И она закрывает глаза и бросается мне на шею. Она вся дрожит. Я несу ее в лес. Лошадь стоит и ждет.

30

Я сижу в горах и закладываю мину. Как стекло, ясен осенний воздух. Ровно и четко падают удары молотка, Эзоп удивленно глядит на меня. Сердце у меня то и дело радостно обрывается; ведь никто-то, никто не знает, что я тут, один в горах.

Улетели перелетные птицы; счастливый путь и добро пожаловать назад! Только и остались что синицы да немного славок по кустам и над обрывом: пипп-пипп!

Как же все переменялось, серые скалы в кровавых пятнах березовой листвы, редкие колокольчики и головки иван-чая высовываются из вереска, и качаются, и тихо шелестят

Men henover alt svæver en fiskejon med utstrakt hals søkende indover fjældene.

Og kvælden kommer, jeg lægger mine bor og min feisel ind under en sten og holder hvil. Alting slumrer, månen glir op i nord, bergene kaster gigantiske skygger. Det er fuld måne, den ser ut som en glødende ø, den ser ut som en rund gåte av messing som jeg går utenom og forundrer mig over. Æsop reiser sig og er urolig.

Hvad vil du, Æsop? Hvad mig angår, jeg er træt av min sorg, jeg vil glemme den, drukne den. Jeg befaler dig å ligge stille, Æsop, jeg vil ingen uro ha. Eva spør: Tænker du nu og da på mig? Jeg svarer: Altid på dig. Eva spør igjen: Og volder det dig glæde å tænke på mig? Jeg svarer: Idel glæde, aldrig andet end glæde.

Så sier Eva: Dit hår gråner. Og jeg svarer: Ja det begynner å gråne. Men Eva spør: Det gråner av noget du tænker på? Og dertil svarer jeg: Kanske. Tilsist sier Eva: Så tænker du ikke bare på mig .... Æsop, lig stille, jeg vil heller

песенку: те! А над ними над всеми, вытянув шею, высматривая добычу, летит орлан.

Вот уже и вечер, я кладу буры и молоток под камень, теперь можно передохнуть. Все спит, с севера кверху ползет луна, горы бросают огромные тени. Полнолуние, луна словно огненный остров, словно круглая медная загадка, а я плутаю вокруг да около и дивлюсь на нее. Эзоп вскакивает, он чем-то встревожен.

— Чего тебе, Эзоп? Что до меня, я устал от своей заботы, я хочу забыть ее, утопить. Лежи смирно, Эзоп, слушайся, хватит с меня беспокойства. Знаешь, Ева спрашивает: «Ты хоть иногда думаешь обо мне?» Я отвечаю: «Только о тебе, Ева». Она опять спрашивает: «А ты радуешься, когда думаешь обо мне?» Я отвечаю: «Да, да, радуюсь, всегда радуюсь».

Потом Ева говорит: «У тебя седеют волосы». И я отвечаю: «Да, седеют понемножку». «Они седеют от грустных мыслей?» И на это я отвечаю: «Может быть». И тогда Ева говорит: «Значит, ты думаешь не

fortælle dig noget andet ....

Men Æsop står og snuser spændt nedover mot dalen, den pister og trækker mig i klærne. Da jeg endelig reiser mig og følger den kan den ikke komme fort nok avsted. En rødme viser sig på himlen over skogen, jeg går hurtigere til, det viser sig for mine øine en nying, et uhyre bål. Jeg stanser og stirrer, går nogen skridt og stirrer — min hytte står i brand.

XXXI

Branden den var hr. Macks værk, jeg gjennemskuet det fra første øieblik. Jeg rnistet mine dyreskind og mine fuglevinger, jeg mistet min utstoppede ørn; alt brændte. Hvad nu? Jeg lå i to nætter under åpen himmel uten å gå til Sirilund og be om ly, tilsist leiet jeg en forlatt fiskerhytte ved bryggerne og tættet den med tørket mose. Jeg sov på et lass rød hestebærlyng fra fjældet. Jeg var atter berget.

только обо мне...» Эзоп, лежи смирно, лучше я тебе еще кое-что расскажу...

Но Эзоп стоит и внюхивается, глядя в долину, он повизгивает и тянет меня зубами за куртку. Когда я наконец встаю, он бросается вниз со всех ног. В небе над лесом стоит зарево, я ускоряю шаг, вот уже я вижу костер, огромное пламя. Я стою и смотрю, делаю еще несколько шагов и все смотрю, смотрю — горит моя сторожка.

31

Пожар был делом рук господина Мака, я тотчас это понял. Пропали мои звериные шкуры, мои птичьи крылья и чучело орла; все сгорело. Ну что ж? Две ночи я провел под открытым небом, однако же не пошел проситься на ночлег в Сирилунн. Потом я занял заброшенную рыбачью хибарку у пристани, а щели заткнул сухим мхом. Я спал на охапке красного вереска, я принес его с гор. Снова у меня был кров.

Edvarda sendte bud og lot si at hun hadde hørt om min ulykke og tilbydde mig nu på farns vegne et værelse på Sirilund. Edvarda rørt? Edvarda ædelmodig? Jeg sendte intet svar. Gudskelov, jeg var ikke længer uten ly og det forårsaket mig en stolt glæde å tie til Edvardas tilbud. Jeg møtte hende på veien sammen med baronen, de gik arm i arm, jeg så dem begge ind i ansigtet og hilste i forbigående. Hun stanset og spurte:

De vil ikke bo hos os, hr. løytnant?

Jeg har allerede min nye bolig færdig, svarte jeg og stanset også.

Hun så på mig, hendes bryst gik stærkt.

De skulde jo ikke ha lidt nogen overlast hos os heller, sa hun.

Det rørte sig en tak i mit hjærte; men jeg var ikke istand til å si noget.

Baronen gik sagte avsted.

De vil kanskje aldrig se mig mere nu? spør hun.

Эдварда прислала ко мне сказать, что узнала о моей беде и предлагает мне от имени своего отца поместиться в Сирилунне. Вот как? Эдварда тронута? Эдварда великодушна? Я ничего не ответил. Слава Богу, у меня снова есть крыша над головой, и я могу себе позволить никак не отвечать на приглашение Эдварды. Я встретил ее на дороге вместе с бароном, они шли рука об руку, я поглядел им обоим в лицо и, проходя, поклонился. Она остановилась и спросила:

— Вы не хотите жить у нас, господин лейтенант?

— Я уже отделал свое новое жилье, — ответил я и тоже остановился.

Эдварда смотрела на меня, она с трудом переводила дух.

— А ведь мы бы вас не беспокоили, — сказала она.

Во мне шевельнулась благодарность, но я не смог выговорить ни слова.

Барон, не торопясь, двинулся дальше.

— Может быть, вы не хотите больше меня видеть? — спрашивает

Jeg takker Dem, jomfru Edvarda, fordi De tilbydde mig husly da min hytte brændte, sa jeg. Det var så meget ædlere som det næppe skedde med Deres fars vilje. — Og jeg takket hende med blottet hode for hendes tilbud.

I Guds navn, vil De aldrig se mig mere, Glahn? sa hun med ett.

Baronen ropte.

Baronen roper, sa jeg og tok atter luen dypt av.

Og jeg vandret tilfjælds til min mine.

Intet, intet skulde bringe mig ut av fatning mere. Jeg møtte Eva.

Der kan du se! ropte jeg. Hr. Mack kan ikke fordrive mig. Han har brændt min hytte av og jeg har allerede en anden hytte ....

Hun bar en kost og en tjærepøs.

Hvad nu, Eva?

Hr. Mack hadde hvælv et en båt i støen under fjældet og beordret hende å tjære den. Han bevogtet alle hendes skridt, hun måtte lystre.

Men hvorfor netop i støen? Hvorfor

она.

— Спасибо вам, йомфру Эдварда, что предложили мне приют, когда сгорела моя сторожка, — сказал я. — Это тем более великодушно, что едва ли на то была воля вашего отца. — И я глубоким поклоном поблагодарил ее за приглашение.

— Господи Боже, да вы совсем не хотите меня видеть, Глан? — выговорила она вдруг.

Барон уже звал ее.

— Вас барон зовет, — сказал я, снова снял картуз и низко поклонился.

И я пошел в горы, к своей mine. Ничем, ничем меня уже не вывести из себя. Я встретил Еву.

— Видишь! — крикнул я. — Господину Маку никак меня не спровадить. Он сжег мою сторожку, а у меня уже новый дом...

В руках у нее кисть и ведро с дегтем.

— А это еще что, Ева?

Господин Мак поставил лодку у причала под горой и приказал Еве смолить ее. Он следит за каждым ее шагом, надо его слушаться.

— Почему же там? Почему не на

ikke ved bryggen?

Hr. Mack hadde befalet det så ....

Eva, Eva, elskede, du er gjort til slave og du klager ikke. Se nu smiler du igjen og livet bruser gjennom dit smil skjønt du er slave.

Da jeg kom til min mine møtte der mig en overraskelse. Jeg så at det hadde været folk ved stedet, jeg undersøkte sporene i gruset og gjenkjendte avtrykkene av hr. Macks lange, spidse sko. Hvad går han her og snuser efter? tænkte jeg og så mig omkring. Ingen var synlig. Nogen mistanke vaktet ikke hos mig.

Og jeg satte mig til å banke på mit bor uten å ane hvad galt jeg gjorde.

XXXII

Postskibet kom, det bragte mig min uniform, det skulde ta baronen og alle hans kasser med skjæl og tangarter ombord. Nu låstet det tønner med sild og tran ved bryggen, henimot aften skulde det gå.

Jeg tar min borse og legger en mængde

пристани?

— Так велел господин Мак...

— Ева, Ева, любимая, тебя сделали рабой, а ты не сетуешь. Вот видишь, ты опять улыбнулась, и у тебя все лицо загорелось от улыбки, хоть ты и раба.

Возле мины меня ждала неожиданность. Здесь кто-то побывал, я разглядел следы на гальке и опознал отпечатки длинных остроносых башмаков господина Мака. Что он тут вынюхивает? — подумал я и огляделся. Нигде ничего. И хоть бы во мне шевельнулось какое подозренье!

Я принялся стучать по буру, сам не ведая, что творю.

32

Пришел почтовый пароход, он привез мне мундир, он заберет барона и все его ящики с водорослями и раковинами. Теперь его грузят у пристани сельдью и ворванью, к вечеру он уйдет.

Я беру ружье и побольше пороха

krudt i begge dens løp. Da jeg havde gjort det nikket jeg ved mig selv. Jeg går tilfjælds og fylder også min mine med krudt; jeg nikker atter. Nu var alting forberedt. Jeg la mig til å vente.

Jeg ventet i timer. Jeg hørte hele tiden at dampskibet hivet op og ned med gangspillet ved bryggen. Det begyndte allerede å skumre. Endelig lyder pipen, lasten er indtat, skibet går. Nu har jeg nogen minutter å vente. Månen var ikke oppe og jeg stirret som en sindssyk gjennem den skumrende kvæld.

Da den første spids av baugen ståk frem om holmen tændte jeg min lunte og trak mig hurtig bort. Det går et minut.

Pludselig lyder et knald, et sprøit av stenfliser står tilveirs, fjældet ryster og klippen ruller drønende ned i avgrunden. Det gjenlyder frå fjældene omkring.

Jeg griper min børsе og avfyrer mit ene løp; ekkoet svarer mangedobbelt. Efter et øieblik skyter jeg også mit andet løp av; luften skalv av min salut og ekkoet kastet larmen ut i den vide verden; det var som om alle fjælde hadde slått sig sammen om å rope høit for det bortdragende skib. Det forløper en kort stund, luften stilner,

набиваю в оба ствола. Сделав это, я сам себе подмигиваю. Я иду в горы и закладываю порох; я снова подмигиваю. Ну вот, все готово. Я лег и стал ждать.

Я ждал не один час. Все время я слышал, как пароход ходит ходуном у шпиля. Уже смерклось. Наконец свисток, груз принят, судно отходит. Ждать осталось всего несколько минут. Луна еще не взошла, и я как безумный вглядывался в сумерки.

Лишь только из-за выступа чуть-чуть показался нос, я поджег фитиль и отскочил подальше. Проходит минута. Вдруг раздается взрыв, взвиваются осколки, гора дрожит, и каменная глыба, грохоча, летит в пропасть. Гулко гремят горы.

Я хватаюсь за ружье и стреляю из одного ствола; эхо отвечает раскатистым залпом. Через мгновенье я разряжаю второй ствол. Воздух дрожал от моего салюта, эхо множило его и посылало далеко-далеко, словно все горы громким хором кричали вслед уходящему пароходу. Немного спустя воздух

ekkoet tier i alle fjælde og atter ligger jorden tyst. Skibet forsvinder i skumringen.

Jeg skjælver endnu av en sælsom sprænding, jeg tar mine bor og min børs under armen og begir mig med slappe knær nedover fjældet. Jeg tok den korteste vei, holdende øie med det rykende spor som mit skred hadde efterlatt sig. Æsop går hele tiden og ryster på hodet og nyser av den svidde lukt.

Da jeg kom ned til støen møtte der mig et syn som hensatte mig i den voldsomste sindsbevægelse: en båt la knust av den nedstyrtede klippeblok og Eva, Eva lå ved siden av, slått sønder og sammen, sprængt av et støt, oprevet til ukjendelighet i siden og nedover maven. Eva var død på stedet.

XXXIII

Hvad mere har jeg å skrive? Det løstes ikke et skudd av mig i flere dager, jeg hadde ingen mat og jeg åt heller ikke, jeg sat i mit skur. Eva førtes til kirken i hr. Macks hvitmalte husbåt, jeg gik

стихает, эхо молчит, и опять на земле тишь. Пароход исчезает во мраке.

Я все еще весь дрожу, я беру под мышку ружье и буры и спускаюсь; у меня подгибаются ноги. Я выбрал самый короткий путь, я иду по дымному следу, оставленному обвалом. Эзоп все время трясет мордой и чихает от гари.

Когда я спустился к причалу, я увидел такое, что всего меня перевернуло; сорвавшейся глыбой раздавило лодку, и Ева, Ева лежала рядом, вся разбитая, разодранная, сплюснутая, и нижняя часть тела ее была изувечена до неузнаваемости. Ева умерла на месте.

33

Что же тут еще писать? За много дней я ни разу не выстрелил, еды у меня не было, да я и не ел, я сидел в своей берлоге. Еву отвезли в церковь на белой лодке господина Мака, я

overland og møtte op ved graven.
Eva er død. Husker du hendes lille
pikehode med et hår som en nonne?
Hun kom så stille, la sin byrde ned og
smilte. Og så du hvorledes dette smil
bruste av liv? Ti stille, Æsop, jeg husker
et sælsomt sagn, det er fra fire
menneskealdre tilbake, på Iselins tid da
Stamer var præst:

En pike sat fangen i et muret tårn. Hun
elsket en herre. Hvorfor? Spør vinden
og stjærnerne, spør livets Gud; for ingen
anden vet sådant noget. Og herren var
hendes ven og elsker; men tiden gik og
en ukedag så han en anden og hans sind
forvendtes.

Som en yngling elsket han sin pike. Han
kaldte hende ofte sin velsignelse og sin
due og hun hadde en het og bølgende
favn. Han sa: Gi mig din hjærte! Og hun
gjorde det. Han sa: Tør jeg be dig om
noget, elskede? Og hun svarte beruset:
Ja. Hun gav ham alt og han takket hende
dog ikke.

берегом прошел к могиле.

Ева умерла. Ты помнишь ее
девичью головку, причесанную как у
монахини? Она подходила тихо-тихо,
складывала вязанку и улыбалась. А
видел ты, как загоралось от улыбки
ее лицо? Тихо, Эзоп, мне
вспомнилось одно странное преданье,
это было во времена прапрадедов, во
времена Изелины, когда
священником был Стаммер.

Девушка сидела в каменной башне.
Она любила одного господина.
Отчего? Спроси у росы, спроси у
ночной звезды, спроси у Создателя
жизни; а больше никто тебе не
ответит. Тот господин был хорош с
нею, он любил ее, но время шло, и в
один прекрасный день он увидел
другую, и чувства его переменялись.

Словно юноша, любил он ту
девушку. Он говорил ей. «Ты моя
ласточка», он говорил: «Ты моя
радость» — и как горячо она
обнимала его. Он сказал: «Отдай мне
свое сердце!» И она отдала. Он
говорил: «Можно, я попрошу тебя
кой о чем, любимая?» И, не помня
себя, она отвечала: «Да». Все
отдавала она ему, а он ее не

Den anden elsket han som en slave, som en gal og som en tigger. Hvorfor? Spør støvet på veien og løvet som falder, spør livets gåtefulde Gud; for ingen anden vet sådant. Hun gav ham intet, nei intet gav hun ham og han takket hende dog. Hun sa: Gi mig din fred og din forstand! Og han sørget bare over at hun ikke bad om hans liv.

Og hans pike sattes i tårnet ....

Hvad gjør du, pike, du sitter og smiler?

Jeg tænker på noget for ti år siden. Da møtte jeg ham.

Du husker ham endnu?

Jeg husker ham endnu.

Og tiden går ....

Hvad gjør du, pike? Og hvorfor sitter du og smiler?

Jeg syr hans navn i en duk.

Hvis navn? Er det ham som lukket dig inde?

Ja ham som jeg møtte for tyve år siden.

Du husker ham endnu?

Jeg husker ham som før.

Og tiden går ....

благодарил.

Другую любил он, словно раб, словно безумец и нищий. Отчего? Спроси пыль на дороге, спроси у ветра в листве, спроси непостижимого Создателя жизни; а больше никто не ответит. Она не дала ему ничего, нет, ничего она не дала ему, а он ее благодарил. Она сказала: «Отдай мне свой покой и свой разум!» И он опечалился только, что она не попросила у него и жизни.

А девушку заточили в башню...

— Что ты делаешь, девушка? Чему улыбаешься?

— Я вспоминаю, что было десять лет назад. Я тогда встретила его.

— Ты все его помнишь?

— Я все его помню.

А время идет...

— Что ты делаешь, девушка? И чему улыбаешься?

— Я вышиваю на скатерти его имя.

— Чье имя? Того, кто запер тебя?

— Да, того, кого я встретила двадцать лет назад.

— Ты все его помнишь?

— Я помню его, как и прежде.

А время идет...

<p>Hvad gjør du, fange?</p> <p>Jeg ældes og ser ikke mere å sy, jeg skraper kalken av muren. Av kalken ælter jeg en krukke til ham, som en liten gave til ham.</p> <p>Hvem taler du om?</p> <p>Min elsker, han som lukket mig inde i tårnet.</p> <p>Det smiler du av at han har lukket dig inde?</p> <p>Jeg tænker på hvad han nu vil si. Se, se, vil han si, min pike har sendt mig en liten krukke, hun har ikke glemt mig i tredive år.</p> <p>Og tiden går ....</p> <p>Hvad, fange, du sitter og gjør ingenting og du smiler?</p> <p>Jeg ældes, jeg ældes, mine øine er blinde, jeg tænker bare.</p> <p>På ham som du møtte for firti år siden?</p> <p>På ham som jeg møtte da jeg var ung. Kanske er det firti år siden.</p> <p>Men vet du da ikke at han er død? Du blekner, gamle, du svarer ikke, din mund er hvit, du ånder ikke mere ....</p> <p>Se således var det sælsomme sagn om piken i tårnet. Bi litt, Æsop, jeg glemte</p>	<p>— Что ты делаешь, узница?</p> <p>— Я старюсь, глаза мои больше не видят шитья, я соскребаю со стены известку. Из этой известки я вылеплю кувшин ему в подарок.</p> <p>— О ком ты?</p> <p>— О своем любимом, о том, кто запер меня в башне.</p> <p>— Не тому ли ты улыбаешься, что он тебя запер?</p> <p>— Я думаю, что он скажет.</p> <p>«Поглядите-ка, — он скажет, — моя девушка послала мне кувшин, за тридцать лет она меня не забыла».</p> <p>А время идет...</p> <p>— Как, узница, ты сидишь сложа руки и улыбаешься?</p> <p>— Я старюсь, я старюсь, глаза мои ослепли, я могу только думать.</p> <p>— О том, кого ты встретила сорок лет назад?</p> <p>— О том, кого я встретила, когда была молодая. Может, с той поры и прошло сорок лет.</p> <p>— Да разве ты не знаешь, что он умер? Ты бледнеешь, старая, не отвечаешь, губы твои побелели, ты не дышишь...</p> <p>Вот видишь, какое странное преданье о девушке в башне. Постой-</p>
--	--

noget: hun hørte en dag sin elskers røst i gården og hun faldt på knæ og rødmet. Da var hun firti år ....

Jeg jorder dig, Eva, og kysser av ydmyghet sandet på din grav. En tyk, rosenrød erindring glir gennem mit indre når jeg tænker på dig, jeg blir som overgydt av velsignelse når jeg husker dit smil.

Du gav alt, alt gav du og det kostet dig ingen overvindelse, for du var selve livets berusede barn. Men andre som sparer karrig endog på sit blik, kan ha hele min tanke. Hvorfor? Spør de tolv måneder og skibene på havet, spør hjærtets gåtefulde Gud ....

XXXIV

En mand sa:
De skyter ikke mere? Æsop har los i skogen, den jager en hare.

Jeg sa: Gå og skyt den for mig.

ка, Эзоп, вот еще что я забыл: однажды она услышала в саду голос своего любимого, и она упала на колени, и покраснела. Ей тогда было сорок лет...

Я хороню тебя, Ева, я смиренно целую песок на твоей могиле. Густая, алая нежность заликает меня, как я о тебе подумаю, словно благодать сходит на меня, как я вспомню твою улыбку.

Ты отдавала все, ты все отдавала, и тебе это было нисколько не трудно, потому что ты была проста, и ты была щедра, и ты любила. А иной даже лишнего взгляда жалко, и вот о такой-то все мои мысли. Отчего? Спроси у двенадцати месяцев, у корабля в море, спроси у непостижимого Создателя наших сердец...

34

Меня спросили, не бросил ли я охоту?

— Эзоп один в лесу, он гонит зайца.

Я ответил:

— Подстрелите его за меня.

Nogen dager forløp, Hr. Mack søkte mig op, han så huløiet ut, hans ansigt var gråt. Jeg tænkte: Er det så at jeg kan gjennemskue mennesker eller er det ikke så? Jeg vet det ikke selv.

Hr. Mack talte om skredet, katastrofen. Det var en ulykke, en sørgelig tilfældighet, jeg hadde ingen skyld i den.

Jeg sa:

Hvis det var nogen som for enhver pris vilde skille Eva og mig ad så har han opnådd det. Gud forbande ham!

Hr. Mack skulte mistænksomt på mig. Han mumlet noget om den smukke begravelse. Det var intet spart.

Jeg sat og beundret hans store smidighet.

Han vilde ingen erstatning ha for båten som mit skred hadde knust.

Jo, sa jeg, vil De virkelig ikke ta Dem betalt for båten og for tjærepøsen, kosten?

Nei bedste hr. løytnant, svarte han, hvor kan De tænke det! — Og han så på mig med hatefulde øine.

Дни шли; меня навестил господин Мак, глаза у него ввалились, лицо стало серое. Я думал: точно ли я умею читать в душах людей или это мне только так кажется? Сам не знаю.

Господин Мак заговорил про обвал, про катастрофу. Это несчастный случай, печальное стечение обстоятельств, моей вины тут никакой.

Я сказал:

— Если кому-то любой ценой хотелось разлучить меня с Евой, он своего добился. Будь он проклят!

Господин Мак глянул на меня исподлобья. Он что-то пробормотал о богатых похоронах. Ничего, мол, не пожалели.

Я сидел и восхищался его самообладанием.

Он отказался от возмещения за лодку, разбитую моим взрывом.

— Вот как! — сказал я. — Вы в самом деле не желаете брать денег за лодку, и за ведро с дегтем, за кисть?

— Милейший господин лейтенант, — ответил он. — Как такое могло прийти вам в голову!

И в глазах его была ненависть.

I tre uker så jeg ikke Edvarda. Jo en gang, jeg traf hende i kramboden hvor jeg var gat hen for å kjøpe brød, hun stod indenfor disken og rotet i forskjellige tøier. Bare de to betjenter var tilstede foruten hende.

Jeg hilste høit og hun så op, men svarte ikke. Det faldt mig ind at jeg ikke vilde be om brød i hendes påhør, jeg vendte mig til betjentene og forlangte hagl og krudt. Mens dette blev veiet av holdt jeg øie med hende.

En grå og altfor liten kjole hvis knaphuller var slitte; det flate bryst arbeidet stærkt.

Hvor hun hadde vokset i sommert
Hendes pande tænkte, disse aparte buede øienbryn stod i hendes ansigt som to gåter, alle hendes bevægelser var blit mere modne. Jeg så på hendes hænder, uttrykket i de lange, fine fingrer virket voldsomt på mig og lot mig sitre. Hun rotet fremdeles i tøierne.

Jeg stod og ønsket at Æsop vilde løpe indenfor disken bort til hende op kjende hende igjen, så vilde jeg øieblikkelig kalde den til mig og be om

Три недели не видал я Эдварды. Хотя нет, один раз я ее встретил в лавке, когда пришел купить хлеба, она стояла за прилавком и перебирала материи. В лавке, кроме нее, были только два приказчика.

Я громко поздоровался, и она подняла глаза, но не ответила. Я решил при ней не спрашивать хлеба, я повернулся к приказчикам и спросил пороха и дробы. Пока мне отвешивали то и другое, я смотрел на нее.

Серое, совсем уже короткое ей платье, петли залохматились; тяжело дышала маленькая грудь.

Как выросла она за лето! Лоб задумчивый, выгнутые, высокие брови — будто две загадки на ее лице, и все движенья у нее стали словно более степенны. Я смотрел ей на руки, особенное выраженье длинных тонких пальцев ударило меня по сердцу, я вздрогнул. Она все перебирала материи.

Как же я хотел, чтоб Эзоп подбежал к ней, узнал ее, я бы тотчас окликнул его и попросил бы у нее извинения; интересно, что бы она

undskyldning; hvad vilde hun svare da?
Værsågod! sier betjenten.

Jeg betalte, tok mine pakker og hilste
atter. Hun så op, men svarte heller ikke
nu. Det er godt! tænkte jeg; hun er
kanske allerede baronens brud. Og jeg
gik uten brød.

Da jeg var kommet utenfor kastet jeg et
blik op til vinduet. Ingen så efter mig.

XXXV

Så en nat kom sneen og det begyndte å
bli kjølig i min hytte. Der var en gruve
hvor jeg kokte min mat, men veden
brændte dårlig og det trak meget fra
væggene skjønt jeg hadde tættet dem så
godt jeg kunde. Høsten var forbi og
dagene blev korte. Den første sne
smæltet endnu bort for solen og atter la
marken bar; men nætterne var kolde og
våndet frøs. Og alt græs og alle insekter
døde.

En hemmelighetsfuld stilhet la sig over
menneskene, de grublet og tidde, deres
øine ventet vinteren. Intet rop lød
længer fra tørkeplassen og havnen lå

ответила?

— Пожалуйста, — говорит
приказчик.

Я заплатил, взял покупку и
простился. Она подняла глаза, но и на
этот раз не ответила. Ладно! —
подумал я, верно, она уже невеста
барона. И я ушел без хлеба.

Выйдя из лавки, я бросил взгляд на
окно. Никто не смотрел мне вслед.

35

Потом как-то ночью выпал снег, и
в моем жилье стало холодно. Тут был
очаг, на котором я готовил еду, но
дрова горели плохо и от стен
нещадно дуло, хоть я и заделал их,
как мог. Осень миновала, дни стали
совсем короткие. Первый снег,
правда, стоял на солнце, и опять
земля лежала голая; но ночами пошли
холода, и вода промерзала. И вся
трава, вся мошкара погибли.

Люди непонятно затихли,
примолкли, задумались, и глаза у них
теперь не такие синие и ждут зимы.
Уж не слышно больше выкриков с

rolig, alt gik den evige nordlysnat imøte
når solen sov i havet. Dumpe, dumpe
lød åreslagene fra en ensom båt.

En pike kom roende.

Hvor har du været, min pike!

Ingensteds.

Ingensteds? Hør du, jeg kjenner dig
igjen, jeg traf dig i sommer.

Hun la til, steg iland og fortøiet båten.

Du var gjæterpike, du bandt på en
strømpe, jeg traf dig en nat.

En liten rødme stiger op i hendes kinder
og hun ler forlegen.

Min lille heipike, kom ind i hytten og lat
mig se på dig. Du heter forresten
Henriette.

Men hun går mig taus forbi. Høsten,
vinteren hadde grepet hende, allerede
sov hendes sanser.

Allerede var solen gat i hav.

XXXVI

Og jeg tok for første gang min uniform
på og gik ned til Sirilund. Mit hjerte

островов, где сушат рыбу, все тихо в
гавани, все приготовилось к
полярной вечной ночи, когда солнце
спит в море. Глухо, глухо
всплескивает весло одинокой лодки.

В лодке девушка.

— Где ты была, красавица?

— Нигде.

— Нигде? Послушай, а ведь я тебя
знаю, это тебя я встретил летом.

Она пристала к берегу, вышла и
привязала лодку.

— Ты напевала, ты вязала чулок, я
встретил тебя однажды ночью.

Она слегка краснеет и смеется
смущенно.

— Зайди ко мне, красавица, а я
погляжу на тебя. Я вспомнил, тебя же
зовут Генриетой.

Но она молчит и идет мимо. Ее
прихватило зимой, чувства ее уснули.

Солнце уже ушло в море.

36

И я в первый раз надел мундир и
отправился в Сирилунн. Сердце у

banket.

Jeg husket alt fra den første dag da Edvarda ilet bort til mig og omfavnet mig i alles påsyn; nu hadde hun kastet mig hit og dit i mange måneder og fat mit hår til å gråne. Min egen skyld? Ja min stjerne hadde ledet mig vild.

Jeg tænkte: Hvor hun vil gotte sig hvis jeg kaster mig ned for hende og sier hende mit hjertes hemmelighet idag! Hun vil by mig en stol og la vin sætte ind og just idet hun fører glasset til munden for å drikke med mig vil hun si: Hr. løytnant, jeg takker for den stund vi har været sammen, jeg vil aldrig glemme den!

Men når jeg da blir glad og får litt håp vil hun late som om hun drikker og sætter glasset urørt ned. Og hun vil ikke skjule for mig at hun bare later som hun drikker, hun vil netop vise mig det. Således er hun.

Godt, nu slår snart den siste time!

Og mens jeg gik nedover veien tænkte jeg videre: Min uniform vil gjøre sit

меня колотилось.

Мне вспомнилось все, с того самого первого дня, когда Эдварда бросилась ко мне на шею и у всех на глазах поцеловала; и уж сколько месяцев она швыряется мной, как захочет, — из-за нее у меня поседели волосы. Сам виноват? Да, видно, не туда завела меня моя звезда, совсем не туда.

Я подумал: а ведь упади я сейчас перед ней на колени, открой ей тайну своего сердца, как бы она злорадствовала! Верно, она предложила бы мне сесть, велела бы принести вина, поднесла бы его к губам и сказала: «Господин лейтенант, благодарю вас за то время, что вы провели со мной вместе, я никогда о нем не забуду!»

Но только я обрадуюсь и обнадежусь, она, не пригубив, отставит стакан. И даже не станет делать вида, будто пьет, нет, нарочно покажет, что к вину и не притронулась. В этом она вся.

Ну ничего, скоро уж пробьет последний час!

Я шел по дороге и додумывал свои думы: мундир должен произвести на

indtryk på hende, dens tresser er nye og smukke. Sabelen vil klirre mot gulvet.

En nervøs glæde rislet gennem mig og jeg hvisket til mig selv: Hvo vet hvad som endnu kan ske!

Jeg løftet hodet og slog ut med hånden. Ingen ydmyghet oftere, ære i livet! Jeg var like glad hvordan det gik, jeg skulde ingen tilnærmelse gjøre mere. Undskyld at jeg ikke frir til Dem, skjønjomfru ....

Hr. Mack møtte mig ute på gårdsplassen, mere huløiet, mere grå.

Reise? Nå jasnå. De har vel heller ikke hat det for hyggelig i det siste; hvad? Deres hytte brændte. — Og hr. Mack smilte.

Det var pludselig som om jeg så verdens klokeste mand foran mig.

Gå ind, hr. løytnant, Edvarda er inde. Ja farvel. Vi træffes vel ellers på bryggen når skibet går. — Han fjærnet sig med lutende hode, tænkende, plystrende.

Edvarda sat i stuen, hun læste. Da jeg trådte ind studset hun et øieblik over

нее впечатление, галуны совсем новые, красивые. Сабля будет звенеть по полу. Я радостно вздрагиваю и шепчу про себя: «Кто его знает, чем еще все это кончится!»

Я поднимаю голову, иду, отбивая такт рукой. Довольно унижаться, где моя гордость! Да и что мне за дело, наконец, как она себя поведет, с меня довольно! Прошу прощенья, дева красоты, что я к вам не посватался...

Господин Мак встретил меня во дворе, глаза у него еще больше ввалились, лицо стало совсем серое.

— Едете? Ну что же. Вам напоследок не очень-то сладко пришлось; вот и сторожка у вас сгорела. — И господин Мак улыбнулся.

Мне вдруг подумалось, что передо мной умнейший человек на свете.

— Заходите, господин лейтенант. Эдварда дома. Ну так прощайте. Впрочем, мы еще увидимся на пристани, когда будет отправляться пароход. — Он зашагал прочь, задумавшись, ссутулясь, насвистывая.

Эдварда сидела в гостиной, она читала. Когда я вошел, она на

min uniform, hun så på mig fra siden som en fugl og blev endog rød. Hun åbnede munden.

Jeg kommer for å si farvel, fik jeg endelig frem.

Hun reiste sig med ett og jeg så at mine ord gjorde nogen virkning på hende.

Glahn, skal De reise? Nu?

Så snart skibet kommer. — Jeg griper hendes hånd, begge hendes hænder, en meningsløs henrykkelse bemægtiger sig mig, jeg utbryter: Edvarda! og stirrer på hende.

Og i samme stund er hun kold, kold og trodsig. Alt i hende motstod mig, hun rettet sig op. Jeg befandt mig som en tigger foran hende, jeg slåp hendes hænder og lot hende gå.

Jeg husker at fra dette øieblik av stod jeg og gjentok mekanisk: Edvarda! Edvarda! flere ganger uten å tænke over det og da hun spurte: Ja? Hvad vilde De si? forklarte jeg hende intet.

Tænk skal De allerede reise! gjentok hun. Hvem skal nu komme til næste år?

мгновенно оторопела при виде моего мундира, она смотрела на меня, склонив голову, как птица, и даже залилась краской. Рот у нее приоткрылся.

— Я пришел проститься, — выдавил я наконец.

Она тотчас встала, и я увидел, что слова мои оказали на нее свое действие.

— Глан, вы едете? Уже?

— Как только придет пароход. — И тут я хватаю ее за руку, за обе руки, на меня находит бессмысленный восторг, я вскрикиваю: — Эдварда! — и не отрываясь смотрю ей в лицо.

И тотчас она делается холодна, холодна и упряма. Все во мне раздражает ее, она выпрямляется, и вот уже я стою перед ней, словно милостыни прошу. Я выпустил ее руки, дал ей отойти.

Помню, я еще долго так стоял и твердил, ни о чем не думая: «Эдварда! Эдварда!» И когда она спросила: «Да, что такое?» — ничего ей не мог объяснить.

— Значит, вы едете! — повторила она. — Кто же явится на будущий

En anden, svarte jeg. Hytten blir vel bygget op igjen.

Pause. Hun grep allerede efter sin bok.

Jeg beklager at ikke min far er inde, sa hun. Men jeg skal hilse ham fra Dem.

Dette besvarte jeg ikke. Jeg trådte frem, tok hendes hånd endnu en gang og sa:

Ja farvel, Edvarda.

Farvel, svarte hun.

Jeg åpnet døren og lot som jeg gik.

Allerede sat hun med boken i hånden og hun læste, læste virkelig og bladet om.

Intet, intet indtryk hadde min avsked gjort på hende.

Jeg hostet.

Hun vendte sig om og sa overrasket:

Gik de ikke? Jeg syntes De gik.

Gud alene vet det, men hendes overraskelse var for stor, hun tok sig ikke i agt men overdrev sin forbauselse og jeg fik den tanke at hun kanskje hele tiden hadde visst at jeg stod bak hende.

год?

— Другой, ответил я. —

Сторожку-то отстроят.

Пауза. Она уже снова взялась за книгу.

— Вы уж извините, что отца нет дома, — сказала она. — Но я передам ему, что вы заходили проститься.

На это я ей ничего не стал отвечать. Я опять подошел, взял ее за руку и сказал:

— Прощайте же, Эдварда.

— Прощайте, — ответила она.

Я отворил дверь, будто собрался идти. Она уже склонилась над книгой и читала, она в самом деле читала, она перелистывала страницы.

Никаких, никаких чувств не вызвало в ней наше прощанье.

Я кашлянул.

Она оглянулась и сказала недоуменно:

— Как, вы еще не ушли? А я думала, вы ушли.

Конечно, Бог его знает, но нет, мне не почудилось, она и правда уж очень изумилась, она потеряла власть над собой и удивилась чересчур, и я подумал, что она, может быть, все время знала, что я стою у нее за

Nu skal jeg gå, sa jeg.
Da reiste hun sig og kom bort til mig.
Jeg vilde gjerne ha et minde om Dem
når De nu reiser, sa hun. Jeg tænkte å be
Dem om noget, men det er vel formeget.
Vil De gi mig Æsop?

Jeg betænkte mig ikke, men svarte ja.
Så vil De kanskje komme med den
imorgen, sa hun.
Jeg gik.
Jeg så op til vinduet. Ingen der.
Nu var alt forbi ....

Den siste nat i hytten. Jeg grublet, jeg
talte timerne; da morgningen kom
tilberedte jeg mit siste måltid. Det var
en kold dag.

Hvorfor bad hun mig om selv å bringe
hunden til hende? Vilde hun tale med
mig, si mig noget for siste gang? Jeg
hadde intet mere å vente.

Og hvorledes vilde hun behandle Æsop?
Æsop. Æsop, hun vil pine dig! For min
skyld vil hun piske dig, kanskje også
kjæle for dig, men ialfald piske dig i tide

спиной.

— Ну, мне пора, — сказал я.

Тут она встала и подошла ко мне.

— Знаете, я бы хотела что-нибудь
от вас на память, — сказала она. — Я
думала вас кой о чем попросить, да
боюсь, что это слишком. Не могли бы
вы оставить мне Эзопа?

Я не раздумывал, я ответил «да».

— Так приведите его завтра,
ладно? — сказала она.

Я ушел.

Я взглянул на окна. Никого.

Итак, все кончено...

Последняя ночь. Я думал, думал, я
считал часы; когда настало утро, я в
последний раз приготовил еду. День
был холодный.

Почему она попросила, чтоб я сам
привел ей пса? Хотела поговорить со
мною, что-то мне сказать напоследок?
Я уже больше ничего, ничего от нее
не жду.

И как станет она обращаться с
Эзопом? Эзоп, Эзоп, она тебя
замучит! Из-за меня она будет сечь
тебя плеткой, будет и ласкать, но сечь

og utide og aldeles fordærve dig ....

Jeg kaldte Æsop til mig, klappede den, la vore hoder sammen og grep min borse. Den begyndte allerede å piste av glæde og trodde at vi skulde på jagt. Jeg la atter vore hoder sammen, satte borsepipen mot Æsops nakke og trykket av.

Jeg leiet en mand til å bringe Æsops lik til Edvarda.

XXXVII

Ut på eftermiddagen skulde postskibet gå.

Jeg begav mig ned til bryggen, mit tøj var allerede ombord. Hr. Mack trykket min hånd og opmuntret mig med at jeg fik godt veir, et behagelig veir, han skulde ikke selv ha noget imot å reise en tur i slikt veir. Doktoren kom gående, Edvarda fulgte ham; jeg følte at mine knær begyndte å skjælve.

Vi vilde se Dem vel ombord, sa doktoren. Og jeg takket.

Edvarda så mig like ind i ansigtet og sa:

будет непременно, за дело и без дела, и вконец тебя испортит...

Я подозвал Эзопа, потрепал его по загривку, прижал его голову к своей и взялся за ружье. Эзоп начал радостно повизгивать, он решил, что мы идем на охоту. Я снова прижал его голову к своей, приставил дуло ему к затылку и спустил курок.

Я нанял человека снести Эдварде труп Эзопа.

37

Пароход отходил вечером.

Я отправился на пристань, поклажу мою уже снесли на палубу. Господин Мак пожал мне руку и ободрил меня тем, что погодка великолепная, приятнейшая погодка, он и сам бы не прочь прогуляться морем по такой погодке. Пришел доктор, с ним Эдварда; у меня задрожали колени.

— Вот, решили проводить вас, — сказал доктор.

И я поблагодарил.

Эдварда взглянула мне прямо в

Jeg må takke Eder for Eders hund. Hun knep sin mund sammen; læberne var hvite. Atter hadde hun kaldt mig Eder.

Når går skibet? spurte doktoren en mand.

Om en halv time.

Jeg sa intet.

Edvarda vendte sig ophidset hit og dit.

Doktor, skal vi ikke gå hjem igjen? spurte hun. Jeg har gjort det som var mit ærend.

De har besørget Deres ærend, sa doktoren.

Hun lo ydmyget over hans evige rettelser og svarte:

Ja var det ikke omtrent det jeg sa?

Nei, svarte han kort og godt.

Jeg så på ham. Den lille mand stod der kold og fast; han hadde lagt en plan og fulgte den til det siste. Og om han allikevel tapte? Så vilde han dog ikke vise det, hans ansigt fortrak sig aldrig.

Det skumret.

Ja farvel, sa jeg. Og tak for hver dag.

Edvarda så stumt på mig. Så dreiet hun

лицо и сказала:

— Я должна поблагодарить вашу милость за собаку. — Она сжала рот; губы у нее побелели. Опять она назвала меня «ваша милость».

— Когда отходит пароход? — спросил у кого-то доктор.

— Через полчаса.

Я молчал.

Эдварда беспокойно озиралась.

— Доктор, не пойти ли нам домой? — спросила она. — Я все сделала, что было моим долгом.

— Вы исполнили свой долг, — сказал доктор.

Она жалостно улыбнулась на привычную поправку и ответила:

— Я ведь так почти и сказала?

— Нет, — отрезал он.

Я взглянул на него. Как суров и тверд маленький человечек; он составил план и следует ему до последнего. А ну как все равно проиграет? Но он и тогда не покажет виду, по его лицу никогда ничего не поймешь.

Темнело.

— Так прощайте, — сказал я. — И спасибо за все, за все.

Эдварда смотрела на меня, не

sit hode og blev stående og se ut mot skibet.

Jeg gik i båten. Endnu stod Edvarda på kaien. Da jeg var kommet ombord ropte doktoren farvel. Jeg så iland, Edvarda vendte sig i det samme og gik bort frå kaien, hjemover, hastig og med doktoren langt bak sig. Dette var det siste jeg så av hende.

En bølge av vemod gled gjennom mit hjærte ....

Dampskibet begyndte å gå; jeg så endnu hr. Macks skilt: Opslag av salt og tomtønder. Men snart viskedes det ut. Månen og stjærnerne kom frem, fjældene reiste sig rundt omkring og jeg så de endeløse skoger.

Der står møllen, der, der la min hytte som brændte; den høie grå sten står ensom tilbake på brandtomten. Iselin, Eva ....

Nordlysningen breder sig over fjæld og dal.

XXXVIII

говоря ни слова. Потом она Отвернулась и уже не отрывала глаз от парохода.

Я сошел в лодку. Эдварда стояла на мостках. Когда я поднялся на палубу, доктор крикнул: «Прощайте!» Я взглянул на берег, Эдварда тотчас повернулась и торопливо пошла прочь, домой, далеко позади оставив доктора. И скрылась из глаз.

Сердце у меня разрывалось от тоски...

Пароход тронулся; я еще видел вывеску господина Мака: «Продажа соли и бочонков». Но скоро ее размыло. Возшел месяц, зажглись звезды, все кругом обстали горы, и я видел бескрайние леса.

Вон там мельница, там, там была моя сторожка; высокий серый камень остался один на пепелище. Изелина, Ева...

На горы и долины ложится полярная ночь.

38

Jeg har skrevet dette for å korte tiden.
Det fornøiet mig å huske tilbake på den sommer i Nordland da jeg mangen gang talte timerne, men tiden allikevel fløi.
Alt er forandret, dagene vil ikke lenger gå.

Jeg har mangen lystig stund endnu, men tiden den står stille og jeg skjønner ikke at den kan stå så stille. Jeg er avskediget militær og fri som en fyrste, alt er godt, jeg træffer mennesker, kjører i vogner, nu og da lukker jeg det ene øie og skriver med pekefingeren op i himlen, jeg kildrer månen under haken og jeg synes at den ler, storler av naragtig glæde over å bli kildret under haken. Alting smiler. Jeg later en prop knalde og kalder glade mennesker til.

Hvad Edvarda angår da tænker jeg ikke på hende. Hvorfor skulde jeg ikke helt ha glemt hende i denne lange tid? Jeg har ære i livet. Og spør nogen mig om jeg har nogen sorger da svarer jeg bums nei at jeg ingen sorger har ....

Cora ligger og ser på mig. Før var det Æsop, men nu ligger Cora og ser på

Я написал все это, чтобы скоротать время. Вспомнил то северное лето, когда я нередко считал часы, а время все равно несло незаметно, и вот развеялся. Теперь-то все иначе, теперь дни стоят на месте.

Мне ведь выпадает столько приятных минут, а время все равно стоит, просто понять не могу, почему оно стоит. Я в отставке, я свободен, как птица, сам себе хозяин, все прекрасно, я выдаюсь с людьми, разъезжаю в каретах, а то, бывает, прищурю один глаз и пишу по небу пальцем, я щекочу луну под подбородком, и, по-моему, она хохочет, глупая, заливается от радости, когда я ее щекочу. И все вокруг улыбается. Или ко мне съезжаются гости, и вечер проходит под веселое щелканье пробок.

Что до Эдварды, я о ней, совершенно не думаю. Да и как тут не забыть, ведь прошло столько времени? И у меня наконец есть гордость. И если меня спросят, не мучит ли меня что, я твердо отвечу: нет, ничего меня не мучит...

Кора лежит и смотрит на меня. Раньше был Эзоп, а теперь вот Кора

mig. Klokken tikker på kaminen, utenfor mine åpne vinduer bruser byens larm. Det banker på døren og postbudet rækker mig et brev. Brevet er kronet. Jeg vet hvem det er fra, jeg forstår det straks eller jeg har kanskje drømt det en søvnløs nat. Men i brevet er ikke noget skrevet, det ligger bare to grønne fuglefjær i det.

En isnende rædsel trækker gjennom mig, jeg blir kald. To grønne fuglefjær! sier jeg til mig selv. Nå, hvad er dermed å gjøre! Men hvorfor blir jeg kald? Se det er nu en forbandet træk fra de vinduer der.

Og jeg lukker vinduerne.

Der ligger nu to fuglefjær! tænker jeg videre, jeg synes at jeg skulde kjende dem, de minder mig om en liten spøk oppe i Nordland, en sådan liten oplevelse blandt mange andre oplevelser; det var fornøielig å se de to fjær igjen. Og jeg synes pludselig å se et ansigt og høre en røst og røsten sier: Værsågod, hr. løytnant, her er Eders fuglefjær!

Eders fuglefjær ....

лежит и смотрит на меня. Тикают часы на камине, за открытыми окнами шумит город. В дверь стучат, и посыльный протягивает мне письмо. Письмо запечатано короной. Я знаю, от кого оно, тотчас понимаю, или просто все это уже снилось мне когда-то бессонной ночью? Но в письме ничего, ни слова, только два зеленых пера.

Меня леденит страх, мне делается холодно. Два зеленых пера! — говорю я сам себе. Ну, да все равно! Но отчего же мне так холодно? Все этот проклятый сквозняк.

И я закрываю окна.

Вот тебе и два пера! — думаю я далее; кажется, я узнаю их, они напоминают мне об одной шутке, о небольшом происшествии, каких так много было со мной на Севере; что ж, любопытно взглянуть. И вдруг мне кажется, будто я вижу лицо, и слышу голос, и голос говорит:

— Пожалуйста, господин лейтенант, я возвращаю вашей милости эти перья!

Я возвращаю вашей милости эти перья...

Cora, du skal ligge stille, hører du, jeg slår dig ihjæl hvis du rører dig! Veiret er varmt, det er en utålelig hete; hvad tænkte jeg på som lukket vinduerne! Op med vinduerne igjen, op med hele døren, hit, I glade mennesker, kom ind! Hei, bybud, gå et ærend for mig efter mange mennesker ....

Og dagen går, men tiden står stille.

Nu har jeg skrevet dette bare for min fornøielses skyld og moret mig som jeg bedst kunde. Ingen sorg trykker mig, jeg længes bare bort, hvorhen vet jeg ikke, men langt bort, kanskje til Afrika, til Indien. For jeg hører skogene og ensomheten til.

GLAHNS DØD ET PAPIR FRA 1861

I

Familjen Glahn kan længe nok avertere i bladene efter den forsvundne løytnant Thomas Glahn; men han kommer aldrig mere tilbake. Han er død og jeg vet endog hvorledes han døde.

Кора, да лежи ты смирно, слышишь, не то я тебя прикончу! Тепло, какая несносная жара; с чего это я вздумал закрывать окна! Снова окна настежь, настежь двери, сюда, мои веселые друзья, входите! Эй, посыльный, зови ко мне побольше, побольше гостей...

И день проходит, а время все равно стоит на месте.

Ну вот я и написал все это для собственного удовольствия, и позабавился, как мог. Ничто не мучит, не гнетет меня, мне бы только уехать, куда — и сам не знаю, но подальше, может быть, в Африку, в Индию. Потому что я могу жить только совсем один, в лесу.

СМЕРТЬ ГЛАНА

Записки 1861 года

1

Семейство Глан может сколько заблагорассудится объявлять в газетах о пропавшем лейтенанте Томасе Глане; он не отыщется. Он умер, и я даже знаю, при каких

Når jeg endelig skal si det så forundrer det mig heller ikke at hans familie stadig vedblir med sine efterforskninger; for Thomas Glahn var i mange måter en usædvanlig og avholdt mand. Jeg indrømmer dette for å vise retfærdighet og det uagtet Glahn endnu er min sjæl fiendsk og hans minde vækker mit hat.

Han så prægtig ut, var fuld av ungdom og hadde et forførerisk væsen. Når han så på en med sit hete dyreblik følte man godt hans magt, endog jeg følte den. En dame skal ha sagt: Når han ser på mig er jeg fortaapt; jeg føler en bevægelse ved det som om han rører ved mig.

Men Thomas Glahn hadde sine feil og jeg har ikke i sinde å skjule dem da jeg hater ham. Han kunde til sine tider være så pjanket som et barn, så godmodig var han og kanskje var det derfor han bedåret fruentimmerne så, Gud vet det.

Han kunde sludre med kvinderne og le av deres intetsigende vrøvl, derfor

omstændigheder han døde.

Собственно говоря, меня и не удивляет упорство, с каким его семья продолжает розыски, потому что Томас Глан был человек в известном смысле необыкновенный, и его вообще любили. Да, тут уж надо отдать ему должное, хоть мне лично Глан до сих пор противен и я вспоминаю о нем с ненавистью.

Он обладал привлекательнейшей внешностью, молодостью и свойством кружить головы. Взглянет он на тебя этим горячим взглядом зверя, и так и чувствуешь его власть над собою, я и то ее чувствовал. Одна дама, якобы, говорила: «Когда он смотрит на меня, я делаюсь сама не своя; как будто он до меня дотрагивается».

Но у Томаса Глана были свои недостатки, и раз я его ненавижу, то мне и нет никакого расчета их утаивать. Временами он бывал до того прост, несерьезен, ну прямо как дитя малое, и до такой же степени покладист, может, оттого слабый пол и льнул к нему, кто знает?

Он часами с ними болтал, хохотал над разными их глупостями, а им

gjorde han indtryk på dem. Han sa om en meget korpulent mand i byen at han så ut som om han gik med fett i bukserne og denne vittighet lo han selv av, skjønt jeg vilde ha skammet mig over den.

Senere engang efter at vi var kommet til å bo i hus sammen viste han også sin pjankethet på en åpenlys måte: min værtinde kom en morgen ind til mig og spurte hvad jeg ønsket til frokost og i farten kom jeg til å svare en æg og et skive brød.

Thomas Glahn sat netop da i mit værelse — han bodde på kvisten ovenover, like under taket — og begyndte å le barnagtig over min ringe forsnakkelse og glæde sig over den. En æg og et skive brød, gjentok han uophørlig indtil jeg så forundret på ham og fik ham til å stanse.

Kanske husker jeg også flere latterlige træk av ham senerehen og i så fald vil jeg skrive også dem ned og ikke spare ham da han stadig er min fiende.

Hvorfor skulde jeg være ædelmodig? Men jeg vil indrømme at han pjattet bare når han var beruset. Men er ikke det å være beruset i sig selv en stor feil?

только того и надо. Или он сказал, например, как-то про одного очень полного человека, что тот словно наложил жиру в штаны, и сам же хохотал над своей остротой, а я так устыдился бы, случись мне сказать что-нибудь подобное.

Потом, когда мы поселились под одной крышей, он лишний раз яснее ясного показал, до чего он глуп: вошла ко мне утром хозяйка и спросила, что принести на завтрак, а я второпях и ответь: одно ломтик хлеба с яйцом.

Томас Глан сидел как раз в моей комнате, он-то жил на чердаке, под самой крышей — и давай хохотать над моей оговоркой, просто в восторг от нее пришел. Так и повторял «одно ломтик хлеба с яйцом», покуда я эдак удивленно на него не глянул и тем заставил умолкнуть.

Возможно, я в дальнейшем припомню и остальные его жалкие черточки, и в таком случае непременно к ним вернусь, поскольку он мой враг и щадить мне его нечего. К чему тут благородничать? Правда, должен сказать, дурачился он только, когда бывал пьян. Но само-то по себе

Da jeg traf ham høsten 1859 var han en mand på to og tredive år, vi var begge like gamle. Han hadde dengang helskjæg og brukte uldne jagtskjorter som var nedringet til overdrivelse, og endda hendte det at han undlot å knappe den øverste knap.

Hans hals forekom mig i begynnelsen å være usædvanlig skjøn, men han gjorde mig litt efter litt til sin dødsfiende og jeg syntes da ikke at hans hals var smukkere end min skjønt jeg ikke bar min så bredt tilskue.

Jeg traf ham første gang på en flodbåt og skulde til samme sted som han på jagt og vi besluttet straks å slå følge ind i landet med oksevogn når jærnbanen ikke kunde kjøre os længer.

Jeg undgår med flid å nævne stedet hvor vi reiste hen for ikke å sætte nogen på sporet; men familien Glahn kan trygt ophøre med å avertere efter sin slægtning; for han er død på dette sted som vi reiste til og som jeg ikke vil nævne.

Jeg hadde ellers hørt tale om Thomas Glahn før jeg traf ham, hans navn var mig ikke ubekjendt. Jeg hadde hørt at

пьянство разве не отвратительный порок?

Когда я с ним познакомился осенью 1859 года, он был в возрасте тридцати двух лет, мы ровесники. Он ходил тогда с окладистой бородой и носил вязанные рубахи, непомерно открытые у ворота, а часто вдобавок не застегивал верхнюю пуговицу.

Шея его сначала показалась мне необычайно красивой, но потом, когда он понемножку нажил во мне злейшего врага, я разглядел, что шея у него ничуть не лучше моей, просто я свою напоказ не выставляю.

Повстречался я с ним на пароме, нам было по пути, и мы сразу же уговорились вместе взять телегу, если железной дорогой туда не добраться.

Я намеренно не называю места, куда мы ехали, чтоб не наводить на след; но семейство Глан может с чистой совестью прекратить поиски своего родственника, потому что там-то он и умер, на том самом месте, куда мы ехали и которого я не назову.

Вообще-то я слышал про Томаса Глана еще до того, как его встретил, это имя было мне знакомо. Я слышал,

han hadde stat i forbindelse med en ung nordlænderinde frå et stort hus og at han hadde kompromitteret hende på en eller anden måte, hvorpå hun hadde brutt med ham.

Dette hadde han så i sin dumme trods svoret å hævne på sig selv og damen lot ham rolig gjøre som han lystet i så måte, det angik ikke hende. Fra nu av blev Thomas Glahns navn først ordentlig bekjendt, han slog sig vild, gal, han dråk, gjorde skandale på skandale og tok avsked fra militærtjenesten. Det var også en underlig måte å hævne en kurv på!

Det gik endnu en anden beretning om hans forhold til den unge dame; at han slet ikke hadde kompromitteret hende, men at hendes familje hadde jaget ham på dør og at hun selv hadde hjulpet til hermed efter at en svensk greve hvis navn jeg ikke vil nævne hadde fridd til hende.

Men denne beretning sætrer jeg mindre lit til og holder den første for sandere da jeg dog hater Thomas Glahn og tror ham istand til det værste. Men hvordan det var eller ikke, han talte aldrig selv om denne forbindelse med den høitstående

что он любил некую юную наследницу знатного рода в Северной Норвегии и как-то там ее компрометировал, после чего она с ним порвала.

Он же сдуру поклялся, что назло ей себя уморит. Ну, она ему это и предоставила. Ей-то что? Тогда, собственно, и стало известно имя Томаса Глана, он кутил, пил, учинял скандал за скандалом и вышел в отставку. Хорошенький способ мстить за то, что тебе дали по носу!

Про эти его отношения к юной даме ходили, впрочем, и другие слухи, что вовсе он ее не компрометировал, но ее родители, дескать, указали ему на дверь, а она им не противоречила, потому что к ней как раз посватался, не хочется называть имя, ну, словом, один шведский граф.

В это мне как-то меньше верится, думаю, что вернее первое, поскольку я ненавижу Томаса Глана и полагаю его способным на все. Так или иначе, сам он о своей знатной даме никогда не заговаривал, а я его не

dame og jeg spurte ham heller ikke derom. Hvad vedkom det mig?

Mens vi sat der på flodbåten husker jeg ikke at vi talte om noget andet end om den lille landsby som vi nu skulde til og hvor ingen av os hadde været før.

Det skal være et slags hotel der, sa Glahn og så efter på kartet. Er vi heldige kan vi komme til å bo der; værtinden er en gammel engelsk *halfbreed*, har man fortalt mig. Høvdingen bor i nabobyen, han skal ha mange koner, nogen er bare ti år.

Nu, det visste jeg ikke om høvdingen hadde mange koner og om det var et hotel i byen, derfor sa jeg ingenting, men Glahn smilte og jeg syntes at hans smil var skjønt.

Jeg glemte forresten at han ingenlunde kunde kaldes en fuldkommen mand skjønt han så så prægtig ut. Han fortalte selv at han gik med et gammelt skuddsår i venstre fot og at dette skuddsår var fuldt av gift mot alslags veirforandring.

II

расспрашивал. На что мне?

Тогда на пароме, помнится, мы говорили только о селенье, куда ехали и где прежде ни один из нас не бывал.

— Там как будто есть гостиница, — сказал Глан и сверился по карте.

— Если нам повезет, там и поселимся; хозяйка, мне говорили, старая англичанка, вернее, полукровка. Вождь живет в соседнем селенье, у него, как будто, много жен, иные не старше десяти лет.

Ну, я ничего не знал о том, сколько жен у вождя и есть ли в селенье гостиница, я и промолчал, а Глан улыбнулся, и его улыбка показалась мне тогда прекрасной.

Да, я совсем забыл. И он был не без изъяна при всей своей красоте. Он сам говорил, что на левой ноге у него давняя огнестрельная рана, и как перемена погоды, эта нога всегда ныла.

2

En uke senere var vi indlogerte i den store hytte som gik under navn av hotellet, hos den gamle engelske halfbreed. Åk for et hotell! Væggene var av ler og litt tr e og dette tr e var gjennom ett av de hvite myrer som kr p omkring allevegne.

Jeg bodde i et ruin ved siden av stuen med et gr nt glasvindu til gaten, en eneste rute som ikke var meget klar, og Glahn hadde valgt et bitte lite hul ovenp a p a kvisten hvorfra han ogs a hadde en glasrute til gaten, men hvor det var meget m rkere og d rligere   bo.

Solen gl det str taket op hos ham og gjorde det n sten uutholdelig hett i hans rum nat og dag, dertil kom at det langtfra var en trappe, men en ussel stige med fire trin som f rte op til ham. Hvad kunde jeg hjelpe derfor? Jeg gav Glahn valget og sa:

Her er to rum, et nedenunder og et ovenp a, v lg!

Og Glahn bes a de to rum og valgte det  verste, kanskje for   gi mig det bedste; men var jeg ham kanskje ikke ogs a taknemmelig derfor? Jeg skylder ham intet.

Неделю спустя мы поместились в большой хижине, которую тут именовали гостиницей, у старой полуангличанки. Ох, ну и гостиница! Стены больше глиняные и отчасти деревянные, и дерево все изъедено термитами, ими тут кишмя кишело.

Я жил в комнате рядом с залой, с зеленоватым окном на улицу, довольно, положим, мутным и узким, а Глан выбрал какую-то дыру на чердаке, тоже, правда, с окнами, но вообще-то куда темней и хуже.

Солнцем накаляло соломенную крышу, и у Глана день и ночь стояла несносная жара, ко всему прочему, лестницы не было и приходилось карабкаться по приставной развалюхе о четырех ступеньках. Я, однако же, тут совершенно ни при чем. Я предоставил Глану выбирать, я сказал:

— Тут две комнаты, внизу и наверху, — выбирайте!

И Глан осмотрел обе и выбрал верхнюю, возможно, чтобы оставить мне лучшую, согласен; но разве я не испытывал за это признательности? Так что мы квиты.

Sålænge den værste hete stod på lot vi jagten hvile og holdt os rolige ved hytten; for heten var så overmåte hård. Vi lå med fluenet omkring briksen om natten for insekternes skyld; men det hændte allikevel at blinde flagermus kom flyvende tyst og rasende mot vore net og rev dem itu; dette hændte Glahn altfor ofte fordi han stadig måtte ha en luke åpen i taket for heten, men mig hændte det ikke.

Om dagen lå vi på matter utenfor vor hytte og røkte og iagttok livet ved de andre hytter. De indfødte var brune og tyklæbede folk, alle med ringer i ørene og døde, brune øine; de var næsten nakne, med bare en strimmel bomuldstøi eller en bladflætning om livet og kvinderne hadde desuten også et kort skjørt av bomuldstøi til å berge sig i. Alle børn var splitternakne nat og dag, med rigtig store, utstående maver som glinset av olje.

Kvinderne er for fete, sa Glahn.

Og jeg syntes også at kvinderne var for fete og kanskje var det heller ikke Glahn, men mig selv som tænkte det først; men jeg strides ikke med ham derom og gir ham gjerne æren.

В самую жару мы не охотились, мы отсиживались дома; жара, надо сказать, была несносная. Ночью мы защищались от насекомых сетками; правда, иной раз летучая мышь сослепу кидалась на сетку и рвала ее в клочья; с Гланом такое случалось нередко, ведь из-за жары он не мог затворять чердачное оконце, а меня бог миловал.

Днем мы лежали на циновках перед хижиной, курили и наблюдали жизнь по соседству. Туземцы темнокожи и толстогубы, у всех застывшие черные глаза и в ушах кольца; ходят они почти голые, только повязка на бедрах из тряпицы или листьев, а у женщин еще и короткие юбочки. Дети все бегают нагишом день и ночь, животы большущие и лоснятся.

— Женщины чересчур жирны, — сказал Глан.

Не спорю, женщины были чересчур жирны, и, возможно, вовсе даже я, а не Глан первым это заметил, словом, не важно; оставляю ему честь такого открытия.

Forresten var ikke alle kvinder hæslige skjønt deres ansigter var fete og oppustede; jeg hadde truffet en pike i byen, en ung halv-tamulerinde med langt hår og snehvite tænder, hun var den smukkeste av alle.

Jeg støtte på hende en kvæld i kanten av en rismark, hun lå på maven i det høie græs og sprællet tilveirs med benene.

Hun kunde tale med mig og vi talte også sammen sålänge jeg vilde, det var næsten morgen før vi skiltes og da gik hun ikke like hjem, men lot som om hun hadde været i nabobyen natten over.

Glahn sat den kvæld midt inde i byen, utenfor en liten hytte sammen med to andre piker som var meget unge, kanskje ikke mere end netop ti år. Dem sat han og fjaset med og dråk risøl med, det var hans smak.

Et par dager efter gik vi på jagt. Vi passerte tehaber, rismarker og græssletter, vi levnet byen bak os og gik i retning av floden, vi kom ind i skoger av underlige, fremmede trær, bambus, mango, tamarindus, teak- og salttrær, olje- og gummivækster, ja Gud vet hvad det var for slags trær altsammen, vi forstod os ikke meget på det nogen av

И потом не все же они без исключения безобразны, при том что лица в самом деле толсты и вздуты; я, кстати говоря, познакомился с одной полутамилкой, длинноволосой и белозубой, так она была премиленькая и лучше всех.

Я наткнулся на нее раз вечером, она лежала на краю рисового поля, в высокой траве, лежала на животе и болтала ногами. Мы с ней столковались, мы расстались уже под утро, и она не пошла домой, а решила сказать родителям, будто ночевала в соседнем селенье.

Глан тот вечер провел с двумя какими-то девушками, совсем молоденькими, возможно, не старше десяти лет. И с такими-то он мог дурачиться, пить рисовую водку, — вот вам его вкус!

Дня через два мы отправились на охоту. Мы прошли чайными плантациями, рисовыми полями, лугами, миновали селенье и пошли берегом, мы углубились в лес из чудных, непонятных деревьев. Бамбук, манго, тамаринд, тик, соляное дерево, камедное и Бог знает что еще, мы во всем в этом оба мало

os.

Men i floden var det ikke meget vand og det vedblev å være lite vand i den like til regntiden. Vi skjøt vilde duer og høns og vi så to panthere ut på ettermiddagen; det fløi også papegøier over vore hoder.

Glahn skjøt skrekkelig sikkert, han feilet aldrig; men det var også fordi hans bøsse var bedre end min, jeg skjøt også skrækkelig sikkert mangen gang. Jeg brystet mig aldrig av det, men Glahn sa ofte: den sukker jeg i halen, den klør jeg i hodet; dette sa han før han trykket av og når fuglen faldt hadde han ganske riktig truffet den i halen eller hodet.

Da vi støtte på de to panthere vilde Glahn absolut anfalde dem også med sit haglgevær, men jeg fik ham til å opgi det fordi det var begyndt å mørkne og vi hadde ikke mere end et par patroner tilbake. Dette gjorde han sig også til av at han hadde vist mot til å skyte pantherne med hagl.

Jeg ærgrer mig over at jeg ikke skjøt allikevel, sa han til mig. Hvorfor er De så forbandet forsiktig? Vil De leve længe?

СМЫСЛИЛИ.

Но вода в реке была очень низкая и так всегда и держится до самых дождей. Мы стреляли диких голубей и кур, а ближе к вечеру видели двух пантер; над головами у нас летали попугаи.

Глан стрелял чудо как метко, никогда не промахивался; но у него ведь и ружье было лучше моего, и все равно я тоже много раз чудо как метко попадал. Я, однако, не имею манеры хвастаться, а Глан часто говорил: «Этой я целюсь в голову, а этой попаду в хвост». Так он говорил перед выстрелом, и когда птица падала, оказывалось, что он попал именно в голову или в хвост.

Когда мы наткнулись на тех двух пантер, Глану взбрело на ум уложить их из дробовика; но я отговорил его, поскольку уже темнело, а патроны у нас почти все вышли. Вообще же я думаю, ему просто покрасоваться хотелось, вот, мол, я какой храбрец, из дробовика пантер стреляю.

— А жаль, что я не выстрелил, — сказал он мне. — Все ваше несносное благоразумие. И зачем? Хотите долго жить?

Det glæder mig at De finder mig fornuftigere end Dem selv, svarte jeg. Ja lat os ikke bli uvenner for så lite, sa han så.

Dette var hans ord og ikke mine; hadde han villet være uvenner med mig så gjerne for mig. Jeg var begyndt å føle uvilje mot ham lor hans letsindige adfærd og hans forførvæsen.

Igåraftes var jeg kommet gående ganske rolig med Maggie, tamulerinden som var min veninde, og vi var begge i godt humør. Glahn sitter da utenfor hytten og hilser og smiler til os idet vi går forbi; men Maggie så ham da for første gang og spurte mig nysgjærrig ut om ham. Så meget indtryk hadde han gjort på hende at da vi skiltes gik vi hver til vort, hun fulgte mig ikke hjem.

Glahn vilde slå dette hen som om det ingen betydning hadde da jeg talte til ham derom. Men jeg glemte det ikke. Det var heller ikke til mig han lo og smilte da vi gik forbi hytten, det var til Maggie.

Hvad er det hun går og tygger på? spurte han mig.

Det vet jeg ikke, svarte jeg; hun tygger, dertil har hun vel låt sine tænder.

— Польщен, если вы считаете, что я благоразумней вас, — ответил я.

— Ну, не будем ссориться из-за пустяков, — сказал он тут.

Это его слова, не мои; захоти он поссориться, за мной бы дело не стало. Меня уже тогда начало бесить его легкомыслие и эта его неотразимость.

Накануне, например, я совершенно спокойно шел с Магги, своей знакомой тамилкой, оба мы были в превосходном расположении духа. Глан сидит подле хижины, он кивает нам и улыбается; Магги увидела его тогда в первый раз и давай меня о нем расспрашивать. И такое он впечатление на нее произвел, что мы вскоре и расстались, разошлись в разные стороны.

Когда я рассказал все Глану, он изобразил дело так, что это, мол, все мои выдумки. Но я ему все запомнил. Ведь улыбался-то он не мне, когда мы шли мимо хижины, он улыбался Магги.

— Что это она все жует? — спросил он меня.

— Не знаю, — ответил я. — Верно, на то ей и зубы, чтоб жевать.

Og det var heller ingen nyhet for mig at Maggie stadig tygget på noget, det hadde jeg længe lagt mærke til. Men det var ikke betel hun tygget på, for hendes tænder var aldeles hvite, derimot hadde hun den vane å tygge på alle andre ting, stikke dem i munden og tygge på dem som om det var noget godt.

Det kunde være hvadsomhelst, pengestykker, papirstumper, fuglefjær, men hun tygget på det. Men det var ialfald ikke noget å nedsætte hende for når hun var landsbyens smukkeste pike trods det; men Glahn var misundelig på mig, det var saken.

Kvælden efter blev jeg forresten igjen gode venner med Maggie og vi så ikke noget til Glahn.

III

En ukes tid forløp nu, vi gik hver dag på jagt og skjød en mængde vildt. En morgning, just som vi trådte ind i skogen grep Glahn mig i armen og hvisket: Stans! I det samme kaster han riflen til kindet og brænder av. Det var en ung leopard han skjød. Jeg kunde

Эка новость, я и сам знал, что Магги все жуёт, я сразу обратил на это внимание. Но она не жевала бетель, зубы у нее были и без того белее белого, нет, она имела обыкновение жевать что ни попадя — сунет в рот и жуёт, будто это вкусно.

Что угодно жевала — деньги, клочки бумаги, птичьи перья. Ну и что тут зазорного? Все равно она оставалась первой местной красавицей. Просто Глан мне завидовал. Ясное дело.

На другой вечер, правда, мы с Магги помирились и про Глана больше не говорили.

3

Прошла неделя, мы каждый день ходили на охоту и настреляли уйму дичи. Раз утром, едва мы вошли в лес, Глан схватил меня за руку и шепнул: «Стойте!» Тут же он вскидывает ружье и стреляет. Оказывается, он убил молодого

også ha skutt da, men Glahn beholdt den ære for sig selv og skjøt først. Hvor han nu vil bryste sig igjen! tænkte jeg. Vi nærmet os det døde dyr, det var stendødt, revet op i venstre side, og kuglen sat i ryggen.

Jeg holder ikke av å bli grepet i armen, derfor sa jeg:

Det skudd kunde også jeg ha gjort.

Glahn så på mig.

Jeg sier igjen:

De tror kanskje ikke at jeg kunde ha gjort det?

Glahn svarer ikke nu heller. Istedet derfor viser han endnu en gang sin barnagtighet og skyter den døde leopard påny, dennegang gjennom hodet. Jeg ser himmelfalden på ham.

Ja, sier han til forklaring, jeg kan ikke være bekjendt av å ha rammet en leopard i siden.

Det var for meget for hans forfængelighet at han hadde gjort et så simpelt skudd, altid vilde han være den første. Hvor han var naragtig! Men det blev ikke min sak, jeg vilde ikke røbe ham.

Om kvadden da vi kom ind til byen med

леопарда. Я бы тоже мог его убить, да Глан захватил эту честь себе и выстрелил раньше. «Ну и хвастаться же будет!» — подумал я. Мы подошли к зверю, пуля уложила его на месте, разорвала левый бок и засела в спине.

Я не выношу, когда меня хватают за руку, потому я сказал:

— Я бы тоже мог так выстрелить.

Глан посмотрел на меня.

Я повторяю:

— Вы что, сомневаетесь, что я бы мог так выстрелить?

Глан опять не отвечает. Он лишний раз выказывает ребячество и опять стреляет в мертвого зверя, уже в голову. Я смотрю на него в совершенном недоумении.

— Вот, — поясняет он. — Мне неловко, что я попал ему в бок.

Видите ли, его тщеславию мало такого простого выстрела, вечно ему надо выставиться. Вот глупость! Но мне-то какое дело, я не собирался его уличать.

Вечером, когда мы вернулись с

den døde leopard møtte mange av de indfødte op for å beskue den. Glahn sa forresten bare at vi hadde skutt den om morgningen og gjorde sig ikke videre til derav da. Maggie kom også tilstede. Hvem har skutt den? spurte hun.

Det ser du vel, to sår, vi skjød den imorges da vi gik ut. — Og han vendte dyret om og viste hende de to sår, både det i siden og det i hodet. Her gik min kugle, sa han og pekte på såret i siden fordi han i sin naragtighet vilde overlate til mig å ha rammet i hodet. Jeg gad ikke rette ham og gjorde det heller ikke. Glahn begyndte derefter å traktere de indfødte med risøl, ja gav en mængde ut til hvem som vilde drikke.

De har skutt den begge to, sa Maggie for sig selv, og hun så dog hele tiden på Glahn.

Jeg trak hende med mig til siden og sa: Hvorfor ser du hele tiden på ham? Står ikke også jeg ganske nær ved?

Jo, svarte hun. Og hør: jeg kommer iaften.

Dagen efter var det at Glahn fik det brev. Det kom nemlig et brev til ham med ekspres fra flodstationen og det

убитым леопардом, нас окружили туземцы. Глан, правда, сказал только, что мы подстрелили его утром, и больше не распространялся. Тут же была и Магги.

— А кто его убил? — спросила она.

— Сама видишь, тут две раны, мы убили его еще утром. — И он перевернул тушу и показал ей обе раны, на боку и в голове.

— Вот тут прошла моя пуля, — сказал он и показал на дырку в боку; из-за его глупости получалось, будто я попал в голову. Я не удостоил поправлять его, к чему? Потом Глан стал потчевать туземцев рисовой водкой и поил всех, кому не лень.

— Значит, они вместе его убили, — тихонько проговорила Магги, но смотрела она все время на одного Глана.

Я отвел ее в сторонку и сказал:

— Что ты все на него смотришь? А меня не видишь, что ли?

— Вижу, — ответила она. — Послушай, я сегодня приду.

Как раз на другой день Глан и получил то письмо. Это я о письме, которое пришло пароходом, а потом

hadde gat en omvei på et hundrede og otti miles. Breves var skrevet med en kvindehand og jeg tænkte ved mig selv at det kanske var fra hans forrige veninde, den høitstående dame.

Glahn lo nervøst da han hadde læst det og gav budet en pengeseddel ekstra fordi han var kommet med det. Men det varte ikke længe før han blev taus og mørk og bestilte intet andet end å stirre ret frem for sig. Om kvælden dråk han sig fuld med en gammel dværg av en indfødt og dennes søn og han omfavnet også mig og vilde absolut ha mig til å drikke med.

De er så elskværdig iaften, sa jeg.

Så lo han meget høit og sa:

Her ligger nu vi to midt indi Indien og skyter vildt, hvad? Er dette ikke gruelig komisk? Og skål for alle verdens riker og lande og skål for alle smukke kvinder, gifte og ugifte, fjærnt og nær. Hoho! Tænk Dem en mand og en gift kone frir til ham, en gift kone!

En grevinde! sa jeg spydig. Jeg sa det meget spydig og det smærtet ham. Han gren som en hund fordi det smærtet ham. Så rynket han pludselig panden og

sto Восемьдесят миль кружило по суше. Письмо было надписано женской рукой, и я смекнул, что, верно, оно от его прежней подруги, высокопоставленной дамы.

Прочтя письмо, Глан нервически расхохотался и дал посыльному на чай за то, что тот его доставил.

Скоро, однако, он снова примолк, помрачнел и весь день сидел сложа руки и уставясь в одну точку.

Вечером он напился пьян в компании со старым туземным карлой и его сыном, он и меня обнимал и все требовал, чтобы я тоже выпил.

— С чего это вы сегодня так любезны? — спросил я.

Тут он громко засмеялся и сказал:

— Забрались мы с вами в эту самую Индию и охотимся, а? Ну, не смехотворно ли? Так выпьемте же за все царства мира и за всех хорошеньких женщин, замужних и незамужних, близких и дальних. Ха-ха! Подумайте! Мужняя жена — и предлагается мужчине, мужняя жена!

— Графиня! — сказал я едко. Я сказал это очень едко и попал в самую точку. Он оскалился, как собака, потому я и говорю с

begyndte å blinke med øinene og tænke grundig over om han skulde ha sagt formeget, så høitidelig anstilte han sig med den smule hemmelighet.

Men i det samme kom endel børn løpende bortimot vor hytte og ropte og skrek: Tigrene, ohoi, tigrene! Et barn var blit snappet av en tiger næsten like ved landsbyen, i en kratskog mellem byen og floden.

Det var nok for Glahn som var beruset og i en sønderreven sindstilstand, han grep sin rifle og sprang i et nu ned til kratskogen; han hadde ikke engang hat på. Men hvorfor tok han riflen nu istedetfor haglbørsen hvis han virkelig var så motig?

Han måtte vade over floden hvad som ikke var uten fare, men floden var rigtignok også næsten tør nu like til regntiden; en stund efter hørte jeg to skudd og umiddelbart derpå endnu et tredje skudd.

Tre skudd til et dyr! tænkte jeg; en løve vilde ha tumlet for to skudd og dette er dog bare en tiger! Men endog disse tre skudd var til ingen nytte, barnet var

уверенностью, что попал в самую точку. Потом он вдруг нахмурился, у него задергались веки, видно, спохватился, не слишком ли много выболтал, будто кому нужна его несчастная тайна.

Но тут как раз к нашей хижине подбежало несколько ребятишек с криками:

— Тигры! Ой, тигры!

У самой околицы, в кустах, как идти к реке, тигр схватил ребенка.

Глану, недаром он раскис и вдобавок напился, этого было достаточно, он тотчас схватил винтовку и бросился к кустарнику, даже головы не покрыл. Интересно, однако, узнать, отчего он взял все же винтовку, а не дробовик, раз уж он такой храбрый?

Ему пришлось переходить реку вброд, что небезопасно, правда, рекато, надо сказать, перед дождями почти совсем пересохла. Скоро я услышал два выстрела и следом за ними третий.

Три выстрела по одному зверю! — подумал я; двумя выстрелами можно уложить льва, а здесь ведь тигр всегонавсего! Но и три выстрела были

allikevel revet ihjæl og halvt opætt da Glahn kom; hvis han ikke hadde været så beruset vilde han heller ikke ha gjort et forsøk på å redde det.

Natten tilbragte han i sus og dus i vor nabohytte sammen med en enke og hendes to døtre, Gud vet sammen med hvem av dem.

I to dager var Glahn ikke ædru en eneste stund og han hadde også fat mange kamerater å drikke med. Han opfordret mig forgjæves til å ta del i sviren, han skjøttet ikke lenger om hvad han sa og bebreidet mig at jeg var skinsyk på ham.

Deres skinsyke forblinder Dem, sa han.

Min skinsyke! Jeg skinsyk på ham!

Vet De hvad, sa jeg, skinsyk på Dem!

Hvad skulde jeg være skinsyk på Dem for?

Neinei, så er De ikke skinsyk på mig, svarte han. Jeg har forresten hilst på Maggie i kvæld, hun tygget som sædvanlig.

Jeg bet mit svar i mig og gik.

IV

напрасны, ребенок был разодран в клочья и почти съеден, когда подоспел Глан; не будь он так пьян, он бы и не пытался его спасать.

Всю ночь он прокутил в соседней хижине с одной вдовой и двумя ее дочками; уж не знаю, с кем именно из них.

Два дня потом Глан и часа не был трезв, и собутыльников нашлось предостаточно. Он зазывал и меня, он уже не соображал, что говорит, и заявил, будто я к нему ревную.

— Вас ослепляет ревность, — говорит.

Ревность! Это я-то ревную!

— Помилуйте, — говорю, — я ревную! Да с чего бы я стал ревновать!

— Нет, нет, конечно, вы не ревнуете, — ответил он. — Кстати, я сегодня видел Магги, она жевала, как всегда.

Я прикусил язык и отошел.

4

Vi begyndte atter å gå på jagt. Glahn følte at han hadde forurettet mig og bad mig om undskyldning herfor.

Forresten er jeg jammerlig kjed av det hele, sa han; jeg vilde ønske at De skjød feil en dag og gav mig en kugle i strupen.

Det var kanskje atter brevet fra grevinden som ulmet i hans erindring og jeg svarte:

Som man reder så ligger man.

Han blev for hver dag mere taus og mørk, han drak ikke mere og sa heller ikke et ord mere; hans kinder blev hule.

En dag hørte jeg pludselig passiar og latter utenfor mit vindu, jeg så ut, Glahn hadde igjen fat sin lystige mine på og stod og talte høit med Maggie. Han brukte alle sine bedårende kunster.

Maggie måtte nok være kommet like hjemmefra og Glahn hadde passet hende op. De betænkte sig ikke engang på å slå sig sammen ret utenfor min glasrute.

Jeg følte en skjælving i alle mine lemmer og jeg spændte hanen på min rifle og lot den igjen gå ned. Jeg trådte ut på plassen og tok Maggie i armen; vi gikk tause ut efter byen; Glahn forsvant straks ind i hytten.

Мы снова стали ходить на охоту.

Глан чувствовал, что виноват передо мной, и попросил у меня прощения.

— А вообще-то мне все надоело до смерти, — сказал он. — Хорошо бы вы как-нибудь промахнулись и всадили мне пулю в затылок.

«Небось снова письмо графини ему покоя не дает», — подумал я и ответил:

— Что посеешь, то и пожнешь.

С каждым днем он делался все мрачней и тише, пить он перестал, но и не говорил ни слова; щеки у него ввалились.

Однажды я вдруг услышал смех и болтовню у себя под окном, выглянул, а там Глан, опять с самой беззаботной миной громко разговаривает с Магги. Все свои чары в ход пустил. Видно, она шла прямо из дому, а он ее подстерег. Стоят и любезничают под самым моим окном, и хоть бы что!

Я прямо-таки затрясся, схватил ружье, взвел курок, но тут же опустил ружье. Я вышел, взял Магги за руку, мы молча пошли по поселку; Глан тотчас скрылся в хижине.

Hvorfor taler du atter med ham? spurte jeg Maggie.

Hun svarte ikke.

Jeg var fortvilet til døden, mit hjerte klappet så hårdt at jeg knapt kunde trække pusten. Aldrig hadde jeg set Maggie smukkere end da, jeg hadde aldrig set en helt hvit pike så smuk og derfor glemte jeg at hun var tamuler og glemte alt for hendes skyld.

Svar mig, sa jeg, hvorfor taler du med ham?

Jeg synes bedre om ham, svarte hun.

Synes du bedre om ham end om mig?

Ja.

Nå, hun syntes bedre om ham skjønt jeg nok kunde måle mig med ham! Hadde jeg ikke alltid været venlig mot hende og gi t hende skillinger og foræringer? Og hvad hadde han gjort?

Han gjør løier med dig, han sier at du tygger, sa jeg.

Det forstod hun ikke og jeg forklarte hende det bedre at hun alltid hadde den vane å stikke aking i munden og tygge på det og at Glahn gjorde sig lystig over hende derfor. Dette gjorde mere indtryk på hende end alt andet som jeg sa.

— Опять ты с ним говорила, зачем? — спросил я у Магги.

Она не отвечала.

Мне стало тошно, сердце колотилось безумно, я едва переводил дух. Никогда еще не видал я Магги такой красивой, я и белой девушки такой красивой никогда не видал, и я совершенно забыл, что она тамилка, я вообще ни о чем, кроме нее, уже не помнил.

— Скажи, — попросил я, — почему ты с ним говорила?

— Он мне нравится, — ответила она.

— Он тебе нравится больше меня?

— Да.

Ну вот, пожалуйста, он ей нравится больше меня, а чем я хуже? Ведь как я всегда к ней был добр, вечно совал ей деньги и подарки, а он?

— Он над тобой смеется, говорит, что ты жуешь, — сказал я.

Она было не поняла, но я растолковал ей, что вот у нее привычка все совать в рот и жевать, а Глан из-за этого над ней насмехается. Наконец мне удалось произвести на нее некоторое впечатление.

Hør her, Maggie, sa jeg videre, du skal være min for altid; vil du ikke det? Jeg har tænkt over det, du skal følge med mig når jeg reiser herfra, jeg vil gifte mig med dig, hører du, og vi skal reise til mit eget land og bo. Det vil du vel?

Og dette gjorde også indtryk på hende, Maggie blev livlig og talte meget med mig på spaseren. Hun nævnte bare en gang Glahn, hun spurte:

Og skal Glahn være med os når vi reiser?

Nei, svarte jeg, det skal han ikke. Er du bedrøvet derfor?

Nei nei, svarte hun hurtig, jeg er glad derfor.

Mere sa hun ikke om ham og jeg følte mig beroliget. Maggie gik også med mig hjem da jeg bad hende derom.

Da hun et par timer senere forlot mig klatret jeg op stigen til Glahns rum og banket på den tynde rørdør. Han var hjemme. Jeg sa:

Jeg kommer for å si Dem at vi kanskje ikke bør ta på jagt imorgen.

Hvorfor ikke? spurte Glahn.

Fordi jeg ikke svarer for at jeg ikke

— Послушай, Магги, — сказал я далее, — ты будешь моей навеки, хочешь? Я все обдумал: ты поедешь со мной, когда я буду уезжать, я возьму тебя в жены, слышишь, и мы поедem ко мне на родину и там будем жить. Ну как?

Это тоже произвело на нее впечатление. Магги развеселилась и всю прогулку болтала без умолку. Глана она упомянула только раз, она спросила:

— А Глан тоже с нами поедет?

— Нет, — ответил я, — он не поедет с нами. Ты жалеешь?

— Нет-нет, — быстро ответила она. — Я рада.

Больше она о нем не говорила, и я успокоился. И когда я ее позвал к себе, она пошла.

Часа через два, когда я остался один, я вскарабкался к Глану и постучал в тонкую тростниковую дверцу. Он был дома. Я сказал:

— Я пришел предупредить вас, что завтра нам, пожалуй, не стоит идти на охоту.

— Отчего же? — спросил Глан.

— Оттого, что я за себя не

kommer til å skyte feil, at jeg ikke gir
Dem en kugle i strupen.

Glahn svarte ikke og jeg gikk ned igjen.
Efter denne advarsel torde han vel ikke
gå på jakt imorgen; men hvorfor hadde
han også lokket Maggie bort under mit
vindu og fjaset høit med hende?

Hvorfor reiste han ikke hjem igjen når
brevet virkelig kaldte ham tilbake?
Istedet derfor gikk han ofte og bet
tænderne sammen og ropte hen i luften:
Aldrig! Aldrig! Før later jeg mig
partere!

Men morgningen efter at jeg hadde git
ham den advarsel om kvælden stod
allikevel Glahn foran min seng og ropte:
Op, op, kamerat! Det er det deiligste
veir, vi må skyte noget. Forresten var
det dumt det De sa igårftes.

Klokken var ikke engang mere end fire,
men jeg stod straks op og gjorde mig
istand til å ta med fordi han foragtet min
advarsel. Jeg ladde min borse før jeg tok
ut og lot ham stå og se på at jeg gjorde
det. Det var atpå kjøpet ikke det
deiligste veir som han sa, det regnet og
derved hånet han mig endnu mere. Men

ручаюсь, я могу вдруг промахнуться
и всадить вам пулю в затылок.

Глан не отвечал, и я спустился к
себе. Ему бы в самый раз не идти со
мною на охоту после такого
предупреждения; и потом, зачем он,
спрашивается, торчал с Магги у меня
под окном, да еще громко с ней
любезничал?

И вообще, почему бы ему не уехать
на родину, если в письме его и правда
звали? Так нет же. Он ходил как
потерянный, и все сжимал зубы, и
вскрикивал: «Ни за что! Ни за что!
Лучше пусть меня четвертуют!»

И вот утром — это после такого-то
предупреждения! — Глан стоит
подле моей постели и кричит:

— Пора, пора, старина! Погодка
отличная! Как раз для охоты! А
насчет вчерашнего, так это вы чепуху
городили.

Еще не пробило и четырех, но я
тотчас вскочил и собрался, вольно же
ему было так небрежничать моим
предупреждением. Я заряжал ружье у
него на глазах, а он стоял и смотрел.
Вдобавок ко всему никакой такой не
было отличной погодки, напротив,
накрапывало, так что он в

jeg lot som ingenting og gik taus med.

Hele dagen streifet vi om i skogene, hver med sine egne tanker. Vi skjød intet, vi gik glip av det ene vildt efter det andre fordi vi tænkte på andre ting end jagten. Ved middagstid begyndte Glahn å gå noget foran mig som om han vikle gi mig en bedre leilighet til å gjøre med ham hvad jeg vilde. Han gik like loran min børsemunding, men også denne hån tålte jeg. Vi vendte hjem om kvælden uten at noget hadde hendt. Jeg tænkte: Kanske tar han sig nu i agt og later Maggie gå i fred!

Dette har været den længste dag i mit liv, sa Glahn om kvælden da vi stod ved hytten.

Det blev ikke talt mere mellem os.

I de følgende dager var han i det sorteste humør, vistnok stadig for det samme brevs skyld.

Jeg holder det aldeles ikke ut, nei jeg holder det ikke ut! sa han stundom om natten; vi hørte det gjennom hele hytten. Hans tværhet gik også så vidt at han ikke engang besvarte de venligste

буквальном смысле слова надо мной издевался. Но я не стал ничего говорить.

Весь день мы плутали по лесу, каждый со своими мыслями. Мы так ничего и не подстрелили, то и дело упускали дичь, нас ведь не охота занимала, а совсем другое. Начиная с полудня Глан пошел несколько впереди меня, чтобы мне было сподручней, или уж не знаю что. Шел перед самым дулом моего ружья, но я и эту издевку снес. Мы воротились без происшествий. Я думал: ничего, может, теперь немного окоротит себя и отстанет от Магги!

— Сегодня был самый длинный день в моей жизни, — сказал Глан вечером, когда мы подошли к хижине.

Больше мы не сказали друг другу ни слова.

В последующие дни он был в самом мрачном духе, возможно, все из-за письма.

— Я больше не могу, нет, я больше не могу! — вскрикивал он по ночам; на весь дом было слышно. В своей угрюмости он дошел до того, что не отвечал даже на самые любезные

spørsmål fra vor værtinde og han stønnet endog når han sov.

Hans samvittighet bærer på meget! tænkte jeg; men hvorfor i alverden reiser han ikke hjem? Hans hovmodighet forbød ham det sagtens, han vilde ikke være den som kom igjen når han engang var blit avvist.

Jeg traf Maggie hver kvæld og Glahn talte ikke mere med hende. Jeg la mærke til at hun hadde ophørt å tygge, hun tygget slet ikke mere og jeg glædet mig derover og tænkte: hun tygger ikke mere, det er en feil mindre og jeg elsker hende endnu dobbelt så meget! En dag spurte hun efter Glahn, hun spurte meget forsiktig. Var han ikke frisk? var han reist?

Hvis han ikke er død eller reist, svarte jeg, så ligger han vel hjemme. Mig er det like meget. Han er ikke til å holde ut med længer.

Men da vi i det samme kom frem til hytten fik vi se Glahn som lå på en matte på marken med hænderne under nakken og stirret til himmels.

Der ligger han så forresten, sa jeg.

Maggie gik like bort til ham inden jeg kunde forhindre det og sa med glad

распросы нашей хозяйки, и он стал стонать во сне.

«Да, не чиста у него совесть! — думал я. — И чего же это он домой-то не едет! Ясно, тут мешала гордыня, как же это он вернется, когда его прогнали!»

Я виделся с Магги всякий вечер, а Глан с нею больше не заговаривал. Я заметил, что она перестала жевать, она совсем теперь не жевала, и я этому радовался и думал: она уже не жует, одним недостатком меньше, и я ее за это вдвойне люблю! Раз она спросила о Глане. Осторожно так спросила: он не заболел? Не уехал?

— Если он не сдох и не уехал, — ответил я, — то уж, непременно, валяется дома. Мне это решительно безразлично. Он мне осточертел.

Но когда мы подошли к дому, мы увидали Глана, он лежал на циновке, заложив руки под голову и уставясь в небо.

— Да вон он, кстати, и лежит, — сказал я.

Магги тотчас подбежала к нему, я даже не успел ее удержать, и сказала

<p>stemme:</p> <p>Jeg tygger ikke mere, se selv! Ingen fjær, ingen pengestykker, ingen papirstumper tygger jeg mere.</p> <p>Glahn så knapt på hende og vedblev å ligge stille; men Maggie og jeg gik. Da jeg bebreidede hende at hun hadde brutt sit løfte og talte til Glahn igjen svarte hun at hun bare vilde tilrettevise ham.</p> <p>Ja det er godt, tilrettevis ham, sa jeg; men var det da for hans skyld du hørte op å tygge?</p> <p>Hun svarte ikke. Hvad, vilde hun ikke svare?</p> <p>Si, hører du, var det for hans skyld?</p> <p>Nei nei, svarte hun så, det var for din skyld.</p> <p>Og jeg kunde heller ikke tro andet. Hvorfor skulde hun gjøre noget for Glahns skyld?</p> <p>Om kvælden lovet Maggie å komme til mig og hun kom også.</p> <p>V</p> <p>Hun kom klokken ti, jeg hørte hendes</p>	<p>радостно:</p> <p>— Я больше не жую, смотри! Ни перьев, ни денег, ни бумажек!</p> <p>Тот едва глянул на нее и опять уставился в небо, а мы с Магги ушли. Когда я принялся укорять ее за то, что она нарушила обещание и опять заговорила с Гланом, она ответила, что, дескать, просто хотела его осадить.</p> <p>— А, это пожалуйста, — сказал я.</p> <p>— Но ты разве из-за него перестала жевать?</p> <p>Она не отвечала. Это еще что такое — не отвечать?</p> <p>— Говори же, из-за него или нет?</p> <p>— Нет, нет, — ответила она, — это я из-за тебя.</p> <p>Ну, так я и думал. И зачем бы она стала что-то делать ради Глана?</p> <p>Вечером Магги обещала прийти ко мне, и она пришла.</p> <p>5</p> <p>Она пришла в десять часов, я</p>
---	---

røst utenfor, hun talte høit med et barn, som hun ledte ved hånden. Hvorfor kom hun ikke ind og hvorfor hadde hun barnet med? Jeg iagttar hende og får den anelse at hun gir et signal ved å tale så høit med barnet, jeg ser også at hun holder øinene rettet mot kvistetagen, mot Glahns vindusrute.

Hadde han kanskje nikked til hende eller vinked indenfor ruten da han hørte hende tale utenfor? Ialfald förstod jeg så meget at man ikke behøver å se høit tilveirs når man taler til et barn nede på jorden.

Jeg var i begrep med å gå ut til hende og ta hende i armen; men i det samme slap hun barnets hånd, hun lot barnet bli stående tilbake og kom selv ind gjennom døren til hytten. Hun trådte ind i gangen. Nå så kom hun endelig, jeg skulde også revse hende eftertrykkelig når hun kom!

Nu står jeg og hører at Maggie træder ind i gangen, jeg tar slet ikke feil, hun er næsten like ved min dør. Men istedetfor å komme ind til mig hører jeg hendes trin opover stigen, op til kvisten, til Glahns hul, jeg hører det så altfor vel.

услыхал ее голос. Она вела за руку ребенка и громко ему что-то говорила. Зачем она привела ребенка и зачем не входит в дом? Я слежу за ней, и мне начинает казаться, что этот ее громкий разговор с ребенком попросту сигнал, а еще я замечаю, что она не отрывает глаз от чердака, от Гланова оконца.

Кивнул он ей, что ли, или рукой помахал, слышав снизу ее голос? Одно ясно — когда говоришь с ребенком, не к чему задирать голову кверху — такое-то уж я могу понять.

У меня появилось желание выскочить и схватить ее за руку, но она уже отпустила ребенка, тот так и остался стоять, а сама вошла в нашу дверь. Ну вот наконец-то, сейчас я ее отчитаю.

И вот я слышу, как Магги входит в дверь, ошибки быть не может, она уже почти у моей комнаты. Но вместо того чтоб войти ко мне, она поднимается по лестенке наверх, я это слышу, она карабкается на чердак, в каморку Глана, о, я это очень даже слышу.

Jeg støter min dør op på vid væg, men Maggie er allerede kommet op. Døren lukkes efter hende deroppe og jeg hører intet mere. Dette var klokken ti.

Jeg går ind og sætter mig i mit eget rum og jeg tar min borse og lar den skjønt det er midt på natten. Klokken tolv går jeg opover stigen og lytter ved Glahns dør, jeg hører Maggie derinde, jeg hører at hun er god mot Glahn og jeg går ned igjen.

Klokken ett går jeg atter op, da er alt stille. Jeg venter utenfor døren til de våkner. Klokken blir tre, blir fire, og da den blev fem våknet de.

Det er godt! tænkte jeg og jeg tænkte ikke på noget andet end at de nu var våknet og at det var meget godt. Men litt efter hørte jeg støi og uro nede i hytten, fra min værtindes rum, og jeg måtte skyndsomt begi mig ned igjen for ikke å bli overrasket av hende. Glahn og Maggie var tydelig våkne og jeg kunne ha lyttet meget mere, men måtte gå.

I gangen sa jeg til mig selv: Se her gik hun, hun strøk min dør med sin arm, men hun åpnet ikke døren, hun gik opover stigen og her er stigen også, disse fire trin har hun trådt på.

Я распахиваю свою дверь настежь, но Магги уже поднялась. За ней захлопывается тростниковая дверца, и больше я не слышу ничего. Это все было в десять часов.

Я вхожу к себе, беру ружье, сажусь и заряжаю его, хоть дело уже к ночи. В полночь я поднимаюсь наверх и подслушиваю у Глана под дверью, я слышу, что там Магги, что они поладили, и я снова спускаюсь.

В час я снова поднимаюсь, но все уже тихо. Я жду под дверью, когда же они проснутся. Три часа, четыре. В пять они проснулись.

«Хорошо же», — подумал я, и больше я ни о чем не думал, только о том, что вот, мол, они проснулись и как это хорошо. Но тут донесся шум из комнаты хозяйки, и, опасаясь быть застигнутым, я поспешил вниз. Глан и Магги проснулись, мне бы еще послушать, но вот пришлось уйти.

Внизу я подумал: «Тут она прошла, она задела за мою дверь плечом, но она ее не открыла, она поднялась по лесенке, вон она, эта лесенка, четыре приступочки, и она по ним ступала».

Min seng stod endnu urørt og jeg la mig heller ikke nu i den, men jeg satte mig ved vinduet og fingret litt ved min rifle. Mit hjærte slog ikke, det skalv.

En halv times tid efter hører jeg påny Maggies trin i stigen. Jeg ligger op mot min rute og ser at hun træder utenfor hytten. Hun hadde det lille korte bomuldsskjørt på som ikke rak hende til knærne engang og over akslerne endnu et uldent skjærf som hun hadde lånt av Glahn. Foruten dette var hun aldeles naken og det lille bomuldsskjørt var meget opkrøllet. Hun gik langsomt som hendes vane altid var og så end ikke nu bort til min rute. Så forsvandt hun om hytterne.

Noget efter kom Glahn ned med riflen under armen fuldt færdig til jagt. Han var mørk og hilste ikke. Forresten hadde han pyntet sig og gjort sig usædvanlig flid med sit toilette. Han har pyntet sig som en brudgom, tænkte jeg.

Jeg gjorde mig faerdig straks og gik med ham og ingen av os sa noget. De to første høns vi skjød rev vi ynkelig istykker fordi vi skjød dem med rifle, men vi stekte dem under et træ så godt vi kunde og fortæret dem i taushet. Så

Постель моя была не смята, и я не стал ложиться, я сел у окна и занялся ружьем. Сердце у меня не билось, оно дрожало.

Через полчаса я снова слышу шаги Магги по ступенькам. Я принимаю к окну и вижу, как она выходит из дому. На ней была ситцевая юбочка, которая даже и до колен-то не доходила, а на плечах шерстяной шарф Глана. Больше на ней ничего не было, а юбочка вся измялась. Она шла медленно, она всегда так ходила, и даже не оглянулась на мое окно. Так и ушла.

Скоро вниз сошел Глан, с винтовкой, в полном снаряжении для охоты и мрачный. Мне он не поклонился. Одет он был как-то особенно тщательно и нарядно. «Нарядился, как жених», — подумал я.

Я тут же схватился и пошел за ним, и мы оба молчали. Первых двух курочек мы нещадно разорвали в клочья, потому что стреляли из винтовок, но все же кое-как зажарили их под деревом и съели, и все это

gik tiden til klokken tolv.
Glahn ropte på mig:
Er De sikker på at De har ladd? Vi kunde kanske støte på noget uventet. La ialfald.
Jeg har ladd, svarte jeg tilbake.
Så forsvandt han et øieblink bak et krat.
Hvor det skulde være mig en fryd å skyte ham, brænde ham ned som en hund! Det hastet ikke, han kunde endnu gjøre sig tilgode ved tanken på det og han forstod nok tydelig hvad jeg hadde i sinde, derfor spurte han også om jeg hadde ladd.
End ikke idag hadde han kunnet la være å gi efter for sit hovmod, han hadde pyntet sig og tat en ny skjorte på; hans mine var over al måte hovmodig.
Ved ettiden stanser han blek og sint foran mig og sier:
Nei jeg holder det ikke ut! Se dog efter om De har ladd, mand, om De har noget i børsen.
Må jeg be Dem passe Deres egen børse, svarte jeg. Men jeg visste meget vel hvorfor han idelig spurte til min børse.
Og han gikk atter bort fra mig. Mit svar hadde vist ham så eftertrykkelig tilbake

молча. Так подошло к полудню.
Глан крикнул:
— А вы точно зарядили? Вдруг на что нападём!
— Я зарядил! — крикнул я в ответ.
Тут он на мгновение исчез за кустами. О, с каким бы счастьем я пристрелил его сейчас, как собаку!
Но куда спешить, пусть его походит с такими вот мыслями, ведь он отлично же понимал, что у меня на уме, оттого и спросил, зарядил ли я.
И хоть бы сегодня, хоть сегодня не носился со своей гордыней, ведь как нарядился, и новую рубашку надел; и физиономия в высшей степени высокомерная.
В час дня, злой, бледный, он смотрит мне в лицо и говорит:
— Нет, это невыносимо! Да проверьте вы наконец, заряжено ли у вас, есть ли там патроны?
— Лучше потрудитесь проверить собственное ружье, — ответил я. Но я ведь прекрасно знал, отчего он все спрашивает про мое ружье.
И он снова отошел в сторону. Я достаточно ясно указал ему его

at han blev sagtmødig og lot hodet synke da han gik bort.

Efter en stund skjøt jeg en due og ladde igjen. Mens jeg var i færd hermed står Glahn halvt skjult bak en træstamme og ser på mig og ser på at jeg virkelig lar og litt efter gir han sig til å synge høit og tydelig en salme og det var endog en bryllupssalme.

Han synger bryllupssalmer og tar sine bedste klær på, tænkte jeg, på den måte mener han nu å være mest bedårende idag. Endnu før han hadde sunget tilende begyndte han å gå sagte foran mig med hængende hode og mens han gik sang han fremdeles.

Han holdt sig atter like foran min riflemunding som om han tænkte: Ja se nu skal det ske, derfor synger jeg denne bryllupssalme! Men det skedde intet endnu og da han tidde måtte han se tilbake på mig.

Vi skyter så allikevel ingenting idag, sa han og smilte for å undskylde sig hos mig og gjøre det godt igjen at han sang på jagt. Men endnu i dette øieblik var hans smil skjønt, det var som om han gråt i sit indre og hans læber bævet

место, и он притих и повесил голову.

Час спустя я подстрелил голубя и снова зарядил ружье. Пока я заряжаю, Глан стоит за деревом и смотрит, смотрит, действительно ли я зарядил, и вскоре после этого он громко и отчетливо затягивает псалом и даже, представьте, свадебный.

«Поет свадебный псалом, нарядился, — думал я, — видно, считает, что сегодня он особенно неотразим». И он пошел прямо передо мной, свесив голову, тихим шагом, и все пел.

Он опять шел прямо перед самым моим дулом, видно, думал — ну вот сейчас, сейчас это должно произойти, оттого я и пою свадебный псалом! Но ничего, однако, не произошло, и, когда он кончил, ему пришлось-таки оглянуться.

— Этак мы сегодня не много настреляем, — сказал он и улыбнулся, извиняясь передо мной за то, что пел на охоте. И даже тут улыбка его была прекрасна, словно бы сквозь слезы, а губы у него в

virkelig også skjønt han gjorde sig til av å kunne smile i denne alvorlige stund.

Jeg var intet fruentimmer og det så han nok at han intet indtryk gjorde på mig, han blev utålmodig, blek, han kredset omkring mig med hidsige skridt, var snart tilvenstre og snart tilhøire for mig og nu og da stanset han og ventet mig op.

Ved femtiden hørte jeg pludselig et knald og en kugle pep forbi mit venstre øre. Jeg så op, Glahn stod urørlig i nogen skridts afstand fra mig og stirret på mig, hans rykende gevær lå i hans arm. Hadde han villet skyte mig? Jeg sa:

De feilet, De skyter slet i det siste.

Men han skjøt ikke slet, han feilet aldrig, han hadde bare villet opirre mig.

Så ta hævn, for satan, skrek han tilbake.

Når min tid kommer, sa jeg og bet tænderne sammen.

Vi står og ser på hverandre og pludselig trækker Glahn på akslerne og roper «kujon» over til mig. Hvorfor skulde han også kalde mig en kujon? Jeg kastet

самом деле дергались, хоть, конечно, и здесь была рисовка — вот, мол, улыбаюсь в такой решающий час.

Я ему не баба, и он отлично понял, что меня такими штучками не проймешь, он стал нервничать, кружил вокруг меня, то справа зайдет, то слева, а то остановится и поджидает.

В пять часов я вдруг услышал выстрел, и над левым моим ухом просвистела пуля. Я поднял глаза, Глан стоял в нескольких шагах и смотрел на меня не отрываясь, его ружье дымилось. Что ж, он хочет, что ли, пристрелить меня? Я сказал:

— Вы промахнулись, вы плохо стали стрелять.

Но он стрелял отнюдь не плохо, он не промахивался никогда, просто ему хотелось взбесить меня.

— О черт, так отомстите же! — крикнул он в ответ.

— Всему свое время, — сказал я и стиснул зубы.

Так мы стоим и смотрим друг на друга, и вдруг Глан пожимает плечами и кричит мне: «Трус!»

Ах, вот как, он еще будет меня

<p>min rifle til kindet, sigtet ham like i ansigtet og trak av.</p> <p>Som man reder så ligger man ....</p> <p>Men nu behøver ikke familien Glahn å søke mere efter denne mand, det irriterer mig stadig å støte på dette tåpelige avertissement om så og så stor dusør for opplysninger om en død. Thomas Glahn døde ved et ulykkestilfælde, et vådeskudd på jakt i Indien. Retten gjæmte hans navn og hans endeligt i en protokoll med gjennomdragne blade og i denne protokoll står det at han er død, sier jeg Dem, ja endogså at han døde ved et vådeskudd.</p>	<p>называть трусом! Я вскинул ружье, прицелился ему прямо в лицо и выстрелил.</p> <p>Что посеешь, то и пожнешь...</p> <p>И нечего семейству Глан продолжать розыски этого человека. Меня давно бесит дурацкое уведомление о таком-то и таком-то вознаграждении за сведения о покойнике. Томас Глан умер от несчастного случая, от шальной пули на охоте в Индии. Суд занес его имя и дату кончины в протокол, протокол подшили в папку, и в этом протоколе значится, что он умер, — слышите вы! — умер, и умер именно от шальной пули.</p>
--	--

Норвежский текст сканировал и проверил, параллельный текст для мультязыкового проекта www.franklang.ru подготовил Илья Франк